

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
О Т Д Е Л Е Н И Е   Л И Т Е Р А Т У Р Ы   И   Я З Ы К А
П У Ш К И Н С К А Я   К О М И С С И Я

В Р Е М Е Н Н И К
П У Ш К И Н С К О Й
К О М И С С И И

1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1969

Редактор
акад М. П. АЛЕКСЕЕВ

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ
1966

*Утверждено к печати
Пушкинской комиссией Отделения литературы и языка
АН СССР*

Редактор издательства Т. А. Никонова
Технический редактор О. Н. Скобелева

Корректоры Н. Э. Петрова и Н. П. Яковлева

Сдано в набор 7/1 1969 г. Подписано к печати 5/V 1969 г.
РИСО АН СССР № 12-138В. Формат бумаги $60 \times 90^{1/16}$.
Бум. л. $2^{3/4}$. Печ. л. $5^{1/4} + 2$ вклейки ($^{1/4}$ печ. л.) = $5^{1/2}$ усл.
печ. л. Уч.-изд. л. 6.17. Изд. № 3919. Тип. вак. № 12. М-40119.
Тираж 8200. Бумага № 2

Цена 39 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

7-2-2

200-69 (I пол.)

1-я тип. издательства «Наука»
Ленинград, В-34. 9 линия, д. 12

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пятый выпуск «Временника Пушкинской комиссии», следуя программе, принятой в первых выпусках этого издания (выходящего с 1963 г.), подводит итоги изучению и популяризации творчества Пушкина за 1966 г.

Как и в предшествующих выпусках «Временника», отдел «Материалы и сообщения» открывается публикациями о последних приобретениях Пушкинского рукописного фонда. Здесь приводятся данные о недавно поступившем в этот фонд вновь найденном беловом автографе стихотворения Пушкина «Красавица», который долгое время считался утраченным. Здесь же публикуются сведения о копии «Записок Екатерины II», принадлежавшей Пушкину и изъятой из бумаг поэта жандармскими властями вскоре после его смерти; в настоящее время эта копия, на которой имеются пометки Пушкина, также поступила в фонд пушкинских рукописей.

В этом же отделе публикуется статья Т. П. Мазур и Н. Н. Малова, написанная на основе бумаг архива С. С. Уварова, паходящихся в Государственном Историческом музее в Москве; приводимые здесь документы дополняют несколькими штрихами историю взаимоотношений Пушкина и Уварова, закончившуюся полным их разрывом в 1834 г., когда Уваров был назначен министром просвещения и получил в свои руки контроль над всеми цензурными инстанциями. Далее помещена статья А. В. Корниловой, обращающей внимание биографов Пушкина на неизвестный ранее набросок портрета поэта, эскизно сделанный в школьной тетради сына П. А. Вяземского — П. П. Вяземского. В заметках А. Л. Вайнштейн и В. П. Павловой, имеющих своей основной

целью доказательство того, что под «гр. Л.», упоминаемой в одном из черновых планов неосуществленной повести «Гости съезжались на дачу», Пушкин имел в виду изобразить графиню А. Г. Лаваль, сообщаются новые данные о петербургских Лаваль, которых он хорошо знал и неоднократно встречал.

В отделе «Обзоры» печатается перечень книг о Пушкине, вышедших в 1966—1967 гг., и ряд заметок обзорно-библиографического характера, в которых, в частности, названы до сих пор ускользавшие от внимания пушкиноведов архивные данные или редкие, малоизвестные издания на русском и иностранных языках, имеющие отношение к жизни и творчеству Пушкина.

Заключает выпуск «Хроника», в которой, как и в предшествующих выпусках, читатель найдет сведения об основных событиях в области пушкиноведения в 1966—1967 гг.

Все цитаты из Пушкина в текстах нижеследующих статей и материалов даются по «Полному собранию сочинений» Пушкина (тт. I—XVI, Изд. АН СССР, 1937—1949) — если цитируемое издание не оговорено особо — в такой форме: Акад., том, страница (или номер письма); при многократных ссылках — без повторения условного обозначения «Акад.».

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

О. А. ПИНИ

НОВОНАЙДЕННЫЙ АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ПУШКИНА «КРАСАВИЦА»

В 1834 г. Пушкин опубликовал в журнале «Библиотека для чтения» за полной своей подписью стихотворение «Красавица (В Альбом Г****)».¹

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
В ее сияньи исчезает
Красавиц наших бледный круг...²

К кому обращено стихотворение и в чей альбом оно было вписано, долгое время оставалось неизвестным. По этому поводу высказывались различные предположения. Лишь случайная находка автографа этого стихотворения позволила окончательно установить, что оно предназначалось для альбома известной петербургской красавицы, графини Елены Михайловны Завадовской, урожденной Влодек (1807—1874), и имеет ее в виду.

В 20—30-е годы гр. Е. М. Завадовская пользовалась в Петербурге большой известностью; ее красота вызвала немало количество восхищенных откликов современников. П. А. Вяземский в посвященном ей стихотворении писал:

Красавиц севера царица молодая!
Чистейшей красоты высокий идеал!
Вам глаз и сердца дань, вам лиры песнь живая
И лепет трепетный застенчивых похвал!³

Воспета Завадовская и в стихотворении И. И. Козлова.⁴

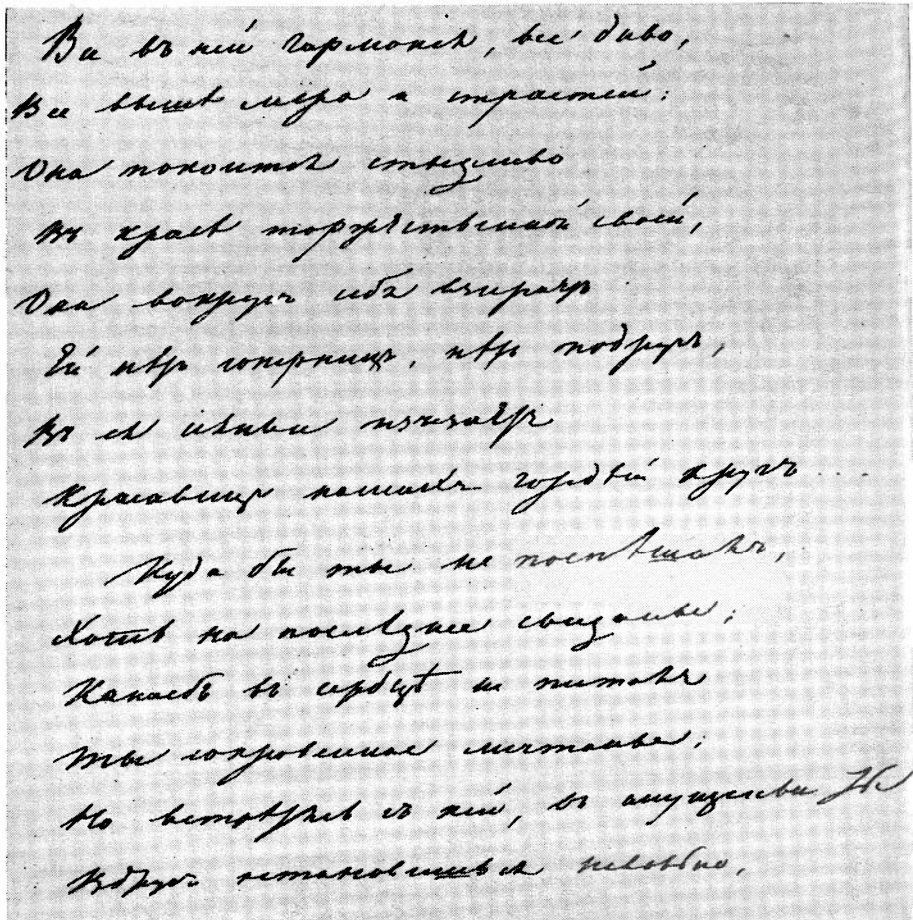
¹ «Библиотека для чтения», 1834, т. III, отд. I, стр. 238.

² Акад., III (1), 287.

³ П. А. Вяземский. Стихотворения. Изд. «Советский писатель», Л., 1958, стр. 233—235.

⁴ И. И. Козлов. Полное собрание стихотворений. Изд. «Советский писатель», Л., 1960, стр. 206—207.

Сохранилось несколько изображений Завадовской. Мы воспроизводим здесь гравюру А. Шалона из «Подробного словаря русских гравированных портретов» Д. А. Ровинского (т. II, СПб.,

Во во мнѣ Пармонид, все даво,
Во мнѣ мнѣ мнѣ а мнѣ мнѣ;
Она похочетъ стуживо
Во хратъ морфидивнаго свои,
Она вохочетъ мнѣ мнѣ мнѣ
Во мнѣ мнѣ мнѣ, мнѣ мнѣ мнѣ,
Во мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
Красавица мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
Мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ,
Мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ;
Мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
Мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
Мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
Мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ

Беловой автограф стихотворения Пушкина «Красавица», первая страница.

1888, стр. 979—980). Известен также ее гравированный портрет (см. альманах «Утренняя заря» на 1842 г., изданный В. Владиславлевым, стр. 64—65)⁵ и портрет-миниатюра работы Бинемана

⁵ Воспроизведен затем в статье Н. О. Лернера «Северный цветок» («Столица и усадьба», 1917, № 73, стр. 13) и в альбоме Гос. музея А. С. Пушкина «Адресаты лирики А. С. Пушкина» (Изд. «Советская Россия», М., 1967).

Е. М. Завадовская. Гравюра А. Шалона.

(«Старые годы», 1910, июль—сентябрь, стр. 148). Еще один портрет Завадовской помещен в «Столице и усадьбе» (1917, № 76, стр. 10) без указания имени выполнившего его художника.

В истории автографа этого пушкинского стихотворения доныне остается немало неясного и загадочного. В 1929 г. автограф принадлежал некоему Скалону, у которого его приобрел В. В. Вересаев, передавший его на некоторое время М. А. Цявловскому для изучения. М. А. Цявловский вскоре сделал подробное описание этой рукописи в особой статье «Новые автографы Пушкина. I. Автограф стихотворения „Красавица“». «В нашем распоряжении находится оставшийся неизвестным автограф стихотворения Пушкина „Красавица“, — писал Цявловский в этой статье. — Это — лист альбомной бумаги белого цвета (без водяных знаков) размером 17,5 × 21 см, с золотым обрезом с трех сторон. Лист был вырезан из альбома, на что указывает дугообразный край внутренней стороны листа. Варварски дважды согнутый, лист был вложен в конверт, теперь уничтоженный». «История этого автографа, — продолжает Цявловский, — весьма загадочна. Лицо, владевшее им, нашло автограф в бумагах своего покойного брата. На конверте рукой неизвестного было написано: „Автограф Пушкина, написанный им в альбом графини Завадовской, подаренный ею Г., от которого получил я“. Кроме этого, на конверте было написано еще одно слово: „Генвария“. Вот и все, что мы знаем из истории этого листка».⁶

В. В. Вересаев умер 3 июня 1945 г., а в 1963 г. умерла и вдова писателя — М. Г. Смидович. Автограф «Красавицы» затерялся. Он был вновь найден редактором сочинений Вересаева Ю. У. Фохтом-Бабушкиным при обследовании архива покойного писателя. Автограф «Красавицы» был случайно обнаружен им в сумочке со старыми письмами на чердаке подмосковной дачи Вересаевых. Можно предположить, что сюда его переложила М. Г. Смидович. Здесь же хранилась записка М. А. Цявловского, в которой указано, что это стихотворение написано Пушкиным в альбом гр. Е. М. Завадовской.⁷

В 1967 г. этот автограф поступил в Пушкинский дом, переданный сюда по поручению племянницы В. В. Вересаева — В. М. Нольде.

---

⁶ Московский пушкинист. Статьи и материалы под ред. М. А. Цявловского. Вып. II. Изд. «Федерация», М., 1930, стр. 163—181.

⁷ См.: Бесценная находка. Как был найден автограф стихотворения Пушкина «Красавица». «Литературная газета», 22 ноября 1967 г.; Т. Лазарева. «Все в ней гармония, все диво». Найден автограф Пушкина. «Вечерний Ленинград», 18 ноября 1967 г.

Р. Е. ТЕРЕБЕНИНА

**КОПИЯ «ЗАПИСОК ЕКАТЕРИНЫ II»
ИЗ АРХИВА ПУШКИНА**

В марте 1966 г. в Пушкинский фонд Института русской литературы АН СССР из Центрального государственного архива древних актов в Москве поступила копия «Записок Екатерины II», принадлежавшая Пушкину, с его пометами. Судьба этой рукописи необычна. 8 января 1835 г. Пушкин записал в дневнике: «В<еликая> кн<ягиня> <Елена Павловна, жена вел. князя Михаила Павловича> взяла у меня „Записки Екатерины II“ и сходит от них с ума».¹ В день смерти поэта «Записки» находились в его кабинете и были опечатаны вместе с другими рукописями. В «Журнале, веденном при разборе бумаг покойного Александра Сергеевича Пушкина», в протоколе от 19 февраля 1837 г., среди просмотренных в этот день исторических материалов последними в списке, под номером 19, указаны «Секретные записки о жизни и смерти императрицы Екатерины 2-й, на французском языке, в двух книгах». Когда, по окончании просмотра, 25 февраля, Николаю I была представлена опись «всем вообще» бумагам «покойного камер-юнкера» Пушкина, то в графе «куда отданы» он против «Записок» написал: «ко мне».² Царское приказание было немедленно исполнено. В протоколе от 27 февраля читаем, что «Записки Екатерины II» «представлены его величеству».³ В экземпляре описи бумаг Пушкина, принадлежавшем В. А. Жуковскому, тоже сказано, что они «отданы государю импе-

---

¹ Акад., XII, 336. — В дальнейшем все ссылки на академическое собрание сочинений Пушкина в 16 томах даются в тексте.

² Дела III отделения собственной его императорского величества канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине. <Изд. С. Сухонина>, С116, 1906, стр. 192, 197.

³ См.: ИРЛИ, ф. 244, оп. 16, № 10, л. 202, так как в издании С. Сухонина часть этой записи опущена, или кн. М. А. Цявловского «Статьи о Пушкине» (Составление сборника, ред. и примеч. Т. Г. Цявловской. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 285), где «Журнал» напечатан по экземпляру В. А. Жуковского.

ратору».⁴ Изъятая таким образом из архива поэта рукопись долго, более чем на 100 лет, исчезла из глаз исследователей.

В начале 1859 г. за границей, в Лондоне, Вольной русской типографией были впервые изданы «давно известные в России по слухам и хранившиеся под спудом»⁵ «Секретные записки императрицы Екатерины II». В предисловии к ним А. И. Герцен писал, что среди списков рукописи «имелся и список, снятый в Одессе рукой знаменитого поэта Пушкина».⁶ В предисловии к вышедшему вслед за ним русскому переводу «Записок» об этом было сказано еще определеннее: «Пушкин в Одессе собственноручно переписал для себя все мемуары из библиотеки графа Воронцова».⁷ Предисловие Герцена к французскому изданию «Записок Екатерины II» было приложено ко всем последующим их иностранным изданиям, русское — ко всем изданиям «Записок» в русском переводе за границей и, с 1906 г., в России; в 12-том «Сочинений императрицы Екатерины II», изданных Академией наук, в примечаниях к «Запискам» приведены оба эти предисловия.⁸ Таким образом, благодаря многочисленным изданиям «Записок Екатерины II» за границей и в России сведения о том, что у Пушкина была их копия, имеющая одесское происхождение, получили самое широкое распространение. Выдержки из предисловий цитировались всеми пишущими о «Записках». В России в пушкиноведческой литературе об этом впервые сказал П. И. Бартенев в 1880 г. во вступительной заметке к публикации отрывков из дневника поэта: «... в Одессе... он <Пушкин> находит возможность собственноручно списать „Записки Екатерины II“».⁹ Опубликование в 1890 г. отрывка из дневника Пушкина с упоминанием о «Записках» и в 1906 г. «Журнала» разбора его бумаг¹⁰ документально подтвердило наличие у Пушкина копии «Записок Екатерины II» и способствовало еще большему утверждению «одесской» версии. Ссылка на «Журнал» и

---

⁴ М. А. Цявловский. Статьи о Пушкине, стр. 307.

⁵ См. извещение Герцена в «Колоколе» об издании «Записок» (А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XIII, Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 351).

⁶ Mémoires de l'impératrice Catherine II, écrits par elle-même et précédés d'une préface par A. Herzen. (Edition de N. Trübner et Cie), Londres, 1859, p. IV. — В том же году вышло 2-е издание книги.

⁷ Записки императрицы Екатерины II. Изд. Искандера. Пер. с франц. Trübner et Cie, London, 1859, стр. VII.

⁸ Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина, т. 12, 2-й полутом. Изд. имп. Академии наук, СПб., 1907, стр. 707, 708. — Здесь же на стр. 705—706 дан перечень всех изданий «Записок».

⁹ «Русский архив», 1880, кн. 2, стр. 488.

¹⁰ Л. Павлищев. Из семейных воспоминаний об А. С. Пушкине. Отдел II. Дополнение к отрывкам Дневника Александра Сергеевича Пушкина (1833—1835). «Русское обозрение», 1890, № 9, стр. 164; Дела III отделения. ..., стр. 192, 197.

Герцена стала обычной при комментировании соответствующего места дневника поэта, при этом дальше констатации факта дело обычно не шло.¹¹ В 1926 г. появилась статья М. П. Алексеева «Пушкин и библиотека Воронцова», в которой вопрос о происхождении пушкинской копии (списка) «Записок Екатерины II» впервые был подвергнут критическому исследованию. Разыскания привели ученого к заключению, что Пушкин, живя в Одессе, занимался в воронцовском архиве; тем не менее М. П. Алексеев писал: «Нахождение списка <«Записок Екатерины II»> в бумагах Пушкина, однако, нисколько не свидетельствует о том, что он снят был в Одессе, так как, вопреки словам Герцена, известны были и другие, правда немногочисленные, списки, происходившие, вероятно, от тургеневского, один из них, например, зимою 1822 г. был в руках Н. М. Карамзина».¹² Но голос молодого ученого прозвучал одиноко. В специальном постановлении юбилейной Пушкинской сессии Академии наук СССР от 14 февраля 1937 г. указывалось на необходимость принятия самых решительных мер к разысканию двух автографов Пушкина «исключительной важности» — тетради Милорадовича и «Секретных записок Екатерины II», «списанных Пушкиным в квартире графа М. С. Воронцова».¹³ Начатые поиски были прерваны войной. Рукопись была найдена лишь в 1949 г. В. Н. Шумиловым в ЦГАДА среди неразобранной части рукописного собрания библиотеки Зимнего дворца. Тогда же о находке появились сообщения в печати.¹⁴ Упоминания и краткие сведения о найденной рукописи встречаются в различных статьях и работах о Пушкине.¹⁵ Копия «За-

¹¹ См., напр.: Дневник А. С. Пушкина (1833—1835 гг.). Труды гсс. Румянцева музея, вып. I. ГИЗ, М.—Пгр., 1923, стр. 522 (комментарии В. Ф. Саводника и М. Н. Сперанского); Дневник Пушкина. 1833—1835. Под ред. и с объяснит. примеч. Б. Л. Модзалевского и со статьей П. Е. Шеголева. ГИЗ, М.—Пгр., 1923, стр. 233—234 (здесь Б. Л. Модзалевский высказал мнение о том, что «вряд ли Пушкин мог *собственноручно* списать копию со всех „Записок“, на это у него не нашлось бы ни времени, ни терпения»); А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в 6 томах, под ред. М. А. Цявловского, т. V, Изд. «Academia», М.—Л., 1936, стр. 712. Уже после нахождения копии то же повторяется в кн. М. А. Цявловского «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» (т. I. Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 413, 770) и в академических изданиях полного собрания сочинений А. С. Пушкина в 10 томах 1949, 1958 и 1964 гг. (т. VIII).

¹² Пушкин. Статьи и материалы. Под ред. М. П. Алексеева. Вып. II. Одесса, 1926, стр. 96.

¹³ Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина. Труды Пушкинской сессии Академии наук СССР. 1837—1937. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 281.

¹⁴ «Вечерняя Москва», 11 июня 1949 г.; «Вокруг света», 1949, № 8, стр. 16.

¹⁵ См.: В. В. Данилов. Новейшие публикации автографов Пушкина. «Пушкин. Исследования и материалы», т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 378, примеч. 12; М. П. Алексеев. Из истории русских рукописных собраний (в кн.: Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX вв. из ленинградских рукописных собраний. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 105); М. А. Цявловский. Статьи о Пушкине, стр. 292—295

писок Екатерины II», вопреки установившемуся мнению, оказалась переписанной не «собственноручно» Пушкиным. Это снизило интерес к ней, и, несмотря на то что со дня находки рукописи прошло уже почти 20 лет, она еще недостаточно изучена и до сих пор не была предметом специального рассмотрения.

Рукопись представляет собою две большие тетради (тома), в лист, в твердых картонных оклеенных синей глянцевой бумагой переплетах, в настоящее время сильно потертых (корешок 2-й тетради снизу оборван). В 1-й тетради 116 лл. (л. 116 чистый), во 2-й — 139 лл. (л. 139 чистый). Бумага девяти начальных листов текста в 1-й тетради (1 полулист + 4 полных листа, приложенные один к другому), 222 × 365 мм, белая, грубая, без обреза, с водяным знаком «АГ 1830»; весь последующий текст писан на хорошей белой без обреза бумаге, 227 × 365 мм, с водяным знаком «А. Гончаров 1830», сброшюрованной тетрадками. Бумага форзацев белая, 225 × 365 мм, со штемпелем: двуглавый орел под императорской короной с пучком молний и венком в лапах в овальной рамке с кольчатым орнаментом, под орлом — «Имп: П: Б: Ф:». Характер брошюровки (присоединение девяти начальных листов в 1-й и заглавного листа во 2-й тетрадях), неодинаковое количество листов в тетрадях и их точное соответствие тексту (только два листа чистых), близость текста на лицевой стороне листов к корешку говорят о том, что рукопись была переплетена уже после переписки, хотя и писалась с расчетом на будущий переплет. На л. 2 во всю ширину листа заглавие: «*Mémoires secrets de la vie de feu l'Impératrice Catherine II — écrits par elle-même et trouvés en manuscrit de sa propre main, dans son bureau d'usage après sa mort, cachetés dans un paquet avec cette adresse de sa part: ego императорскому высочеству цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу — любезному сыну моему*»; ниже: «*I-re partie. Depuis 1729 année de sa naissance jusqu'à 1751*». На л. 2 второго тома повторено то же заглавие; внизу: «*II partie depuis 1751 jusqu'à la fin de 1758*». Основной текст, весь на французском языке, написан на левых половинах листов с подзаголовками в правой. Девять начальных листов текста (с водяным знаком «АГ 1830») писаны рукой Н. Н. Пушкиной;¹⁶ сделанные ею при переписке многочисленные ошибки и

(комментарии Т. Г. Цявловской); А. С. Пушкин, Собр. соч. в 10 томах, т. VII, ГИХЛ, М., 1962, стр. 412 и 445 (комментарии Т. Г. Цявловской); И. Л. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 4. «Сов. писатель», М., 1964, стр. 171—172 (изд. 3, 1962, стр. 172, изд. 2, 1958, стр. 154); Р. В. Овчинников. Архивные разыскания А. С. Пушкина по истории восстания Е. И. Пугачева. Дисс. на соискание уч. степени канд. истор. наук. М., 1965, лл. 21—23 (ИРЛИ, Р. I, оп. 49, № 147); Н. В. Измайлов. Источниковедение. «Пушкин. Итоги и проблемы изучения». Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 614, примеч. 9.

¹⁶ Т. Г. Цявловская считает, что Н. Н. Пушкиной написаны только «первые несколько строк» рукописи; того же мнения придерживается

исправления, очевидно, заставили Пушкина отказаться от ее услуг — весь остальной текст написан красивым ровным почерком с почти одинаковым расстоянием между строками, что дало всем основание считать его писарским. Нам показалось сомнительным, чтобы столь секретную рукопись Пушкин доверил переписчику, тем более что, в ответ на запрос А. И. Тургенева, он писал в декабре 1834 г.: «Писца у меня *французского* нет, российских сколько угодно» (Акад., XV, 202). Поиски позволили установить, что это рука одного из братьев Гончаровых — шуринов Пушкина, по-видимому, Д. Н. Гончарова.¹⁷ Рукой Пушкина на форзацах обоих томов в правом верхнем углу чернилами написано: «А. Пушкин» (подобные подписи поэт часто ставил на принадлежащих ему книгах); на л. 6 Н. Н. затруднилась в написании фамилии, Пушкин подчеркнул ее в тексте, а на полях чернилами написал по-русски «Тодорский». Других помет Пушкина на рукописи нет; пометы карандашом на л. 1 («1740—1750») и на л. 124 об. второго тома (подчеркивание в тексте), по-видимому, не принадлежат ему. Жандармские пометы (рукой Л. В. Дубельта) красными чернилами сделаны на форзацах первого тома («№ 19») и второго («к № 19»), а затем повторены на обложках.¹⁸ Заглавие рукописи было неточно передано жандармами (см. выше), но совпадение проставленных ими на обоих томах номеров с номером, под которым рукопись упоминается в протоколе разбора бумаг поэта, не оставляет сомнения, что данная рукопись именно та, которая была у Пушкина.

Когда сделана копия, точно неизвестно. В связи с секретным характером рукописи никаких свидетельств об этом нет. По бумаге копию нельзя датировать ранее 1830 г.; то, что начальные страницы ее писаны рукой Н. Н. Пушкиной, отодвигает возможную начальную дату ее на конец февраля 1831 г. (Пушкин

Р. В. Овчинников. Сравнение текста с письмами Н. Н. к Д. Н. Гончарову 1830-х годов убедило нас в несомненной принадлежности по почерку всех девяти листов Н. Н. Пушкиной (см.: ЦГАДА, ф. 1265, оп. 3, № 172).

¹⁷ Почерки братьев Гончаровых имеют много общего между собой, особенно Д. Н. и И. Н. О почерке С. Н. Гончарова Пушкин писал жене около 28 июня 1834 г.: «Я тотчас велел прибить к дверям объявление, писанное рукою Сергея Николаевича, о сдаче квартиры» (Акад., XV, 168). Просмотренные нами материалы руки братьев Гончаровых в ИРЛИ и ЦГАДА показали сходство почерка, которым написана рукопись, с почерком Д. Н. Гончарова, но поскольку среди них нет французских рукописей, специально переписанных его братьями (почерк в этих случаях может значительно измениться), нам приходится писать: «по-видимому, Д. Н. Гончарова». Факт переписки секретной рукописи братом Н. Н. вносит коррективы в наше представление об отношении Пушкина к своим родственникам. В связи с этим безынтересно, что в архиве Гончаровых в ЦГАДА хранится переписанное рукой Д. Н. предсмертное письмо К. Ф. Рыльева к жене (ф. 1265, оп. 4, № 64).

¹⁸ В кн. М. А. Цявловского «Статьи о Пушкине» ошибочно: № 1 и № 2 (стр. 294).

вряд ли привлек бы невесту к переписке столь большой рукописи). С другой стороны, копия не могла быть сделана позже конца 1834 г., ибо уже 8 января 1835 г. Пушкин упомянул ее в дневнике, очевидно незадолго перед этим дав ее великой княгине. Бумагой с водяным знаком «АГ 1830» поэт пользовался в 1831—1832 гг.¹⁹ Около 21 июля 1831 г. Пушкин писал А. Х. Бенкендорфу о своем давнишнем желании «написать Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III» (Акад., XIV, 256); в начале декабря 1831 г. Пушкин был вновь зачислен в службу для написания «Истории Петра Великого». Очевидно, в это время он и решил обзавестись своей копией «Записок Екатерины II». Дата рукописи определяется и временем общения Пушкина с Д. Н. Гончаровым. Из путешествия в составе русской миссии на Кавказ и в Персию тот возвратился в Москву 12 февраля 1831 г. и пробыл здесь до 2 марта, задержавшись в связи со свадьбой сестры.²⁰ До принятия опеки над имением в конце 1832 г. он, служа в Петербурге, часто бывал у Пушкиных;²¹ позднее, очевидно, только наездами. Бумагой с водяным знаком «А. Гончаров 1830» Пушкин пользовался в 1833—1835 гг.²² — это не исключает возможности более поздней датировки рукописи (1833—1834 гг.), хотя Д. Н. Гончаров мог использовать при переписке и свою бумагу; но, в свете всего сказанного, нам кажется, что наиболее вероятное время создания копии — конец 1831—1832 гг., до отъезда Д. Н. из Петербурга, по-видимому, в сентябре месяце.²³

Неменьшие трудности возникают и в определении источника копии, не только потому, что никаких свидетельств на этот счет тоже нет, но прежде всего потому, что до нас дошло немного ранних списков «Записок», ибо в конце 1830-х годов у многих лиц

¹⁹ На такой бумаге написано «Введение в историю французской революции», датированное 30 мая 1831 г., а также один из планов «Романа на Кавказских водах» (1831), материалы для заметок в газете «Дневник» (конец июля—начало сентября 1831) и отдельные листы во многих главах «Дубровского» (октябрь 1832—январь 1833).

²⁰ См. дневник путешествия Д. Н. Гончарова на Кавказ и в Персию в 1829—1831 гг. (ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 122, л. 10 и об.). Запись там от 18 февраля: «Noces de ma soeur Nathalie», а от 27 февраля: «Soirée chez elle».

²¹ Они были соседями. По переезде из Царского Села Пушкин с конца октября 1831 г. по начало мая 1832 г. жил на Галерной улице в доме Брискорн (Акад., XIV, 236; XV, 24); Д. Н. — там же, в доме Киреева. Из писем Д. Н. Гончарова к А. Н. Гончарову от сентября—октября 1831 г. и писем А. Н. и Е. Н. Гончаровых к Д. Н. от мая—июля 1832 г. видно, что Д. Н. в это время был для них источником сведений о «Таше» (см.: Из архива Гончаровых. Публ. и комм. Д. Благого и Т. Волковой. «Летопись Гос. литературного музея», кн. 1. М., 1936, стр. 419, 422, 436, 439).

²² Отдельные листы такой бумаги встречаются во многих главах «Истории Пугачева» и в материалах к ней (1833—1834).

²³ Т. Г. Цявловская тоже предположительно датирует рукопись 1831—1832 гг., т. е. временем пребывания в России А. И. Тургенева, с экземпляра «Записок» которого, как она считает, снята пушкинская копия.

они были изъяты правительством. Об этом писали Герцен и автор предисловия (см. ниже) к русскому изданию «Записок»; ныне это подтверждается документально.²⁴ В нашем распоряжении были следующие копии «Записок»: А. Б. Куракина (ЦГАОР, ф. 728, оп. I, ч. 1, № 78), из архива братьев Тургеневых (ИРЛИ, ф. 309, № 2001), три из архива Воронцовых (ЛОИИ, ф. 36, №№ 750, 751, 752) и выписки из «Записок» из архива П. А. Вяземского (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. I, № 1192). Результаты проведенного сравнительного текстологического анализа пушкинской копии «Записок Екатерины II», с целью установления ее источника, и этих списков, герценовского издания, а также напечатанного по подлиннику текста «Записок» в 12 томе академического издания «Сочинений императрицы Екатерины II» оказались неожиданными и интересными.

Пушкинская копия дает так называемую IV редакцию «Записок Екатерины II» (ук. соч., т. 12, стр. 196—433), которая и распространилась в списках. В копии много более или менее мелких отступлений от оригинала, как известно, хранившегося за семью печатями в Государственном архиве; но по сравнению с академическим изданием она дает более полный, лишенный цензурных сокращений (см. стр. 317, 322, 419) текст. Анализ показал, что большинство отступлений пушкинской копии от оригинала, имеющих также в копиях Тургенева и Воронцова, восходит к первому, куракинскому, списку.²⁵ Части отступлений мы не находим у Куракина, но в копиях Тургенева и Воронцова они есть. На копию Тургенева в ИРЛИ впервые указал И. Фейнберг. Т. Г. Цявловская и Р. В. Овчинников считают, что пушкинская копия снята с тургеневского списка, это же предполагает и Н. В. Измайлов. Но к списку Тургенева в ИРЛИ копия не восходит, ибо он неполон — обрывается на эпизоде с гр. Понятовским и со-

---

²⁴ См.: письма П. П. Палена и П. А. Вяземского к А. Х. Бенкендорфу по поводу отображения у А. И. Тургенева «Записок Екатерины II», с приложением письма А. И. Тургенева от февраля 1838 г. к П. П. Палену (ЦГАОР, ф. 109, оп. I, № 1918), и черновики писем П. А. Вяземского к А. Х. Бенкендорфу (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. I, № 997) с сертификацией Вяземского (на л. 1): «Через графа Бенкендорфа император Николай требовал от меня находящегося у меня списка мемуаров Екатерины — тогда еще не напечатанных — и поручал мне востребовать их от А. И. Тургенева, который был тогда в Париже. По исполнению требования государь меня очень милостиво благодарил за исполнение желания его». История с отображением «Записок» подробно изложена в дневнике А. И. Тургенева — ИРЛИ, ф. 309, № 318, стр. 21 об.—23 об. — Эти источники нам указаны М. И. Гиллельсоном.

²⁵ А. Н. Пыпин и Я. Л. Барсков, работавший над 12 томом «Сочинений императрицы Екатерины II» после смерти академика, не сличили оригинал с копией Куракина и привели в примечаниях лишь список отступлений герценовского издания от оригинала (см. стр. 710—716), очевидно приняв на веру свидетельство Герцена, что «Записки» напечатаны по новой копии.

бачкой. Препровождая П. П. Палену (русскому послу в Париже) «Записки», А. И. Тургенев писал, что они «в двух частях»,²⁶ т. е., по-видимому, томах (как у Куракина), а эта копия, позднее переплетенная с другими историческими материалами, всего на один том. Можно было бы предположить, что копия снята Тургеневым при отобрании у него основного списка — она написана разными почерками и носит следы большой спешки при переписке (сокращение титулов и званий, цифры вместо слов и т. п.), но один из воронцовских списков (№ 752), самый полный, переписан мелким почерком, встречающимся в других исторических бумагах Тургенева, тоже до этого места («... qu'il ne savait que faire de joie»), а дальше уже другим. Вряд ли это случайно. Копии очень близки, но отсутствие у Тургенева нескольких подзаголовков, имеющих в воронцовском списке, и особый характер письма воронцовского списка (текст написан не на половинах листов, а во весь лист с небольшими полями слева для подзаголовков, как и в двух других копиях), не воспроизведенный Тургеневым, говорят о том, что они не списаны, по-видимому, друг с друга. Два воронцовских списка (№№ 750 и 751) (первый в переплете с княжеским гербом), можно сразу сказать, не были источником пушкинской копии, ибо в них отсутствуют многие подзаголовки, имеющиеся у Пушкина. Не мог служить источником пушкинской копии (даже опосредствованно) и самый полный воронцовский список «Записок» (№ 752). Об этом говорит прежде всего то, что пушкинская копия имеет иной тип письма, чем воронцовская; что среди списков она ближе других воспроизводит характерные особенности копии Куракина (запись на левых половинах листов, два тома, полное заглавие при второй части) и в написании (полном или кратком) титулов и званий чаще повторяет ее; также то, что, например, один подзаголовок у Воронцова неполон (у Пушкина, т. I, л. 44 об.: «Le prince Basile Rernin les remplace», у Воронцова, л. 21: «Le P-ce Rernin les remplace»), а год «1759» не вынесен на поля, как у Пушкина и Куракина (ср.: Пушкин, т. II, л. 105 об.; Воронцов, л. 116 об.), и др. Но наличие общих для копий Пушкина, Воронцова и Тургенева отступлений от оригинала показывает, что они восходят к одному источнику, по-видимому, к не дошедшей до нас полной копии А. И. Тургенева, от которой, по свидетельству Герцена — Бартенева, пошли все копии «Записок».²⁷ При этом пушкинская копия не прямо списана с этого источника.

²⁶ См.: ЦГАОР, ф. 109, оп. I, № 1918, л. 3, а также черновик этого письма (ИРЛИ, ф. 309, № 318, л. 23 об.).

²⁷ Это подтверждается и письмом Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву от 4 мая 1822 г. (см. ниже). До сих пор не было известно, как Тургеневу удалось проникнуть в библиотеку А. Б. Куракина. П. И. Бартенев во вступительной заметке к публикации писем В. Ф. Боголюбова к князю А. Б. Куракину пишет: «По кончине своего покровителя князя А. Б. Куракина Боголюбов успел разгласить сохранившийся в княжеской библиотеке

При анализе отступлений пушкинской копии от оригинала, не содержащихся в списках Куракина, Воронцова, Тургенева и Вяземского (выписки из него, сделанные рукой П. А. и В. Ф. Вяземских, вероятно, при отобрании, близки к воронцовско-тургеньевскому варианту), т. е. отступлений, которые можно было бы считать «пушкинскими», мы обнаружили, что большая часть их имеется в герценовском издании. Наличие в издании 1859 г. этих и, как оказалось, всех куракинско-тургеньевских отступлений от оригинала свидетельствует, что «Записки», вопреки утверждению Герцена в предисловии, напечатаны не по новой (1855 г.), а по старой копии, источник которой, вероятно всего опосредствованный, находится в несомненном «родстве» с копией Пушкина. «Записки Екатерины II» были доставлены Герцену для опубликования П. И. Бартевым. В печати об этом впервые сказал М. П. Алексеев. И хотя в 1929 г. С. А. Переселенков, ссылаясь на свидетельство близкого к Бартеву человека, оспаривал это, гипотетически установленный ученым факт был подтвержден в дальнейшем архивно-книжными разысканиями исследователей.²⁸ По свидетельству Бартева, с «Записками Екатерины II» его «познакомил Т. Н. Грановский по списку, полученному им от Раевских в марте 1856 г.»²⁹ В дате Бартев ошибся: Грановский умер в октябре 1855 г.; Раевские — это, конечно, семья к тому времени умершего Н. Н. Раевского, у детей которого Грановский был учителем. Возможно, именно с этого списка Бартев и снял копию (иначе зачем же он писал бы об этом М. К. Лемке, спрашивавшему у него позволения сказать в печати, что он доставил Герцену «Записки»); хотя вопрос этот нуждается в исследовании, мы источником копии Бартева будем считать список Раевского. Какова же степень родства между пушкинским списком «Записок Екатерины II» и списком Раевского? Нескольких отступлений пушкинской копии от оригинала в герценовском издании нет, и

список с „Записок Екатерины Великой“ («Русский архив», 1893, № 10, стр. 233). Этот источник нам указала Н. Н. Петрунина. В 1832—1833 гг. Пушкин тесно общался по денежным делам с В. Ф. Боголюбовым, заслужив упрек, что он никого, кроме него, не принимает (Н. И. Куликов. А. С. Пушкин и П. В. Нащокин. «Русская старина», 1881, № 8, стр. 606, 611—612).

²⁸ См.: Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Вступит. статья, ред. и примеч. С. А. Переселенкова. Изд. «Academia», Л., 1929, стр. 220; Герцен-издатель и его сотрудники. Обзор М. Клевенского. «Литературное наследство», т. 41—42. М., 1961, стр. 582; Л. Б. Светлов. Из разысканий о деятельности А. И. Герцена. 1. А. И. Герцен и П. И. Бартев. «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, 1951, т. VIII, вып. 6, стр. 542—544; Н. Я. Эйфельман. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». Изд. «Мысль», М., 1966, стр. 90—91.

²⁹ Письмо П. И. Бартева к М. К. Лемке от 23 октября 1905 г. (ИРЛИ, ф. 661, № 123).

это свидетельствует о том, что копия Пушкина (ни прямо, ни опосредствованно) не была источником списка Раевского; с другой стороны, так как список Раевского приобрел много отступлений при дальнейших переписках и не дошел до нас в чистом виде, мы не имеем возможности проверить, был ли он источником копии Пушкина. Но несомненно одно из двух — или пушкинская копия «Записок Екатерины II» снята со списка Раевского, или они обе восходят к не дошедшему до нас списку, содержавшему общие для них отступления от оригинала. Следует также отметить, что в рассмотренных нами списках Воронцова, Тургенева (п Вяземского) нет некоторых отступлений от оригинала, содержащихся в копиях Пушкина и Раевского, следовательно, их нет и в их общем с пушкинской копией источнике — не дошедшей до нас полной тургеневской копии «Записок». Это дает нам основание утверждать, что пушкинская копия «Записок Екатерины II» не снята непосредственно не только с рассмотренных копий, но и с полного тургеневского списка. Из сказанного ясно, что вопрос об источнике герценовского издания «Записок Екатерины II» приобретает особое значение в определении источника пушкинской копии. В приложениях мы даем перечень некоторых отступлений от оригинала, общих для копий Пушкина, Тургенева и Воронцова, для копии Пушкина и герценовского издания «Записок» и имеющих только у Пушкина.

В заключение статьи кратко остановимся на трех вопросах: «одесской» версии, знакомстве Пушкина со II редакцией «Записок Екатерины II» и значении для него этих «Записок».

С нахождением пушкинской копии «Записок Екатерины II» принятая до этого всеми версия об ее собственноручности и одесском происхождении в отношении данной рукописи, естественно, отпала. Но то, что все три свидетельства об этом восходят к Баргтенеу: его заметка использована Герценом в предисловии и приложена к русскому изданию «Записок», всгупительная заметка к публикации отрывков из дневника поэта за его подписью, — не позволяет отказаться от них вообще, тем более что недавно они получили неожиданное подкрепление. В 76 томе «Литературного наследства» опубликованы отрывки из дневника П. А. Васильчикова за 1853—1854 гг.; в записи от 30 декабря 1853 г. читаем: «Сегодня я с Милютиным говорил о „Записках императрицы Екатерины“: на свете существует только 3 или 4 экземпляра: один у государя, другой у кн. Воронцова, третий в Москве, писанный рукою Пушкина».³⁰ Откуда Н. А. (или В. А.?) Милютин почерпнул эти сведения, неизвестно

---

³⁰ Тургенев о революционном Париже 1848 г. Из дневниковых записей П. А. Васильчикова, 1853—1854 гг. Публ. Л. М. Долотовой («Литературное наследство», т. 76. Изд. «Наука», М., 1967, стр. 350). — Указанием на этот источник мы обязаны М. П. Алексееву.

(в кружок вел. княгини Елены Павловны он вошел позднее), но П. А. Васильчиков был университетским товарищем Бартенева и помогал ему в архивных разысканиях, и, может быть, именно от него Бартенев получил первые сведения о пушкинской копии «Записок». Существование в Москве в 1850-х годах собственно-ручно переписанной Пушкиным копии «Записок Екатерины II» труднообъяснимо. Весьма сомнительно, чтобы при наличии уже одной копии столь большой рукописи Пушкин стал бы обзаводиться второй, чтобы первую кому-то передать (в протоколах разбора бумаг поэта значится только одна копия «Записок»); единственно возможный вариант — Д. Н. Гончаров мог переписать «Записки» для себя, оставить себе пушкинский экземпляр, а ему передать прекрасно написанный, но то, что первые девять листов «Записок» переписаны Н. Н. Пушкиной, делает невозможным это предположение. Легенда о писанном рукою Пушкина экземпляре «Записок Екатерины II» могла возникнуть из слухов о том, что у него есть их копия (о ней знали родственники и друзья поэта, он мог давать читать «Записки» не одной вел. княгине). В краткой вступительной заметке к публикации отрывков из дневника Пушкина Бартенев писал не только о «собственноручно» списанных поэтом в Одессе «Записках Екатерины II», но и о том, что в Кишиневе он «выслушивает Записки генерала Болховского», а «в Одессе начальник края Ланжерон дает ему читать письма к себе императора Александра Павловича».³¹ Обо всем этом сам Пушкин пишет в дневнике (Акад., XII, 329—330), и, по-видимому, высказывание Бартенева о пушкинских «Записках Екатерины II» относится к упоминанию о них там же. Копия «Записок» оказалась не автографом поэта: Бартенев, очевидно, так же как и мы долгое время, заблуждался.

Отсутствие помет на рукописи говорит о более раннем знакомстве поэта с «Записками Екатерины II» (обычно он читал с карандашом в руках). Вопрос о том, когда Пушкин познакомился с «Записками» и мог ли он с ними познакомиться уже в Одессе, вполне правомерен в этом случае. Указание Бартенева, — автора исследования «Пушкин в южной России», издателя воронцовского архива, часто беседовавшего с Е. К. Воронцовой, — о занятиях Пушкина в Одессе в библиотеке гр. М. С. Воронцова заслуживает самого пристального внимания. Первые известия о копиях «Записок Екатерины II» относятся к 1821 г. 25 ноября Н. И. Тургенев записал в дневнике: «Я вчера, возвратясь из клуба, принялся читать „Secrets de Catherine II“».³²

³¹ «Русский архив», 1880, кн. 2, стр. 488.

³² Архив братьев Тургеневых, вып. 5. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1824 годы, т. III. Под ред. и с примеч. Е. И. Тарасова. Изд. ОРЯС Российск. Акад. наук, Пгр., 1921, стр. 305. — Редактором это место не прокомментировано, но ясно, что речь идет о «Записках Екатерины II»,

Возможно, в это же время А. И. Тургенев давал читать рукопись императрицам Марии Федоровне и Елизавете Алексеевне и вел. княгине Марии Павловне.³³ 4 мая 1822 г. Н. М. Карамзин писал И. И. Дмитриеву: «Нынешнею зимою читал я „Записки Екатерины Великой“, доведенные ею только до 1760 года . . . Если приедешь к нам в Петербург, то угостим тебя и „Записками Екатерины“, а 19 мая: „Записки *Екатерины*“ у нашего любезного Тургенева; но прошу об этом не говорить: он хранит их как зеницу ока и таит, списав с экземпляра куракинского».³⁴ В эти годы М. С. Воронцов тесно общался с Тургеневыми — он часто упоминается в дневнике Н. И. и письмах А. И.; по-видимому, в это время, до отъезда М. С. Воронцова в Одессу в июле 1823 г., и была снята для него копия «Записок Екатерины». М. П. Алексеев в статье «Пушкин и библиотека Воронцова» писал: «Когда при Одесской библиотеке сосредоточен был и фамильный архив, к сожалению, мне установить также не удалось. Нужно предположить, что и библиотека и архив перевезены были тотчас по переезде Воронцова в Одессу (21 июля 1823 г.) . . . Однако известия о библиотеке идут лишь с конца 20-х гг.»³⁵ Нам удалось найти более раннее известие об архиве Воронцова в Одессе. 28 апреля 1825 г. А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому: «Вот заглавие рукописи, которое я нашел в каталоге рукописей графа Воронцова, в Одессе находящихся: „Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях“ («Без подписи, но по содержанию видно, что Фонвизина, без конца»). Это замечание сделано тем, кто делал каталог, кажется, Туманским молодым, что при графе Воронцове. Можешь через графиню выпросить рукопись, то есть копию».³⁶ Библиотека и архив были перевезены Воронцовым в Одессу, по-видимому действительно сразу, и Пушкин через графиню, В. И. Туманского или А. Н. Раевского мог туда проникнуть, познакомиться с «Записками Екатерины II» и, возможно, сделать из них выписки (мы согласны с Б. Л. Модзалевским, что Пушкин вряд ли переписал их целиком), которые он вместе со своими записками и другими материалами мог сжечь в Михайловском «при открытии несчастного заговора».

В «Замечаниях о бунте», переданных Николаю I, Пушкин о полковнике А. Г. Чернышеве пишет: «. . . тот самый, о котором государыня Екатерина II говорит в своих записках. . .» (Акад., IX (1), 372, 475); то же замечание, с некоторыми разночтениями, встречается в подготовительных материалах к «Истории Пугачева» (IX (2), 497). Академическое издание Пушкина отсылает

³³ ИРЛИ, ф. 309, № 318, л. 23.

³⁴ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С примеч. и указ. Я. Грота и П. Пекарского. СПб., 1866, стр. 327—329.

³⁵ Пушкин. Статьи и материалы, стр. 94.

³⁶ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. III. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1824—1836. СПб., 1899, стр. 118.

в этом случае (IX (2), 845; Справочный, 197) не к IV редакции «Записок Екатерины II», а ко II, к так называемым «Запискам, продолженным в 1791 году» («Сочинения императрицы Екатерины II», т. 12, стр. 71—138), где она более подробно, чем в IV редакции, говорит о братьях А. Г. и П. М. Чернышевых, камер-лакеях Петра III. А. И. Тургенев в одном из писем писал о редкой, единственной «начитанности» Пушкина «о России, особенно о Петре и Екатерине».³⁷ Но если IV редакция «Записок Екатерины II» была распространена в списках, то копий II редакции, кроме куракинской, нам не встретилось. Это делает весьма проблематичным факт знакомства Пушкина со II редакцией «Записок Екатерины II».

Интерес Пушкина к мемуарной литературе общезвестен. Многое он читал и имел в списках («Записки княгини Е. Р. Дашковой», «Дневник Храповицкого» и др.), но то, что у него была копия столь секретного памятника громадного антиправительственного содержания, разоблачающего династические тайны, имеет особое значение. Пушкин хотел использовать и использовал бы «Записки» в своей будущей работе по истории Петра I и его наследников. В «Записках» содержались ценные в то время сведения о секретных государственных делах: лопухинском, подпоручика И. Батурина, графа И. И. Лестока, падении фельдмаршала гр. С. Ф. Апраксина и др. «Записки» имели для Пушкина значение не только исторического источника, но и психологического. Они много дали Пушкину-художнику, тонкому наблюдателю человеческой жизни, для понимания личности Екатерины, что отразилось в создании ее образа в «Капитанской дочке», обострило его интерес к Екатерине именно в этом плане («Table-talk»). «Записки» привлекли Пушкина и как живая картина общества той эпохи (ср. упоминание об игре в фараон в «Пиковой даме» с описанием той же игры в «Записках Екатерины II»). И последнее: среди прочих источников, быть может, и «Записки Екатерины II» оказали на Пушкина влияние и побудили его писать дневник, в котором, как и у Екатерины, хроника придворной жизни, возведенная в историческое достоинство, занимает столь большое место.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Отступления от оригинала «Записок Екатерины II», общие для копий Пушкина, Воронцова, Тургенева (I); для копий Пушкина и герценовского издания 1859 г. (II); имеющиеся только в копии Пушкина, но отсутствующие в издании 1859 г. (III).³⁸

³⁷ См. письмо А. И. Тургенева к И. С. Аржевитинову от 30 января 1837 г. («Русский архив», 1903, кн. 1, стр. 143).

³⁸ Слева в скобках — страница и строка академического издания «Записок», справа в скобках — том и лист рукописного текста, а также стра-

I.

nous l'avions vu à Hambourg, où il étoit venu avec beaucoup d'autres Suédois (215, 9)

très affectée du décès de mon père, et, peut-être, ajouta-t-il, de ce qu'à cette occasion des compliments de condoléance (249, 13)

sur qui elle en avoit ou à qui elle en vouloit (273, 30)

comme j'avois toujours été et comme j'étois avec tous les autres (314, 7)
de terrain inculte (355, 24)

avec beaucoup d'autres Suédois (II, I, 22; B, 11; T, 27)

très affectée, des compliments de condoléance (II, I, 59; B, 27 об.; T, 84)

sur qui elle en vouloit (II, I, 83 об.; B, 37 об.; T, 116)

comme j'étois avec tous les autres (II, II, 14; B, 56 об.; T, 169)
de terrain inutile (II, II, 57 об.; B, 75 об.; T, 226)

II.

que l'éducation de Pierre III avoit été manquée par un conflit de circonstances malheureuses (199, 5)

Je rapporterai ce que j'ai vuë et entenduë (199, 7)

et ses entours holstinois à l'entour de lui (200, 25)

pendant les premiers dix jours (202, 25)

elle prit mon livre et me dit (230, 31)

il fit encore longtemps le malade (232, 5)

par les ennemis voisins de l'Empire (243, 29)

qu'il n'étoit pas Roy, mais qu'il étoit mon père (247, 30)

je ne lui parlerois plus, je tins parole, je ne lui parlai plus (249, 4)

en revange je me mettois (301, 8)

La maladie et la mort de la mère de Serge Soltikof (318, 5)

riche sculpture de bois (392, 7)

que l'éducation de Pierre III avoit été un conflit de circonstances malheureuses (II, I, 5; Г, 4)

Je raconterai ce que j'ai vue et entendue (II, I, 5; Г, 4)

et ses entours Holsteinois (II, I, 6 об.; Г, 6)

pendant les premiers jours (II, I, 9; Г, 9)

et me dit (II, I, 39; Г, 52)

il fit encore le malade (II, I, 40; Г, 54)

par les ennemis de l'Empire (II, I, 52 об.; Г, 72)

qu'il n'étoit pas Roi (II, I, 57 об.; Г, 79)

je ne lui parlerois plus (II, I, 59; Г, 81)

je me mettois (II, I, 114; Г, 155)

La maladie et la mort de Serge Soltikoff (II, II, 18)

La maladie de Serge Soltikof (Г, 180)

riche sculpture (II, II, 95; Г, 290)

III.

se rendre par là agréable à l'Impératrice (211, 7)

se rendre agréable à l'Impératrice (Г, 22)

se rendre par là à l'Impératrice (II, I, 18)

ница издания 1859 г. Условные обозначения: копия Пушкина — П, Воронцова — В, Тургенева — Т, издание 1859 г. — Г. Особенности орфографии подлинников сохранены.

ou changeant d'uniforme (227, 20; Γ, 47)

Le comte Brummer et le grand chambellan Berkholtz (236, 4; Γ, 60)

et à cette fin on m'emprunta ma somme à moi (346, 21; Γ, 223)

que j'étois devenue (352, 5; Γ, 231)

ou chargeant d'uniformes (II, I, 35)

Le C-te Brummer et le chambellan Berkholtz (II, I, 44 o6.)

et à cette fois on m'emprunta ma somme à moi (II, II, 48)

que j'étois venue (II, II, 53 o6.)

Т. П. МАЗУР, Н. Н. МАЛОВ

**НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПУШКИНЕ
ИЗ АРХИВА С. С. УВАРОВА**

**1. ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКОГО К С. С. УВАРОВУ
ПО ПОВОДУ ИЗДАНИЯ ПЯТОГО ТОМА «СОВРЕМЕННОКА»**

В Государственном Историческом музее в Москве хранится личный архив С. С. Уварова (ф. № 17), имя которого столь часто встречается у Пушкина и в рассказах о нем его друзей. Сергей Семенович Уваров (1786—1855) был президентом Академии наук (с 1818 г.), с 1833 г. управлял Министерством народного просвещения, а в следующем году был назначен министром народного просвещения. В молодости Уваров был членом «Арзамаса», вращался в литературных кругах, был дружен с К. Н. Батюшковым. К 1830-м годам он становится крупным чиновником, поднимающимся все выше по бюрократической лестнице. Карьеризм, неразборчивость в средствах и корыстолюбие приводят к охлаждению отношений и даже разрыву его со многими из прежних друзей. Историк С. М. Соловьев дает такую характеристику Уварову в своих «Записках»: «... он не щадил никаких средств, чтобы угодить барину <Николаю I>; он внушил ему мысль, что он, Николай, творец какого-то нового образования, основанного на новых началах: православие, самодержавие, народность; православие — будучи безбожником, самодержавие — будучи либералом, народность — не прочитав в свою жизнь ни одной русской книги. Люди порядочные... с горем признавались, что не было никакой низости, которую бы он не был в состоянии сделать, что он кругом замаран ничтожными поступками. При разговоре с этим человеком, разговоре очень часто блестяще-умном, поражало, однако, крайнее самолюбие и тщеславие».¹ С Уваровым Пушкин, вероятно, был знаком еще в период «Арзамаса». В на-

---

¹ Записки С. М. Соловьева. Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова, Пгр., [б. г.], стр. 58—59.

чале 1830-х годов они обменялись письмами, когда Уваров выступил в качестве переводчика стихотворения «Клеветникам России» на французский язык. Полный разрыв между ними, подготовившийся долгое время, произошел в середине 1830-х годов, что ясно видно из оды-памфлета Пушкина против Уварова («На выздоровление Лукулла») и полных раздражения слов Пушкина о нем в дневниковых записях от февраля 1835 г. С этих пор и до самой смерти поэта Уваров был, как известно, яростным врагом и гонителем Пушкина.

В личной переписке Уварова, хранящейся в указанном фонде, нами найдены письма В. А. Жуковского к нему, из которых наибольший интерес представляют два, касающиеся Пушкина. Письма эти написаны на бумаге без водяных знаков. На первом, сверху, имеется сделанная неизвестной рукой помета «1837», на втором — «1837, февраль». Содержание писем подтверждает эту датировку, так как они написаны после смерти Пушкина и до выхода в свет пятого тома «Современника», т. е. до апреля—мая 1837 г.²

Известно, что Пушкин сам готовил этот том, но работу над ним не успел закончить. После похорон поэта его друзья, в частности Жуковский, решили несколько изменить содержание журнала, включив в него ряд произведений Пушкина и письмо Жуковского к С. Л. Пушкину о последних днях жизни поэта.

В литературе известны два письма Жуковского по поводу «Современника», адресованные Уварову.³ В них Жуковский возражает против запрета цензуры напечатать выдержку из сочинения Н. М. Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», которую Пушкин предполагал поместить в «Современнике». В первом из этих писем Жуковский обещает также представить Уварову свою статью о последних днях Пушкина. Подробности о прохождении через цензуру статьи Карамзина приведены в работе С. А. Переселенкова.⁴ Публикуемые нами ниже два письма дополняют наши сведения об истории указанного тома «Современника».

Приводим текст первого письма.⁵

---

² Точная дата выхода в свет этого тома остается неизвестной. Предварительный план его набрасывал Жуковский, готовил к печати П. А. Плетнев (см.: Е. И. Рыский. Журнал А. С. Пушкина «Современник». 1836—1837. Указатель содержания. М., 1967, стр. 64—65).

³ В. Модзалевский. К истории «Современника». Письма В. А. Жуковского к С. С. Уварову. «Пушкин и его современники», вып. IV. СПб., 1906, стр. 85—89.

⁴ С. Переселенков. Материалы для истории отношений цензуры к А. С. Пушкину. «Пушкин и его современники», вып. VI. СПб., 1908, стр. 8—15.

⁵ ГИМ, ф. 17, ед. хр. 62, л. 14. — Текст печатается без соблюдения орфографии подлинника.

Прошу Вас, любезнейший Сергей Семенович, разрешите: Крылов⁶ не пропускает последних стихов в представленной мною Вам пиесе. За что? Разве уж нельзя сказать, по его мнению, что государь наш начал царствовать и что были бурные времена с того времени. Были две войны, и даже об этом были напечатаны реляции.

А этих стихов мне жаль не напечатать,⁷ потому что на них остановился Пушкин; он не докончил этой пиесы, смерть пришла прежде, нежели полустишие; это трогательно и «нрзб». Разрешите, прошу Вас. Эту же пиесу я лично читал государю, и она ему особенно понравилась.

Жуковский

Приводим текст второго письма.⁸

Посылаю Вам, Старушка,⁹ официальное письмо,¹⁰ при нем и сие небольшое Арзамасское завывание; а при сем Арзамасском завывании и статью о смерти Пушкина в двух, тако сказать, экземплярах, с такой изъяснительной прибасенкою: экземпляр-де, означенный № 1, был представлен мною лично государю императору с просьбою о позволении напечатать в «Современнике». Государь, прочитав рукопись, сделал свои замечания и назначил, что выпустить. По указаниям государя я все выпустил, что относилось до него и где говорил о иностранцах поименно, что увидите сами, сравнив № 1 с безномерным экземпляром. Сей последний отдается в цензуру. Благоволите, батюшка Старушка, устремить на сии гусиным пером исчерканные страницы те части бытия вашего, в коих со времен Адама заключается зрительная способность сынов человеческих. Прочитайте с свойственным Вам благоразумием, столь приличным министру

---

⁶ Крылов Александр Лукич (1798—1858) — цензор Петербургского цензурного комитета.

⁷ Здесь, без сомнения, говорится о последних строках стихотворения Пушкина «Была пора, наш праздник молодой...», читанного им на лицейской годовщине 19 октября 1836 г. Стихотворение появилось в пятом томе «Современника», причем Жуковский напечатал его под названием «Лицейская годовщина», а в заключительных строках:

И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
[И над землей] сошлись новы тучи,
И ураган их...

(Акад., III (1), 433)

слово «суровый» заменил на «бесстрашный» (III (2), стр. 1045 и 1272). Стихотворение было опубликовано в «Современнике» без двух последних строк. Таким образом, Уваров исполнил просьбу Жуковского только частично.

⁸ ГИМ, ф. 17, ед. хр. 62, л. 8.

⁹ «Старушка» — шуточное прозвище, полученное Уваровым в «Арзамасе». Оно взято из принадлежащей Р. Саути «Баллады, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди» (сидящий впереди — дьявол: см. конец письма). Перевод этой баллады был сделан Жуковским еще в октябре 1814 г., но долго оставался ненапечатанным вследствие цензурных препятствий. В середине 1820-х годов Жуковский вновь представил балладу в цензуру, чтобы поместить ее в «Московском телеграфе» под новым заглавием «Ведьма», но она была снова запрещена, «как пьеса, в которой дьявол торжествует над церковью, над богом» («Русская старина», 1887, № 11, стр. 485). Впервые Жуковскому удалось напечатать ее лишь в четвертом издании своих «Стихотворений», вышедшем в Петербурге в 1835 г. Прозвище Жуковского было «Светлана», им он и подписался.

¹⁰ Это письмо в архиве Уварова не сохранилось.

просвещения, избранного¹¹ на сие высокое место доверенностью монарха, страницы, истекшие из-под пера моего, и благоволите сунуть сие творение в раскрытую пасть цензуры, сей гладной коровы, пасущейся на тучных пажитях литературы и жующей жвачку с каким-то философским самоотвержением; благоволите предписать сей корове, чтобы она поскорее изжевала статью мою и поскорее ее выплюнула, дабы я мог немедленно передать блевоту в тиснение в «Современнике». Впрочем, желаю Вам всякого благополучия, а за скорое исполнение просьбы моей пришлю Вам из Арзамаса, в коем надеюсь быть, жирную гусиную гуску, с коей честь имею быть

Светлана

Да что же статья Карамзина! Господи помилуй! возвратите ее поскорее, Старушка, хоть ради того, кто сидел впереди.

Очевидно, это «небольшое Арзамасское завывание», не имеющее в автографе даты, писано позже того письма, которое приведено нами выше. Полушутливый тон его вызван желанием напомнить получателю о временах «Арзамаса», членами которого были и Уваров, и Жуковский, и Пушкин.

В дополнение к публикуемым письмам следует упомянуть о сохранившейся в том же архивном фонде записи Уварова на конспекте доклада его Николаю I. Второй пункт доклада гласит: «О представлении Пушкина». Рядом рукою Уварова помечено: «Доложено». Доклад имеет дату: 27 марта 1837 г.¹² «Представление» Уварова касалось, по-видимому, порядка цензурования посмертно печатаемых произведений Пушкина;¹³ через четыре дня А. В. Никитенко записал в своем дневнике, что он принял участие в «крепком бое» с председателем цензурного комитета Дондуковым-Корсаковым «за сочинения Пушкина» по поводу резолюции государя «насчет нового издания сочинений Пушкина», в которой говорится: «Согласен, но с тем, чтобы все найденное мною неприличным в изданных уже сочинениях было исключено и чтобы не напечатанные еще сочинения были строго рассмотрены».¹⁴

2. ВЫБОРЫ ПУШКИНА В ЧЛЕНЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

История избрания Пушкина в члены Российской Академии была изложена М. И. Сухомлиновым;¹⁵ впоследствии, с большими подробностями и на основании архивных документов, — Л. Б. Модзалевским, сначала в комментариях к III тому «Писем» Пуш-

¹¹ Так в подлиннике; описка, вместо: «избранному».

¹² ГИМ, ф. 17, ед. хр. 42, л. 126.

¹³ Через два дня после доклада Уварова Главное управление цензуры пропустило и статью Карамзина, о которой речь шла выше («Пушкин и его современники», вып. VI. Спб., 1908, стр. 11).

¹⁴ А. В. Никитенко. Дневник в трех томах, т. I. М., 1955, стр. 198—199.

¹⁵ М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, т. VII. Спб., 1885, стр. 77—84.

кина,¹⁶ а затем в отдельной статье «Пушкин — член Российской Академии (по материалам Архива Академии наук СССР)».¹⁷ Напомним основные факты и даты этого события.

3 декабря 1832 г. президент Российской Академии А. С. Шишков обратился к членам Академии с предложением избрать в действительные члены Академии пять человек. Список их открывался «титularным советником Александром Сергеевичем Пушкиным»; за ним следовали: «отставной гвардии полковник» П. А. Катенин, «директор московских театров» М. Н. Загоскин, протоиерей А. И. Малов и археограф Д. И. Языков. Так как в голосовании этого предложения приняло участие менее двух третей членов Академии, то, в соответствии с Уставом, остальным членам Академии были посланы извещения о произведенной баллотировке с просьбой, «дабы благоволили прислать в Академию свои голоса в особой запечатанной записке». 7 января 1833 г. в очередном заседании был произведен подсчет всех голосов, и Пушкин оказался избранным. Такой запрос получил и Уваров, высказавшийся за избрание Пушкина. Любопытно, что Пушкин получил наибольшее количество голосов — 29, будучи избранным почти единогласно (против был подан лишь один голос — митрополита Серафима); остальные голоса распределялись следующим образом: Загоскин — 28, Языков — 28, Малов — 27, Катенин — 25.

Запрос, рассылавшийся отсутствовавшим членам Академии, находится в архиве Уварова.¹⁸ Он отпечатан типографским способом на белом толстом листке большого формата, в котором лишь небольшая часть текста заполнялась от руки. Вверху помета: «15 декабря 1832 г.», — очевидно фиксирующая получение документа. Справа баллотировочная запись Уварова: «согласен». Запись слева: «Ответствовано, от 16 декабря, с приложением особой записки, содержащей отзыв утвердительный» — сделана, видимо, делопроизводителем Уварова.

Отметим, что в ответе Д. Н. Блудова, посланном в Академию 17 декабря (на второй день после Уварова), сообщалось, что из всех представленных кандидатов он избирает только Пушкина. Митрополит Серафим известил, что он «согласен» на избрание в действительные члены протоиерея Алексея Малова, а на избрание прочих не может дать согласия своего «единственно потому, что они ему неизвестны».

Отношения Пушкина к Академии после его избрания оставались прохладными. Он отрицательно относился и к ее деятельности в целом, и к некоторым ее членам во главе с А. С. Шишковым, редко бывал на ее заседаниях: известно, например, что

---

¹⁶ А. С. Пушкин. Письма. 1831—1833. Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского. Т. III. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 582—586.

¹⁷ «Вестник АН СССР», 1937, № 2—3, стр. 245—250.

¹⁸ ГИМ, ф. 17, ед. хр. 63, л. 22.

в 1834 г. он вместе с другими членами Академии подписал предложение президента о напечатании «Краткого священного словаря» А. И. Малова.¹⁹

---

¹⁹ М. И. Сухомлинов, ук. соч., стр. 83; Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Подгот. к печати и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 773—775. — Протоиерей А. И. Малов (1787—1858) был настоятелем церкви в здании Адмиралтейства, в приходе которой жил Пушкин. Он отпевал тело Пушкина в церкви Конюшенного ведомства (см.: А. С. Поляков. О смерти Пушкина. СПб., 1922, стр. 42). А. И. Малов, автор ряда сочинений духовного содержания, славился как проповедник. Николай I подозревал его в авторстве анонимных писем, присланных 31 января 1837 г. В. А. Жуковскому и А. Ф. Орлову; в этих письмах содержался протест против засилья иностранцев в России и выдвигалось требование высылки барона Геккерена-старшего.

А. В. КОРНИЛОВА

ПУШКИН В РИСУНКЕ П. П. ВЯЗЕМСКОГО

В создании пушкинской иконографии участвовали не только известные художники-профессионалы, но и дилетанты-любители. Так называемая «альбомная графика», широко распространенная в начале XIX в., дает несколько изображений поэта.¹ К их числу относится и публикуемый нами рисунок, сделанный в своей учебной тетради кн. П. П. Вяземским.²

Основания для датировки рисунка дают как водяной знак на бумаге «1836», так и содержание тетради, заполненной учебными упражнениями по стереометрии. Эти занятия рассмотрены программами 6-го класса пегербургской немецкой «Петершуле» (St. Petri-Schule). Вяземский учился здесь с января 1835 г. и, по-видимому, как и рассчитывал отец, остался на вто-

¹ К этой серии принадлежит, например, опубликованный И. С. Зильберштейном рисунок «Пушкин и граф Хвостов» из альбома П. И. Челищева. По мнению И. Э. Грабаря, «в нем выражено нечто от той стремительности, изменчивости и неуловимости, которых не передает ни один длительно исполнявшийся портрет, о чем сетовали пушкинские современники» (И. Э. Грабарь. Внешний облик Пушкина. В кн.: А. С. Пушкин. 1799—1949. Материалы юбилейных торжеств. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 153). Сюда же можно отнести и рисунок неизвестного дилетанта, находящийся в Москве в Государственном музее А. С. Пушкина (ф. I, оп. 1, ал. 18, л. 2). См. также раздел «К иконографии Пушкина» в «Литературном наследстве» (т. 16—18, М., 1934), в частности, напечатанные здесь заметки С. Бессонова «Пушкин и Вяземский на рисунке Де Куртейля» (стр. 979—982) и опубликованный Л. Гроссманом карикатурный портрет Пушкина, представляющий собой любительский рисунок цветными карандашами (стр. 952—957).

² ГБЛ, ф. 63, п. 21, № 10. Размер листа 220×178 мм, бумага имеет водяные знаки «1836» и «NH» и штампель «WN» или «MN» (плохо просматривается). На первом листе, служащем одновременно обложкой, сверху надпись: «Геометрия. Тетрадь 10-я и последняя». Под надписью проведена черта. Всю остальную часть листа занимает рисунок пером, изображающий Пушкина. Размер рисунка 115×32 мм. Вверху он несколько поврежден чернильным пятном. Чернила черные с коричневатым оттенком, водянистые, прозрачные и выцветшие от времени. Сквозь них ясно читаются основные линии рисунка.

рой год.³ Курс геометрии в шестом классе St. Petri-Schule заканчивался к январю, одновременно с календарным учебным годом (ср. надпись на тетради: «Тетрадь 10-я и последняя»),⁴ а в 1837 г. Вяземский был уже студентом I курса Петербургского университета.⁵ Таким образом, рисунок относится к концу 1836 г., когда Вяземский близко общался с семьей Пушкиных. Вероятно, это зарисовка не с натуры, а по памяти, но с такой точностью в передаче деталей, которую мог соблюсти лишь человек, хорошо знавший поэта.

Пушкин представлен стоящим. Он небольшого роста, но строен и хорошо сложен.⁶ Руки скрещены на груди. Эта характерная поза Пушкина зафиксирована портретом О. А. Кипренского (1827), акварелью П. Ф. Соколова (1836), картиной неизвестного художника «Субботнее собрание у Жуковского» и, наконец, гравюрой по рисунку А. Нотбека, приложенной к «Невскому альманаху» на 1829 г., которая изображает Пушкина и Онегина на набережной Невы против Петропавловской крепости (гравюра эта, сама по себе мало удачная и вызвавшая известную эпиграмму Пушкина, восходит к собственному пушкинскому наброску).

Наблюдательность Вяземского проявилась и в передаче примечательных особенностей лица Пушкина. Несколько удлинненное, оно обрамлено полными бакенами, соединяющимися на шее, и кудрявой шевелюрой, которая имеет вид отдельных крупных завитков. Только над серединой лба волосы кажутся слегка поредевшими, что передано несколькими росчерками пера. Отсутствует и пушкинский завиток надо лбом, известный по портрету Жана Вивьена (1826). «Кудрявость» волос Пушкина в последний период жизни обычно ставится под сомнение. Но в нашем

---

³ См. письмо П. А. Вяземского к сыну от 14 (26) января 1835 г. (Nina Kauchtschischwili. L'Italia nella vita e nell'opera di P. A. Vjæzems-kij. Milano, 1964, стр. 287). — П. П. Вяземский поступил в St. Petri-Schule в 1834 г. (см.: Namensverzeichnis der Schüler und Schülerinnen der Deutschen Hauptschule St. Petri alphabetisch und chronologisch geordnet zur Säcularfeier am 1 October 1862. St. Petersburg, 1862, стр. 220, № 4897).

⁴ См.: Учебный план Главного немецкого училища св. Петра на 1835 г. Sechste Classe. Jahreskursus. Geometrie Ausfürlicher Coursus der Stereometrie. Fortgesetzte Uebungen in der Planimetrie mit Rücksicht auf geometrische Analysis der Alten (ГИАЛО, ф. 273, оп. 1, № 94, л. 8). — Материалы за 1836 г. не сохранились.

⁵ Автобиография Н. И. Иваницкого («Щукинский сборник», вып. VIII. М., 1909, стр. 269).

⁶ «А. С. Пушкин был невысокого роста, даже ниже среднего (5 с небольшим вершков — по словам его брата, „небольшого роста“ — по Лажечникову, „почти низенький человечек“ — по выражению Погодина), но стройного и крепкого сложения» (Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин. Антропологический эскиз. М., 1899, стр. 33). См. также авторскую надпись на рисунке Г. Чернецова, изображающем группу литераторов (Пушкин, Жуковский, Крылов и Гнедич): «Александр Сергеевич Пушкин, рисовано с натуры 1832-го года, апреля 15-го. Ростом 2 арш. 5 вершков с половиц.», (И. Э. Г р а б а р ь. Внешний облик Пушкина, стр. 151).

Пушкин. Рисунок П. П. Вяземского.

случае данные рисунка Вяземского совпадают со свидетельством И. С. Тургенева, видевшего Пушкина незадолго до смерти. Тургенев отметил смуглое лицо поэта, «его африканские губы, оскал белых крупных зубов, *висячие бакенбарды*, темные желчные глаза под высоким лбом почти без бровей — и *кудрявые волосы*» (курсив мой, — А. К.).⁷ Такое представление об облике Пушкина сохранилось у Тургенева неслучайно. Многие, мельком видевшие поэта, вспоминали позднее о его якобы темных глазах.⁸ Общее впечатление «кудрявости» волос Пушкина в иконографии последних лет отражает и так называемый линевский портрет, в котором заметно передана волнистость пушкинской шевелюры.⁹ То же самое можно сказать и о гравюре Томаса Райта (1837), создавшего последний прижизненный портрет поэта. Несмотря на свойственный Райту поверхностный и сухо-официальный подход к изображению, такая деталь, как прическа портретируемого, выполнена весьма тщательно и сходна с тем, что мы находим в портрете Линева.

Видимо, Вяземский передавал в рисунке самое характерное, запоминающееся в облике Пушкина, подчеркивая те особенности лица, которые позволяли говорить о пушкинском типе. Он отметил ярко выраженную выпуклость лба, слегка приплюснутый и изогнутый нос, нависший над верхней губой, уходящий назад подбородок, т. е. черты, которые со всей резкостью отразила смертная маска. Известный антрополог Д. Н. Анучин, изучавший эту маску, так пишет об особенностях типа лица Пушкина: «Лоб ограничен снизу явственными, хотя не особенно развитыми надбровными дугами и представляется выпуклым... нос отнюдь не короткий, скорее длинный — по величине занимаемого им в профиле отдела лица, спинка его слабо изогнута и конец его, спускаясь вниз, явственно свешивается над верхней губой. По отношению к его высоте (над поверхностью верхней губы) он широк и приплюснут».¹⁰ В иконографии Пушкина эти особенности его лица в той или иной степени всегда отмечались художниками. Так, в портрете Жана Вивьена подчеркнута заметная выпуклость высокого лба и утолщение слегка приплюснутого носа; эскиз к портрету В. А. Тропинина (1827) передает не только это утолщение, но и легкий изгиб к концу спинки, создаю-

---

⁷ И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. в 28 томах, т. XIV, Изд. «Наука», М.—Л., 1967, стр. 13.

⁸ Письмо Ел. Андр. Ган к Ек. Андр. Вите («Русская старина», 1836, т. 51, стр. 353).

⁹ Следует отметить, что И. Э. Грабарь ставил пушкинский портрет работы И. Л. Линева под сомнение, отзывался о нем, как о портрете «дурной славы», который при ближайшем рассмотрении «оказывается прямо скомбинированным с рисунка неизвестного художника, изобразившего Пушкина в гробу» (И. Э. Грабарь. Внешний облик Пушкина, стр. 153).

¹⁰ Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин. Антропологический эскиз, стр. 43.

щий впечатление носа, слегка нависающего над верхней губой; в гравюре Н. И. Уткина (1827) можно видеть расширение спинки носа книзу и некоторую его загнутость при резко обозначенных поздрах; ту же описанную Анучиным «своеобразную форму носа с перегибом спинки» мы находим в портрете Т. Райта. В связи с этим интересны и наброски профиля поэта, сделанные Н. В. Гоголем, где, так же как и на рисунке Вяземского, подчеркнута форма немного плоского, но правильно изогнутого носа, несколько выступающих челюстей и губ и закругленного, отступающего назад подбородка.

В пору создания рисунка, осенью 1836 г., шестнадцатилетний Вяземский скорее подсознательно чувствовал, чем понимал, всю серьезность обстановки, сложившейся вокруг Пушкина. «В зиму 1836—1837 года, — писал он в своих позднейших воспоминаниях, — мне как-то случилось пройти несколько шагов по Невскому проспекту с Н. Н. Пушкиной, сестрой ее Е. Н. Гончаровой и с молодым Геккереном; в эту самую минуту Пушкин промчался мимо нас как вихрь, не оглядываясь, и мгновенно исчез в толпе гуляющих. Выражение лица его было страшно. Для меня это был первый признак разразившейся драмы».¹¹

Душевное состояние Пушкина отзывалось в Вяземском многообразно и неопределенно, но образная фиксация впечатлений в рисунке совершенно конкретна. До сих пор в прижизненной пушкинской иконографии не встречалось ничего более драматического, чем этот рисунок дилетанта, схвативший облик Пушкина последних месяцев жизни. Во внешне спокойной и устойчивой позе Пушкина много внутреннего напряжения: оно в едва заметном наклоне головы (отчего подбородок касается шейного платка), в жесте скрещенных на груди рук, в постановке слегка расставленных ног, глухо застегнутом сюртуке. Это ощущается и в лице поэта. Глаза кажутся темными и блестящими, губы плотно сжаты. Создается впечатление с трудом подавляемого порыва, большой сдержанности и, наряду с ней, угнетенности и безнадежности. Очевидно, в подобном состоянии Пушкин постоянно находился в последние преддуэльные месяцы.

По технике набросков Вяземского принадлежит к типу так называемых очерковых рисунков. Резкие и тонкие штрихи пера набрасывают контур фигуры. Часто прерываясь и быстро меняя свою светосилу (от темного пятна заливки чернилами до тонкой, едва заметной линии), они как бы подчеркивают обостренную напряженность образа.

Рисунок Вяземского интересен нам, в первую очередь, как отражение непосредственных впечатлений от облика и характера Пушкина в сознании близко знавшего его человека. Будучи на-

---

¹¹ П. П. Вяземский. А. С. Пушкин (1826—1837) по документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям. СПб., 1880, стр. 84.

броском дилетанта, он не может дать портретного сходства в той мере, в какой дают его известные нам профессиональные портреты Пушкина. Но в одном отношении он оказывается уникальным биографическим и историко-бытовым документом. Ни мемуарные, ни иконографические источники до сего времени не давали нам никаких свидетельств о домашней одежде Пушкина, а между тем эта сама по себе незначительная частности оказывается существенной в целом ряде случаев, когда необходимо восстановить возможно более полно и наглядно бытовую среду и домашнюю обстановку поэта, например в музейных и художественных целях. На рисунке Вяземского ясно видно, что одежда поэта состоит из старого, поношенного сюртука с расширенными манжетами, согласно моде 1830-х годов. Два ряда пуговиц вдоль бортов отпороты. Вместо них сверху, на груди, сделана одна специальная лямка-застежка, при помощи которой сюртук легко запахивается. Эта застежка помещена высоко, и оттого бархатный отложной воротник высоко поднят и плотно обхватывает темный завязанный узлом шейный платок. Штаны также, очевидно, домашние, широкие, а не зауженные со штрипками, какие полагалось носить с сюртуком. В таком костюме Пушкин мог ходить только дома. По-видимому, в нем Вяземский заставал Пушкина неоднократно, так как зафиксировал по памяти все, вплоть до незначительных деталей. Зимой 1835—1836 г. такое «домашнее» общение П. П. Вяземского с Пушкиным было вполне вероятно; в цитированной статье Вяземский вспоминал о своих частых прогулках «то с А. С. Пушкиным, то с модной красавицей Н. Н. Пушкиной и ее сестрами» и передавал содержание своих длительных бесед с Пушкиным «об обращении с женщинами», о свободе печати, перспективах университетского образования и т. д.

Публикуемый рисунок не является единственным графическим отражением литературных общений и интересов Вяземского в этот период. В его альбоме мы находим набросок профиля Гоголя,¹² сделанный, очевидно, в июле 1836 г., когда они вместе переезжали на пароходе из Кронштадта в Травемюнде.¹³ Страница 112 того же альбома занята рисунком с портрета Пугачева в раме: заполнялся этот лист, по-видимому, несколькими месяцами позднее, т. е. осенью 1836 г.¹⁴ Этот последний рисунок мог быть фиксацией воспоминания о портрете Пугачева, хранившемся в Остафьеве и положенном в основу гравюры на фронтисписе «Истории Пугачевского бунта» Пушкина.¹⁵ Значительно больший

¹² ГБЛ, ф. 23, п. 24, № 19, л. 24.

¹³ «Литературное наследство», т. 58. Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 555.

¹⁴ Бумага верже белая, без водяных знаков, размер листа 315 × 195 мм, рисунка — 110 × 65 мм.

¹⁵ См.: Н. Н. Петрунина. Портрет, приложенный А. С. Пушкиным к «Истории Пугачева». В кн.: Временник Пушкинской комиссии, 1964. Изд. «Наука», Л., 1967, стр. 51—53.

интерес представляет второй набросок Вяземского, изображающий Пугачева; он сделан пером на отдельном листе, находящемся среди ученических тетрадей Вяземского; кроме него на листе имеется еще несколько изображений, по-видимому, воображаемых лиц.¹⁶ Датировке этот рисунок не поддается. Можно, однако, предположить, что мысль изобразить Пугачева возникла не без влияния «Капитанской дочки», которую Пушкин читал у Вяземских вечером 2 ноября 1836 г.; Вяземский вспоминал, что роман этот в чтении Пушкина произвел на него «неизгладимое впечатление».¹⁷ В течение ближайшего месяца роман вызывает к себе все возрастающий интерес в близких Вяземским кругах. 24 декабря 1836 г. его читает А. И. Тургенев;¹⁸ 30 декабря С. Н. Карамзина пишет брату, что появился новый роман Пушкина — «говорят, восхитительный».¹⁹ Рисунок Вяземского, по-видимому, и был живым свидетельством этого всеобщего увлечения романом и читательского восприятия его художественной и идейной концепции.

---

¹⁶ ГБЛ, ф. 63, л. 22, № 2. Бумага верже белая, без водяных знаков, размер листа 287×196 мм, рисунка — 120×95 мм.

¹⁷ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. III. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1824—1836. СПб., 1899, стр. 347; П. А. Вяземский. А. С. Пушкин... стр. 71.

¹⁸ П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. ГИЗ, М.—Л., 1928, стр. 281.

¹⁹ Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 48.

А. Л. ВАЙНШТЕЙН, В. П. ПАВЛОВА

**К ИСТОРИИ ПОВЕСТИ ПУШКИНА
«ГОСТИ СЪЕЗЖАЛИСЬ НА ДАЧУ...»**

В 1828 г. Пушкин задумал написать повесть из жизни светского общества; в набросках плана на французском языке она имеет заголовок «L'homme du monde» («Светский человек»). В одном из разделов плана будущего произведения намечалась сцена «на даче у гр. Л.» (Акад., VIII (2), 554). Этот раздел лег в основу наброска «Гости съезжались на дачу...».

В черновом автографе его латинская буква «L» заменена русским «Л» (там же, 544). В окончательном варианте буквенное обозначение титула и фамилии автор заменил тремя звездочками.

Кого же имел в виду Пушкин под «гр. Л.»? Существовало ли в действительности лицо, послужившее прототипом хозяина дачи? Написана ли повесть на материале, взятом непосредственно из жизни тогдашнего Петербурга, или же сюжет ее является литературным вымыслом автора? Сделаны были попытки отождествить некоторых персонажей повести с существовавшими в действительности лицами,¹ однако до конца еще не раскрыто, насколько бытовой фон этой повести близок к реальной жизни, насколько конкретны лица и отдельные ситуации, отображенные в ней.

Обозначение Пушкиным фамилии владельца дачи одной и той же буквой то из русского, то из латинского алфавитов наводит на мысль, что он имел в виду совершенно определенное лицо с графским титулом, с фамилией, начинавшейся с буквы «Л», и, возможно, иностранного происхождения.

Действие повести в черновом ее варианте разворачивается летом под Петербургом, «на даче у гр. Л.». В 1820—1830-е гг. владельцами дач из титулованной знати с фамилиями на «Л» в сто-

---

¹ История русской литературы, т. VI. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 302; Елена Гладкова. Прозаические наброски Пушкина из жизни «света». В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 6. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 311.

лице были только графиня А. Г. Лаваль и княгиня Е. Н. Лопухина.² Последняя была женщиной малообразованной; овдовев в 65-тилетнем возрасте, она в 1827 г. совершенно удалилась от шумной столичной жизни.³ Нет никаких данных о том, что Пушкин бывал в ее доме.

Иное дело графиня А. Г. Лаваль. На балах и приемах у Лавалей бывало все высшее петербургское общество вплоть до царя, а по средам они принимали весь дипломатический корпус.⁴ Не вызывает поэтому сомнений, что летом 1828 г., когда Пушкин особенно много развлекался, посещал балы, играл в карты, он бывал у Лавалей и на даче, где давались блестящие празднества. Впечатления от этих вечеров могли послужить одним из источников замысла повести.

Такое предположение становится очевидным фактом, если сопоставить отдельные ситуации повести с некоторыми подробностями, касающимися происхождения Лавалей, положения, которое они занимали в обществе, их ближайшего окружения и картин светских вечеров в их доме.

Сопоставления дают основание считать, что под «гр. Л.» Пушкин подразумевал Лаваль, при этом имел в виду, очевидно, графиню, а не графа, как до сих пор считалось.

В повести герой ее Минский в беседе с испанцем говорит об оскудении и упадке древнего русского дворянства, на место которого пришли выскочки, выставляющие себя аристократами. «Смешно только видеть в ничтожных внуках пир<ожников>, ден<щиков>, певч<их> и дьячков, — говорит Минский, — спесь герцога Montmoren<су>...» (VIII (1), 42). Это прямой намек на И. С. Лавалья, французского эмигранта, который, получив графский титул и достигнув высоких придворных чинов в России только благодаря богатству жены, держался как вельможа и выдавал себя за дворянина из старинного французского рода Montmorency-Laval. По свидетельству современников, один из представителей этой фамилии во время приезда в Петербург с недоумением обратил внимание Александра I на герб Монморанси, украшавший фронтон дома Лавалья на Английской набережной, в результате чего царь потребовал от Лавалья снять этот герб.⁵

В повести среди гостей дипломаты, иностранцы, светские дамы, «важная кн. Г.». Установлено, что «кн. Г.» — известная

---

² Указатель жилищ и зданий в С.-Петербурге, или адресная книга... Изд. С. Аллер, СПб., 1822, стр. 219, 220; Нумерация домов в Петербурге с алфавитными списками. СПб., 1836, стр. 146.

³ Русский биографический словарь, т. Лабзина—Лященко, СПб., 1914, стр. 633.

⁴ И. Кологривов. Княгиня Екатерина Ивановна Трубетская. «Современные записки», т. 10. Париж, 1936, стр. 249—250; С. О. Долгов. Сто лет назад. Письма И. П. Оденталя к А. Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах. «Русская старина», 1912, № 5, стр. 410.

⁵ A. de Custine. La Russie en 1839, v. IV. Paris, 1843, pp. 391—392.

Наталья Петровна Голицына,⁶ которая бывала на балах и приемах у Лавалей. Это о ней писал в 1810 г. в своем дневнике американский посол Адамс, перечисляя гостей на даче Лавалей, куда он был приглашен.⁷ В «Записках Ф. Ф. Вигеля» отмечается, что, покинув Францию во время революции 1789—1794 гг., Голицына явилась в России поборницей аристократии: «Сотни светского и духовного звания эмигрантов способствовали ей распространить свет его (аристократизма, — А. В., В. П.) в нашей столице. Составилась компания на акциях, куда вносимы были титулы, богатство, кредит при дворе, знание французского языка, а еще более незнание русского».⁸

Не вызывает сомнений, что акции Лаваль в этой компании были значительными, если учесть, что титул графа он получил за ссуду в 300 тыс. франков, переданную А. Г. Лаваль Людовику XVIII перед возвращением короля во Францию.⁹

Прототипом героини повести Зинаиды Вольской явилась известная петербургская красавица Аграфена Федоровна Закревская,¹⁰ которой Пушкин, в то время был увлечен. А. Ф. Закревская состояла в родстве с графиней А. Г. Лаваль,¹¹ была в ее доме близким человеком,¹² и Пушкин, конечно, не раз встречал ее здесь.

В повести собравшиеся гости рассматривают парижские литографии. У Лавалей же была превосходная библиотека с собранием ценных гравюр и литографий, привезенных и получаемых ими из-за границы.¹³

Сохранилось воспоминание об игре в карты в их доме: за ломберными столами просиживали далеко за полночь и «игра шла просто баснословная».¹⁴ В повести гости также проводят время за карточной игрой.

Место действия повести, насколько мы можем себе его представить по скудным, хотя и живописным подробностям пушкин-

⁶ История русской литературы, т. VI, стр. 302.

⁷ Memoirs of John Quincy Adams, t. 2. Philadelphia, 1874, p. 141.

⁸ Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. 1. М., 1891, стр. 138.

⁹ ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 98, л. 1; И. Кологривов. Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая, стр. 246.

¹⁰ Н. Л. Степанов. Проза Пушкина. М., 1962, стр. 56; А. Чичерин. Возникновение романа-эпопеи. М., 1958, стр. 76—77.

¹¹ А. Ф. Закревская — внучатная племянница А. Г. Лаваль. Баба А. Ф. Закревской, Аграфена Ивановна Дурасова, и мать А. Г. Лаваль, Екатерина Ивановна Козицкая, — родные сестры, урожденные Мясикины.

¹² Воспоминания М. Ф. Каменской. «Исторический вестник», 1894, т. 58, № 10, стр. 47—48.

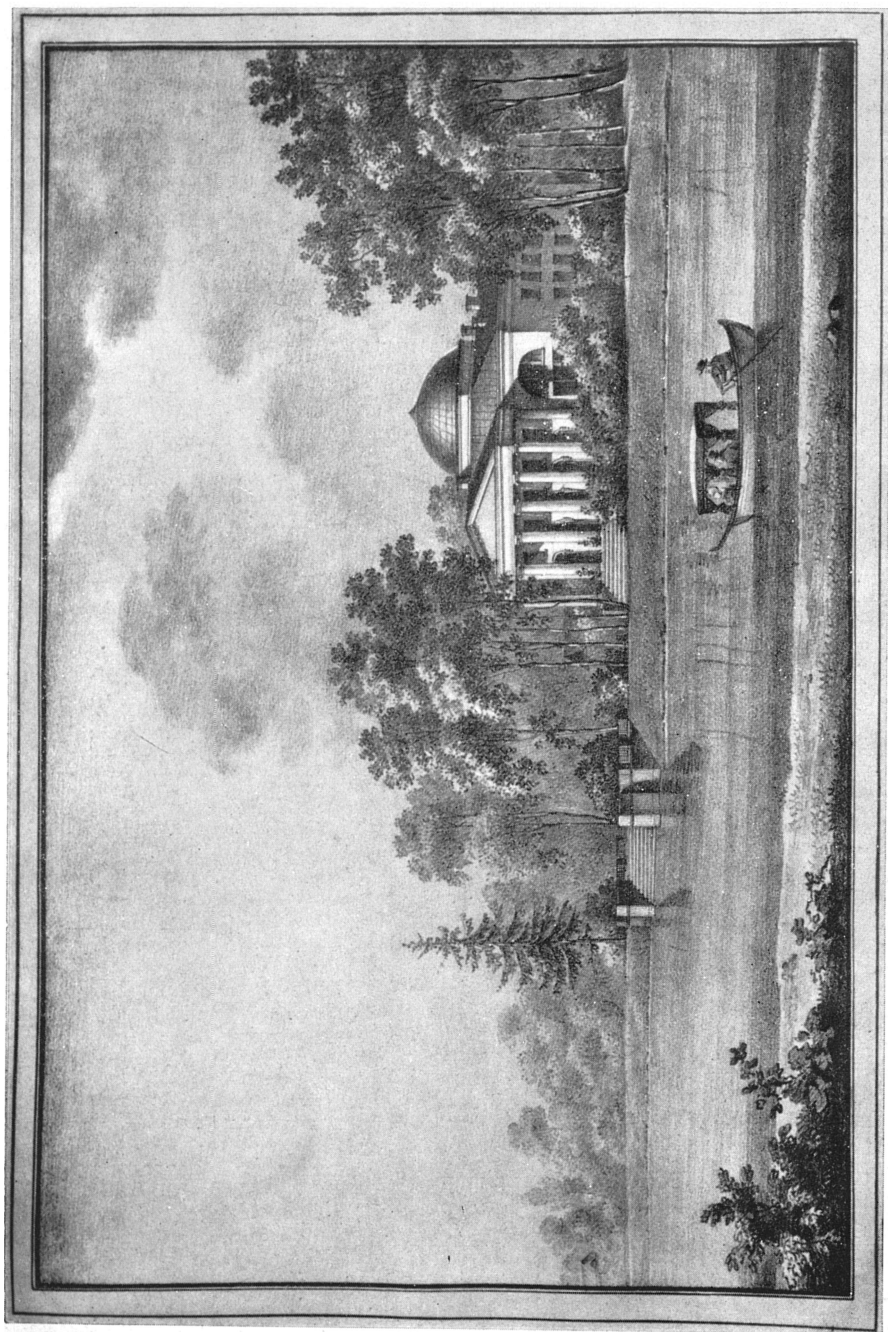
¹³ Журнал собрания наследниц А. Г. Лаваль от 17 августа 1851 г. (ЦГИА, ф. 468, оп. 1, ч. 1, д. 1108, л. 3); Список имущества, полученного в наследство Е. И. Трубецкой (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 36, л. 1 об.); А. Хомутов. Из бумаг поэта И. И. Козлова. «Русский архив», 1886, кн. 1, стр. 318.

¹⁴ Воспоминания М. Ф. Каменской, стр. 48.

А. Г. Лаваль. Акварель О. Тимашевского.

Дача А. Г. Лаваль в Петербурге. Литография.

ского наброска, не противоречит сохранившимся описаниям и изображениям дачи Лавалей. С балкона ее открывался прекрасный вид на окрестные дачи Каменного и Крестовского островов. В наброске Пушкина читаем: «На балконе сидело двое мужчин. Один из них, путешествующий испанец, казалось, живо наслаждался прелестью северной ночи. С восхищением глядел он на ясное, бледное небо, на величавую Неву, озаренную светом неизъяснимым, и на окрестные дачи, рисующиеся в прозрачном сумраке» (VIII (1), 37).

Дача Лавалей была выстроена в 1810 г. известным архитектором Тома де Томоном на северо-западной оконечности Аптекарского острова, значительная часть которого принадлежала им. По свидетельству современников и по сохранившимся изображениям, это была одна из красивейших дач Петербурга.¹⁵ Восторженный отзыв о ней имеется в дневнике поэта И. И. Козлова, записавшего 5 июля 1820 г. после прогулки на островах, что дача Лавалей «просто восхищение».¹⁶ Как сообщали «С.-Петербургские ведомости», в январе 1827 г. виды ее, наравне с видами императорских дворцов и европейских столиц, показывали в космораме.¹⁷ Большой парк назывался «лавалевским» даже в конце XIX в., хотя с 1850-х годов принадлежал другим лицам.¹⁸

Недалеке от дачи на Каменном острове с 1827 г. находился летний театр, в котором, наряду с комедиями и водевилями русских авторов, давались итальянские оперы. Интересно отметить, что и в повести гости съезжались на дачу после итальянской оперы. «Зала наполнялась дамами и мужчинами, приехавшими в одно время из театра, где давали новую Ит<альянскую> оперу» (VIII (1), 37).

Кто же была А. Г. Лаваль и каковы связи Пушкина с Лавальми?

Александра Григорьевна Лаваль, урожденная Козицкая (1772—1850), была одной из замечательных женщин Петербурга.¹⁹ Она происходила по матери от известных миллионеров-

¹⁵ Описание дачи см.: ЛГИА, ф. 268, оп. II, д. 72, лл. 316—359; литографированное ее изображение имеется в альбоме «Nouvelle collection de quarante deux vues de Saint-Petersbourg et de ses environs», СПб., 1826 (Эрмитаж, Э28420/Р. Г.). См. также: «Отечественные записки», 1820, ч. II, № 4, стр. 207.

¹⁶ К. Я. Грот. Дневник И. И. Козлова. «Старина и новизна», 1906, кн. 11, стр. 43—44. — См. здесь же запись от 14 июля 1830 г.: «Я ездил обедать на дачу Лаваль. Познакомился с князем и княгиней Одоевскими... Я читал свою „Безумную“» (стр. 49).

¹⁷ «С.-Петербургские ведомости», 4 января 1827 г., Первое прибавление, стр. 10.

¹⁸ И. Божерянов. Петербургская старина. СПб., 1891, стр. 43.

¹⁹ См. краткий очерк о ней: П. Столянский. Женщины старого Петербурга. Гр. Лаваль («Наша старина», 1917, вып. 3, стр. 68—84); Русские портреты XVIII и XIX столетий. Изд. вел. князя Николая Михайловича. Т. 2, вып. 3. СПб., 1906, № 88.

горнопромышленников Мясниковых-Твердышевых.²⁰ Пушкин в примечании к четвертой главе «Истории Пугачева» писал: «Твердышев нажил свое огромное имение в течение семи лет. Потомки его наследников суть доныне одни из богатейших людей в России» (IX (1), 102—103). Отец ее, Г. В. Козицкий, был статс-секретарем Екатерины II, выпускником Лейпцигского университета, первым переводчиком работ М. В. Ломоносова на латинский язык и древнеримских поэтов и философов на русский язык, другом известного актера Волкова.²¹

А. Г. Лаваль обладала природным умом и твердым характером, которые сочетались в ней с прекрасным образованием, полученным в семье. Она увлеклась искусством, литературой, имела блестящий дом на Английской набережной, где были собраны коллекции картин, скульптур, древностей.²²

Часто и подолгу путешествуя, Лаваль встречалась со многими выдающимися людьми, в том числе с французскими писателями Ф. Шатобрианом, Б. Констаном, г-жой де Сталь, салон которой посещала в Париже.²³

На литературных вечерах в ее доме читались и обсуждались произведения русских и иностранных авторов. Ее роль в литературной жизни Петербурга проявлялась во влиянии на газету «Le Furet», издававшуюся с 1829 г. секретарем и библиотекарем Лавалей Ш. Сен-Жюльеном.²⁴ В газете, наряду со светскими новостями, помещались рецензии на произведения поэтов и писателей, в том числе восторженные отзывы на произведения Пушкина.

Пушкин стал бывать в салоне Лаваль вскоре после окончания лицея и причисления к Коллегии иностранных дел, где И. С. Лаваль в течение 30 лет управлял 3-й экспедицией особой канцелярии Министерства иностранных дел. В обязанность этой экспедиции среди прочих других входил просмотр зарубежных периодических изданий и составление извлечений из них для царя о по-

---

²⁰ О Мясниковых-Твердышевых см.: Е. П. Карнович. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885, стр. 174—177.

²¹ Русский биографический словарь, т. Кнаппе—Кюхельбекер. СПб., 1903, стр. 39—40.

²² А. Л. Вайнштейн, В. П. Павлова. Здание ЦГИА СССР — архитектурный и историко-культурный памятник Петербурга—Ленинграда. В кн.: Вопросы архивоведения и источниковедения. Л., 1967, стр. 241—245, 247—248; Указатель художественной выставки редких вещей, принадлежавших частным лицам, учрежденной с высочайшего позволения в залах имп. Академии художеств в пользу кассы Общества посещения бедных. СПб., 1851; О. Ф. Вальдгауер. Античная скульптура Государственного Эрмитажа. Пгр., 1923; Собрание древностей покойной гр. Лаваль. «Журнал Министерства народного просвещения», 1852, ч. 73, отд. VII, стр. 22.

²³ Записки С. Г. Волконского. СПб., 1901, стр. 337.

²⁴ См.: Дело об издании газеты «Le Furet» (ЦГИА, ф. 772, оп. I, д. 122); М. Аронсон, С. Рейсер. Литературные кружки и салоны. Л., 1929, стр. 72.

ложении дел в Европе.²⁵ Это позволяло Лавалю, минуя цензуру, быть в курсе всех новостей иностранной печати. Новости несомненно становились известными и в салоне графини Лаваль. На литературных вечерах у Лаваль Пушкин читал свои еще не опубликованные произведения. В 1817 г. на одном из таких вечеров поэт читал только что написанное самое свободололюбивое стихотворение этого периода его творчества — оду «Вольность».²⁶ Среди бумаг Пушкина сохранились черновые варианты стихотворений «Там у леска» и «Царское Село». На полях этой рукописи, относящейся к 1819 г., рукою Пушкина сделан карандашный набросок портрета И. С. Лавалья.²⁷

В том же году в стихотворении, посвященном А. И. Тургеневу, поэт писал:

...Лентявец милый на Парнассе,
Забыв любви своей печаль,
С улыбкой дремлешь в Арзамасе
И спишь у графа де-Лаваль...

(II (1), 41).

В летописи жизни Пушкина указано, что с сентября 1817 по апрель 1820 г. Пушкин бывал на вечерах и балах у Лаваль.²⁸

Сохранились воспоминания современников о чтении Пушкиным 16 мая 1828 г. в салоне Лаваль трагедии «Борис Годунов». Среди гостей, присутствовавших на чтении, были А. С. Грибоедов, А. Мицкевич, П. А. Вяземский, сыновья Карамзина, А. И. Кошелев.²⁹

В 1828 г. на балу у Лаваль Пушкин танцевал мазурку с 16-тилетней дочерью поэта И. И. Козлова Александрой в пику А. А. Олениной, отвергнувшей его сватовство.³⁰ В последние дни декабря 1829 г., вернувшись в Петербург после путешествия в Арзрум, поэт составил список лиц, которым намеревался разослать визитные карточки к новому, 1830, году. В списке из 42-х фамилий пятью значатся Лавали.³¹

Зимой 1831—1832 гг., как отмечает в своих записках А. О. Смирнова-Россет, «... не было конца вечерам и балам; тан-

²⁵ Н. Колюпанов. Биография Александра Ивановича Кошелева, т. I, кн. 2, М., 1889, стр. 175.

²⁶ М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 146, 742.

²⁷ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 25, л. 1; Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина. Изд. «Атеней», Пгр., 1922, стр. 9, 13.

²⁸ М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I, стр. 138, 742.

²⁹ Пушкин в неизданной переписке современников (1815—1837). «Литературное наследство», т. 58. Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 79; Н. Колюпанов. Биография Александра Ивановича Кошелева, т. I, кн. 2, стр. 202.

³⁰ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Подгот. к печати и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 324.

³¹ Там же, стр. 322.

цевали у графини Лаваль, у Сухозанет, у графини Разумовской и в Аничкове дважды в неделю». ³² Известно, что Наталья Николаевна Пушкина часто выезжала в свет и поэту приходилось ее сопровождать. Они несомненно бывали на блестящих празднествах, дававшихся и в доме Лаваль. Это тем более вероятно, что, по свидетельству современников, Н. Н. Пушкина посещала дом Лавалей и после смерти поэта. ³³

Французский прозаический перевод оды «Клеветникам России», по отзыву П. Е. Щеголева, ничем не замечательный, нашли в бумагах Пушкина. Л. Б. Модзалевский установил, что этот перевод — автограф графини А. Г. Лаваль. ³⁴

Пушкин в своем дневнике за 1834 г. упоминает о Лавальях: 8 апреля он записал о рауте у В. Ф. Одоевского и о присутствии на нем семьи Лаваль ³⁵ (XII, 324).

Все приведенные сведения говорят о долголетнем знакомстве Пушкина с Лавальями. Кроме того, многие из лиц, с которыми поэта связывали узы дружбы или давнее знакомство, входили в круг людей, близких к Лавальям: ³⁶ например, В. А. Жуковский, ³⁷ П. А. Вяземский, ³⁸ семья В. Ф. Одоевского, ³⁹ Карамзины, ⁴⁰ И. И. Козлов, ⁴¹ З. А. Волконская ⁴² и др.

³² А. О. Смирнова. Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929, стр. 188.

³³ Comte A. Pallavicini. Lettres d'un petit-fils à sa grand'mère. [S. l., s. a.], pp. 92—93.

³⁴ А. С. Пушкин. Письма, т. III. 1831—1833. Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 419.

³⁵ Дневник Пушкина. 1833—1835. Под ред. и с объяснит. примеч. Б. Л. Модзалевского и со статьей П. Е. Щеголева. ГИЗ, М.—Пгр., 1923, стр. 12, 134. По свидетельству В. В. Ленца, у Одоевского часто бывали А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский. «Из дам особенно обращали на себя внимание красавица Замятина, графиня Лаваль, старая и страшно безобразная...» («Русский архив», 1878, кн. 1, стр. 441).

³⁶ См., например, сведения о посещении дома Лавалей в 1827—1830 гг. Пушкиным, Крыловым и Жуковским в воспоминаниях Сен-Жюльена (Ch. de Saint-Julien. Voyage pittoresque en Russie. Paris, 1851, pp. 29—30).

³⁷ Дневник В. А. Жуковского. СПб., 1903, стр. 68, 512—515.

³⁸ См. письма П. А. Вяземского к жене за 1830 г. («Звенья», т. VI. М.—Л., 1936, стр. 212) и за 1831—1832 гг. (там же, т. IX, М., 1951, стр. 264, 278, 322, 406). В письме от января 1832 г. Вяземский сообщил о чтении им в салоне Лаваль 8-й (еще не опубликованной) главы «Евгения Онегина». См. также: П. А. Вяземский. Записные книжки (1813—1848). Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 169.

³⁹ Письма А. Г. Лаваль и ее дочерей к В. Ф. и О. С. Одоевским (ГПБ, ф. 539, оп. 2, дд. 630, 671, 672, 1262, 1325, 1332, 1333); Записки В. А. Инсарского («Русская старина», 1895, т. 84, № 7, стр. 6).

⁴⁰ См.: Письма Н. М. Карамзина к его супруге из Петербурга в Москву 1816 г. («Русский архив», 1911, кн. 7—8, стр. 568, 573, 588). В письме от 10 марта 1816 г. Н. М. Карамзин сообщил о чтении им в салоне Лавалей «Истории государства российского». См. также: Письма Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 300, 385, 393, 411.

⁴¹ К. Я. Грот. Дневник И. И. Козлова, стр. 41.

⁴² З. А. Волконская, урожд. Белосельская-Белозерская, падчерица сестры А. Г. Лаваль.

Повесть осталась неоконченной, хотя сюжет ее занимал Пушкина почти два года. Трудно с полной уверенностью судить о причинах, в связи с которыми работа над повестью не была завершена, но несомненно, что реальное воплощение нравов большого света, почти портретные очерки лиц из светского окружения Пушкина служили серьезным к тому препятствием.

II. ОБЗОРЫ

В. В. ЗАЙЦЕВА

КНИГИ О ПУШКИНЕ 1966—1967 годов

- Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». Проблемы его изучения. Л., «Наука», 1967, 271 стр., 1 л. портр. (АН СССР. Отд-ние литературы и языка. Пушкинская комиссия). Прилож. I. Автографы «Памятника». Прилож. II. Русские переводы оды Горация «Ehægi monumentum».
- Андроников И. Утраченные записки. — В кн.: Андроников И. Лермонтов. Исследования и находки. Изд. 2, испр. М., «Художественная литература», 1967, стр. 143—182.
Впервые: День поэзии 1963. М., «Советский писатель», 1963, стр. 278—290.
Записки В. И. Анненковой. Опубликованы отрывки воспоминаний о декабристах, Пушкине и Лермонтове.
- Антокольский П. «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. Роман в стихах. М., «Художественная литература», 1967, стр. 5—20. (Народная б-ка).
- Асафьев Б. Критические статьи, очерки и рецензии. Из наследия конца десятих—начала тридцатых годов. М.—Л., «Музыка», 1967, 300 стр. с портр.
Перед загл. авт.: Б. Асафьев (Игорь Глебов).
Стр. 82—89: «Руслан и Людмила». Стр. 89—98: «Русалка». Стр. 112—121: «Борис Годунов» и его редакции. Стр. 121—125: «Борис Годунов». Стр. 130—158: «Пиковая дама».
- Асеев Николай. Соловьиное братство. — В кн.: День поэзии 1967. М., «Советский писатель», 1967, стр. 209—213.
Пушкин и Мицкевич.
- Баранская Н. «По случаю отъезда Соболевского в чужие края...». — В кн.: Прометей. Т. 2, М., «Молодая гвардия», 1967, стр. 179—185 с портр.
К истории портрета Пушкина работы Тропинина и копии с него, выполненной А. П. Елагиной в 1828 г.
- Берков П. Н. Личные библиотеки трех русских писателей (Ломоносова, Пушкина, М. Горького). — В кн.: Берков П. Н. Русские книголюбцы. Очерки. М.—Л., «Советский писатель», 1967, стр. 44—94.
Впервые: Книга. Исследования и материалы. Сб. 8. М., 1963, стр. 349—376.
- Благой Д. Д. Данте в сознании и в творчестве Пушкина. — В кн.: Историко-филологические исследования. Сб. статей к 75-летию Н. И. Конрада. М., «Наука», 1967, стр. 237—246. (АН СССР. Отд-ние литературы и языка).
- Благой Д. Д. От «Евгения Онегина» к «Герою нашего времени». (К вопросу о художественном методе Лермонтова). — В кн.: Проблемы романтизма. Сб. статей. М., «Искусство», 1967, стр. 293—319.

- Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., «Советский писатель», 1967, 723 стр.
- Содерж.: От автора. — I. После возвращения из ссылки. 1. Трагедия Пушкина. 2. На берег выброшен грозою. (Лирика 1826—1828 годов). 3. К суровой прозе. («Арап Петра Великого»). 4. Тяжелый млат. («Полтава»). 5. Дорогою свободной. (Лирика 1829—1830 годов. «Тазит»). II. Болдинская осень 1830 года. 6. Пир воображенья. 7. И пробуждается поэзия во мне. (Лирика. Сказки). 8. Бездна души. (Маленькие трагедии). — Примечания.
- Богач Г. Источник пушкинского сюжета для «Мертвых душ» Гоголя. — В кн.: Молдавско-русско-украинские литературные и фольклорные связи. Т. 2. Кишинев, «Карта молдовеняскэ», 1967, стр. 117—145. (АН Молдавской ССР. Ин-т языка и литературы).
- Богач Г. Ф. Пушкин и молдавский фольклор. Изд. 2, доп. Кишинев, «Карта молдовеняскэ», 1967, 296 стр. с илл.
- Боголепов П., Верховская Н., Сосницкая М. Тропа к Пушкину. Под общ. ред. С. М. Бонди. М., «Детская литература», 1967, 559 стр., 32 л. илл. (Школьная б-ка).
- Содерж.: От составителей. — Даты. — Окружение. — Где жил и бывал Пушкин. — Словарь к художественным произведениям А. С. Пушкина. [Объяснительный словарь к произведениям Пушкина].
- Бозырев В. По Пушкинскому заповеднику. Изд. 2, испр. и доп. М., Профиздат, 1967, 239 стр. с илл.
- Содерж.: Из истории Пушкинского заповедника. — Михайловское. — Тригорское. — Петровское. — Святогорский монастырь — музей. — Могила Пушкина. — Приложение.
- Большаков А. П. Творчество А. С. Пушкина. — В кн.: Большаков А. П. Повторение литературы XIX века в десятом классе. (В помощь учителю). Хабаровск, 1967, стр. 75—92. (Хабаровский краевой ин-т усовершенствования учителей).
- Бурсов Б. Национальное своеобразие русской литературы. Изд. 2, доработ. Л., «Советский писатель», 1967, 369 стр.
- Стр. 81—164: Гл. 2. Пушкин и мировая литература.
- Вайнтриб С. Е. Литературоведческая и языковедческая терминология в произведениях А. С. Пушкина. Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук. Киев, 1967, 24 стр. (АН УССР. Отд-ние литературы, языка и искусствоведения).
- Воробьев В. П. Путь А. С. Пушкина к языку художественной прозы. — В кн.: Исследования и статьи по русскому языку. Волгоград, 1967, стр. 52—64. (Волгоградский пед. ин-т им. А. С. Серафимовича).
- Гельгардт Р. Р. Словарь языка Пушкина. — В кн.: Гельгардт Р. Р. Избранные статьи. Языковедение. Фольклористика. Калинин, 1966 [переплет: 1967], стр. 221—239. (Калининский гос. пед. ин-т им. М. И. Калинина).
- Впервые: Известия АН СССР. Отд-ние литературы и языка, 1957, т. 16, вып. 4, стр. 369—378.
- Государственный Пушкинский заповедник. Краткий путеводитель. Л., «Художник РСФСР», 1967, 83 стр. с илл. (М-во культуры РСФСР).
- В вып. дан. авт.: С. С. Гейченко.
- Гроссман Виктор. После восстания. [Роман]. Вологда, Северо-Западное кн. изд., 1967, 189 стр.
- Содерж.: Пролог. — Перемены. — Москва. — Борис Годунов. — Первое сватовство. — Снова крамола. — По зову сердца. — Отъезд.
- Даронян С. Микаэл Налбандян и русские революционные демократы. М., «Художественная литература», 1967, 255 стр. с илл.
- Стр. 48—53: 6. Студенческие стихи. — Налбандян — переводчик Пушкина и Лермонтова [на армянский язык].

- Джидеева К. Х. Лирика А. С. Пушкина в киргизских переводах. Фрунзе, «Мектеп», 1967, 83 стр.
- Ефимов А. И. История русского литературного языка. Изд. 2, испр. и доп. М., «Высшая школа», 1967, 345 стр.
Стр. 166—189: Гл. 10. Пушкин — основоположник норм современного русского литературного языка.
- Кузьмин Н. Штрих и слово. Л., «Художник РСФСР», 1967, 171 стр. с илл.
Стр. 50—63: «Евгений Онегин». Стр. 148—161: «Пушкин-рисовальщик».
- Лаушкина А. Г. Современные проблемы изучения сюжета и системы образов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук. Л., 1967, 22 стр. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).
- Метопись дружбы грузинского и русского народов с древнейших времен до наших дней. Изд. 2, доп. Сост.: В. С. Шадури. Тбилиси, «Литература да хеловнеба», 1967.
Стр. 235—246: «А. С. Пушкин — гость Грузии». Стр. 247—256: «Друзья приветствуют, недруги преследуют». Стр. 257—270: «Пушкинские юбилеи в Грузии».
- Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. М., «Наука», 1967, 319 стр. (АН СССР. Ин-т русского языка).
Стр. 56—62: «Картотека словаря языка Пушкина» [на основе которой опубликован четырехтомный словарь (М., 1956—1961). Краткая история попыток (с 1899 г.) его создания]. Стр. 62—64: «Частотный словарь языка Пушкина». [Характеристика словаря, охватывающего 21 217 слов, расположенных в порядке убывания частоты употребления — от самого употребительного (союз «и» — 25026) до единицы и др. материалы].
- Муза Е. В. Адресаты лирики Пушкина. М., «Советская Россия», 1967, 15 стр. с портр. (Гос. музей А. С. Пушкина).
Книжка-сувенир открывает серию изданий, призванных рассказать о лучших материалах Гос. музея А. С. Пушкина. Для данного издания из фондов музея отобраны портреты женщин, которым посвящены стихи поэта.
- Мышковская Л. О мастерстве писателя. Статьи 1932—1959 гг. М., «Советский писатель», 1967, 444 стр.
Стр. 40—106: «О поэтике Пушкина». [Впервые: Литературная учеба, 1936, № 9, стр. 3—32; 1937, № 1, стр. 63—97]. Стр. 107—136: «О принципах пушкинского стиля». [Впервые: Литературная учеба, 1937, № 8, стр. 3—28].
- Непомнящий В. О «маленьких трагедиях». — Краткая сценическая история «маленьких трагедий». — В кн.: Пушкин А. С. Маленькие трагедии. М., «Искусство», 1967, стр. 63—84.
- Новиков И. А. Пушкин и «Слово о полку Игореве». — В кн.: Новиков И. А. Собрание сочинений. В 4-х томах. Т. 4. М., «Художественная литература», 1967, стр. 7—103.
Впервые: Отд. изд. М., «Советский писатель», 1951, 128 стр.
- Одинцов В. В. Диалог у Пушкина. Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук. М., 1967, 15 стр. (АН СССР. Ин-т русского языка).
- Прийма Ф. Я. От Пушкина до Некрасова. — В кн.: Некрасовский сборник. 4. Некрасов и русская поэзия. Л., «Наука», 1967, стр. 10—39. (АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом)).
- Пушкин. Исследования и материалы. Т. 5. Пушкин и русская культура. Л., «Наука», 1967, 396 стр. с илл. (АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). М-во культуры РСФСР. Ин-т театра, музыки и кинематографии).
Ред. коллегия: Н. В. Измайлов, Н. В. Зайцев, Б. С. Мейлах (отв. ред.).

Содерж.: От редакции. — Статьи (Б. С. Мейлах. Пушкин и проблемы русской культуры (о некоторых задачах и перспективах изучения); Г. М. Фридлендер. Пушкин и пути русской литературы; Б. С. Мейлах. Пушкин в восприятии и сознании дореволюционного крестьянства; Р. В. Иезуитова. Эволюция образа Пушкина в русской поэзии XIX века; Я. Л. Левкович. Пушкин в советской художественной прозе и драматургии; В. Н. Голицына. Проблема Пушкина в спорах о советской поэзии первых послеоктябрьских лет; А. А. Гозенпуд. Пушкин и русская оперная классика; Г. А. Лапкина. Идеи и образы «маленьких трагедий» Пушкина на советской сцене; А. Н. Сохор. Лирика Пушкина в творчестве советских композиторов; В. М. Красовская. Сюжеты Пушкина в искусстве русской хореографии; Н. С. Горницкая. Интерпретация пушкинской прозы в киноискусстве; Н. Н. Ефимов. Биографические фильмы о Пушкине; И. Е. Светлов. Образ Пушкина в советской скульптуре; С. В. Шервинский. О принципах художественного чтения поэзии Пушкина). — Трибуна (А. А. Гозенпуд. О сценичности и театральной судьбе «Бориса Годунова»). — Сообщения и обзоры. (А. С. Розанов. Романсы на пушкинские тексты Полины Виардо; Я. Л. Левкович. Новые материалы для биографии Пушкина, опубликованные в 1963—1966 годах). — Список иллюстраций. — Указатели.

Рыскин Е. И. Журнал А. С. Пушкина «Современник»: 1836—1837. Указатель содержания. М., «Книга», 1967, 93 стр.

Смиренский Борис. Перо и маска. М., «Московский рабочий», 1967, 144 стр.

Стр. 15—17: «Шутки Проспера Мериме». Стр. 18—21: «Пастыш на Вольтера» [Статья Пушкина «Последний из свойственников Иоанны д'Арк»]. Стр. 30—37: «Пушкинские маски». Стр. 59—66: «Соавторы Пушкина». Стр. 85—87: «Разоблаченная фальсификация» [Записки А. О. Смирновой, изданные О. Н. Смирновой]. Стр. 115—117: «Иван Петрович Белкин».

Соснора Виктор. «Желание славы». Литературные размышления. — В кн.: Молодой Ленинград 1966. М.—Л., «Советский писатель», 1966, стр. 194—202.

Сурков А. А. Собрание сочинений. В 4-х томах. Т. 4. Статьи о литературе. М., «Художественная литература», 1966, 615 стр.

Стр. 7—17: «Пушкин перед лицом нашего времени» [Впервые в кн.: Сурков А. Голоса времени. М., «Советский писатель», 1965, стр. 13—22]. Стр. 18—29: «Солнце русской поэзии» [Впервые: Огонек, 1949, № 23, стр. 2—3]. Стр. 30—35: «Основоположник-новатор» [Впервые в кн.: Сурков А. Голоса времени. М., 1965, стр. 33—37].

Талиашвили Г. Русско-грузинские литературные взаимоотношения (XVIII—XIX вв.). Тбилиси, «Ганатлеба», 1967, 462 стр.

Стр. 85—108: «О грузинских связях А. С. Пушкина».

Топоров А. Крестьяне о писателях. Изд. 3. М., «Советская Россия», 1967, 447 стр.

Стр. 49—78: «О Пушкине».

Урнов Д. М. Пушкин и Шекспир (1830-е гг.). Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук. М., 1966, 17 стр. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).

Федоров А. В. Лермонтов и литература его времени. Л., «Художественная литература», 1967, 363 стр.

Стр. 92—170: Гл. 2. Поэзия Лермонтова и Пушкин.

Фейнберг Илья. История одной рукописи. Рассказы литературоведа. Изд. 2, доп. М., «Советская Россия», 1967, 174 стр. с илл.

- Стр. 28—52: «Черновики поэта». Стр. 53—85: «Сожженные „Записки“». Стр. 86—110: «Из „Дневника“ Пушкина». Стр. 111—158: «Последний труд» [«История Петра»].
- Фогельсон И. А. Александр Сергеевич Пушкин. 1799—1837. — В кн.: Фогельсон И. А. Русская литература. Учебное пособие. М., «Просвещение», 1967, стр. 132—245.
- Цветаева Марина. Мой Пушкин. Вступит. статья Вл. Орлова. Подгот. текста и коммент. А. Эфрон и А. Саакянц. М., «Советский писатель», 1967, 275 стр.
- Содерж.: В. Орлов. «Сильная вещь — поэзия». [Стр. 7—30]. — Мой Пушкин. — Пушкин и Пугачев. [Впервые: Вопросы литературы, 1965, № 8, стр. 174—195]. — Стихотворения (5). — Отрывки (из статьи «Поэт о критике»; из очерка «Наталья Гончарова»; из статьи «Искусство при свете совести»; из статьи «Поэт и время»; из писем и черновых тетрадей). — Комментарий.
- Чеснова В. Т., Маевская П. П. Музей-заповедник А. С. Пушкина в Болдине. Путеводитель. Горький, Волго-Вятское кн. изд., 1967, 71 стр. с илл.
- Чуковский Корней. Пушкин и Некрасов. — В кн.: Чуковский К. Собрание сочинений. В 6-ти томах. Т. 4. Мастерство Некрасова. М., «Художественная литература», 1966, стр. 7—76.
- Впервые: Отд. изд. М., Госполитиздат, 1949, 48 стр.

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

1. К ТЕКСТУ «ЕГИПЕТСКИХ НОЧЕЙ»

Известно, что несовершенная повесть Пушкина «Египетские ночи» сохранилась в одном автографе — перебеленной рукописи с множеством исправлений и помарок.¹ Несмотря на поправки, текст ее вполне законченный и ясный, за исключением трех мест; одно из них находится в третьей главе, где перечисляются лица, подавшие итальянцу темы для импровизации.² Во всех публикациях повести обычно называются шесть таких лиц: сам Чарский, два журналиста, некрасивая девушка и еще два человека, побывавшие в Италии. Так, в академическом издании сочинений Пушкина в шестнадцати томах читаем: «...два журналиста, в качестве литераторов, почти обязательно написать каждый по теме; секретарь неаполитанского посольства и молодой человек», недавно возвратившийся из путешествия, бредя о Флоренции, положили в урну свои свернутые бумажки; наконец, одна некрасивая девица, по приказанию своей матери, со слезами на глазах написала несколько строк по-итальянски, и покраснев по уши, отдала их импровизатору...» (VIII (1), 272).

В рукописи это место явно не закончено обработкой. Перебеляя черновик, Пушкин написал: «Молодой дипломат, недавно возвратившийся из Неаполя, и зрелая».³ Затем он вычеркнул слова «и зрелая» и принялся дополнять характеристику дипломата: он зачеркнул «дипломат» и сбоку приписал «секретарь неаполитанского посольства». Затем вычеркнул лишнее теперь слово «Неаполя», надписал «путешествия» и продолжил: «бредя о Флоренции». Таким образом, этот персонаж получил эмоциональную окраску, облик молодого восторженного русского дипломата обрел завершенность, и стало понятным его желание принять деятельное участие в сеансе импровизации.

Почему же во всех изданиях повести появился еще один молодой человек, побывавший в Италии? Вероятно, прежде всего потому, что Пушкин ошибочно поставил знак вставки — крестик — не после слова «молодой», а перед ним. Да еще вписал перед этим словом (сверху) союз «и». То, что крестик оказался не на месте, подтверждается запятой, поставленной Пушкиным после слов «секретарь неаполитанского посольства» и сви-

¹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, №№ 1039—1041.

² Там же, № 1041, л. 6.

³ В черновике, по-видимому, далее шло слово «девица» (ср. в рукописи вариант: «бедная девица, засидевшаяся в невестах» — № 1040, л. 6). Судя по ритму предложения и лаконизму характеристики дипломата, можно предположить, что и характеристика девицы сначала также была краткой. В белой рукописи Пушкин выделил ее в самостоятельное предложение.

детельствующей о том, что после нее должно идти пояснение «недавно возвратившийся из Неаполя», а не «и молодой».⁴ Правда, конец фразы, казалось бы, предполагает еще одного человека: «положили в урну свои свернутые бумажки». Но, очевидно, так было написано в черновике, когда это относилось действительно к двум лицам — «дипломату» и «зрелой» особе. Вероятно, механически переписав конец фразы и отметив несогласованность ее частей, Пушкин решил объединить названных выше журналистов и молодого дипломата. С этой целью он поставил перед словом «молодой» союз «и», но не довел правку до конца.

Однако все, кто готовил публикации повести, считали, что Пушкин намеревался ввести еще одно лицо, но забыл назвать его. А потому элементы фразы ошибочно переставлялись и произвольно добавлялось слово «человек» или «дипломат».⁵ При этом не было замечено, как странно воспринимается в тексте определение «секретарь неаполитанского посольства» без дополнительных пояснений. Почему он в Петербурге? По делам? В отпуске? И соображения С. М. Бонди о том, что к дипломату мало подходит выражение «возвратившийся из путешествия», неубедительны.⁶ Если молодой секретарь был в Италии впервые, то почему бы ему и не попутешествовать по стране перед отъездом в Петербург? Не говоря уже о том, что Пушкин мог словом «путешествие» обозначить просто дорогу, дальний путь, проделанный дипломатом.⁷

Несомненно, что все изменения и дополнения, сделанные Пушкиным в этом месте рукописи, имели единственной целью уточнить и расширить характеристику дипломата и что Пушкин назвал только пять лиц, написавших темы для импровизации. Если бы он хотел добавить шестого человека, то должен был бы привести в соответствие и другую немаловажную деталь в тексте — добавить шестую тему. Когда же импровизатор «стал вынимать бумажки одну за другой, читая каждую вслух», их оказалось пять.

Р. М. Горюхова

2. К СТАТЬЕ ПУШКИНА «ДЖОН ТЕННЕР»

В третьем томе своего журнала «Современник», вышедшем в свет в начале октября 1836 г.,¹ Пушкин напечатал свою статью «Джон Теннер» за подписью «The Reviewer». Ни для кого не было тайной, кто скрылся под этим псевдонимом: статья была перепечатана уже в первом посмертном издании сочинений Пушкина (т. VIII, СПб., 1838, стр. 250—307), а затем и в издании П. В. Анненкова (т. V, СПб., 1855, стр. 571—604). Пушкин, как видно из его письма к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г., придавал известное значение своей статье и был несомненно прав, так как, по словам Анненкова, она «отличается превосходным изложением» и «не потеряла занимательности своей до сего дня» (там же, стр. 636).

В настоящее время статья эта воспроизводится во всех полных собраниях сочинений Пушкина (см.: Акад., XII, 104—132) и хорошо известна

⁴ В первой публикации повести, принадлежащей Жуковскому, эта заплата сохранена: «секретарь неаполитанского посольства, и молодой человек» («Современник», 1837, т. VIII, стр. 8).

⁵ См., например: А. С. Пушкин. Сочинения. Под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. Изд. 2. ГИЗ, 1925, стр. 475.

⁶ С. Бонди. К истории создания «Египетских ночей». В кн.: Новые страницы Пушкина. М., 1934, стр. 192.

⁷ Ср.: Словарь языка Пушкина, т. III. М., 1959, стр. 890.

¹ Е. И. Рыскин. Журнал А. С. Пушкина «Современник». 1836—1837. Указатель содержания. М., 1967, стр. 50.

не только специалистам. Тем не менее она «мало изучена и прокомментирована», как справедливо отметил Б. Марьянов, обративший внимание на то, что «даже примечания к этой статье в собраниях сочинений Пушкина до сих пор содержат разнообразные ошибки, не говоря уже о том, что они неоправданно кратки, касаются далеко не всех мест, вызывающих вопросы у читателя и требующих пояснения».²

За последние годы литература как о самом Джоне Теннере, так и о посвященной ему статье Пушкина, обогатилась несколькими публикациями, однако большинство их напечатано в различных труднодоступных изданиях. Отсюда возникает необходимость представить хотя бы в кратком обзоре важнейшие итоги этих публикаций, дающие некоторые новые данные для будущего комментария к указанной статье.

Отметим, прежде всего, что книга Теннера за последнее время переиздавалась несколько раз на различных языках. Первое издание ее вышло в свет в Нью-Йорке в 1830 г.: *A Narrative of the Captivity and Adventures of John Tanner During Thirty Years Residence Among the Indians... Prepared for the Press by Edwin James, M. D., Editor of the Major Long's Expedition from Pittsburg to the Rocky Mountains. N. Y., 1830.* Книга была переиздана в 1956 г. в Миннеаполисе с большой вводной статьей, написанной Ноэлем Лумисом (Noel M. Loomis). Еще ранее появился немецкий ее перевод: *John Tanner. Dreißig Jahre unter den Indianern. Aus dem Amerikanischen übersetzt, mit Anmerkungen und einigen Nachwort versehen von Dr. Eva Lips. Weimar, 1953.* Десятилетие спустя напечатан был и русский перевод: Рассказ о похищении и приключениях Джона Теннера (переводчика на службе США в Со-Сент-Мари) в течение тридцатилетнего пребывания среди индейцев в глубине Северной Америки. Подготовлено к печати Эдвином Джемсом, издателем отчета об экспедиции майора Лонга от Питтсбурга до Скалистых гор. Пер. с англ. Ю. Я. Ретекума. Ред. и предисл. Ю. П. Аверкиевой. Изд. иностр. литературы, М., 1963.

В рецензии на русское издание В. В. Владимиров весьма благоприятно отозвался о нем, подчеркнув, что в русский текст «Рассказа» «бережно включены отрывки, переведенные А. С. Пушкиным» и что книге предположено также «полное гнева к колонизаторам и сострадания к гонимым индейским племенам введение Эдвина Джемса, записавшего со слов Теннера печальную повесть его жизни».³ Укажем, однако, со своей стороны, что введение в новый русский перевод отрывков, переведенных Пушкиным в 1836 г., едва ли может быть оправдано полностью, так как Пушкин осуществил свой перевод этих отрывков с французского перевода Блоссвилля, а не с английского оригинала. Несмотря на то что данные для сличения пушкинских отрывков с текстом французского перевода, находившегося в библиотеке Пушкина (*Mémoires de John Tanner, ou trente années dans les déserts de l'Amérique du Nord, traduits sur l'édition originale, publiée à New York, par M. Ernest de Blosseville, auteur de l'histoire des Colonies pénales de l'Angleterre dans l'Australie, vols. I, II. Paris, 1835*),⁴ были уже представлены Н. К. Козминым,⁵ это обстоятельство было забыто столь прочно, что Ю. П. Аверкиева в своем предисловии к указанному выше отдельному русскому изданию «Рассказа» Теннера могла заметить: «Хотя Пушкин и не упоминает фамилии Джемса в своей рецензии на книгу Теннера, это введение не могло не произвести глубокого впечатления на поэта. Несомненно, именно сообщенные Джемсом факты вызвали главные

² Б. Марьянов. Об одном примечании к статье А. С. Пушкина «Джон Теннер». «Русская литература», 1962, № 1, стр. 64—67.

³ «Новый мир», 1964, № 6, стр. 286.

⁴ Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. «Пушкин и его современники», вып. IX—X. СПб., 1910, стр. 346, № 1423.

⁵ А. С. Пушкин, Сочинения, т. IX, ч. 2, Изд. АН СССР, Л., 1929, стр. 822—823.

обвинения Пушкина в адрес правящих кругов США» (стр. 9). Это досадная и грубая ошибка: Пушкин вовсе не читал этого введения, так как он пользовался французским изданием «Записок» Теннера, в котором введение Джемса отсутствовало, замененное вступительной статьей самого переводчика — Э. Блосвилля, где, впрочем, о бедственной участи индейских племен также имеется весьма красноречивая страница (vol. I, pp. XVI—XVII).

Характерно, что Пушкин в своей статье говорит о «Записках» Теннера, что вполне соответствует заглавию французского перевода («Mémoires»), тогда как в оригинальном американском издании книга названа была «Повествованиями» или, точнее, «Рассказом» Теннера («Narrative»). Дж. Т. Шоу в статье об очерке Пушкина⁶ обратил внимание на то обстоятельство, что подпись, поставленная под очерком в «Современнике» («The Reviewer»), также, по-видимому, была внушена поэту введением Блосвилля, дважды упомянувшего это английское слово (vol. I, pp. III, XXVII), как не имевшее еще французского соответствия: «„Reviewer“ — человек, составляющий журнал. Это обозначение, не имеющее еще французского эквивалента, на языке двух Англий применяется в особенности к авторам статей критического отдела в журналах» (там же, p. XXVII).⁷

Наиболее интересное с литературной точки зрения место в статье Пушкина, которым он несомненно обязан введению Блосвилля, читается так: «Правы северо-американских дикарей знакомы нам по описанию знаменитых романистов. Но Шатобриан и Купер оба представили нам индейцев с их поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения. „Дикари, выставленные в романах, — пишет Вашингтон Ирвинг, — так же похожи на настоящих дикарей, как идилические пастухи на пастухов обыкновенных“. Это самое подозревало читатели; и недоверчивость к словам заманчивых повествователей уменьшала удовольствие, доставляемое их блестящими произведениями» (XII, стр. 105). Источник этого абзаца — следующие слова у Блосвилля, данные Пушкиным не в точном переводе, но в вольном пересказе: «Autant que je puis en juger, dit Washington Irving, l'Indien des fictions poétiques est, comme le berger du roman pastoral, une pure personification d'attributs imaginaires» (vol. I, p. XI).

Поиски этой цитаты в произведениях В. Ирвинга долгое время были безрезультатными. Дж. Т. Шоу указал на очерк Ирвинга «Черты характера индейцев» («Traits of Indian Character») из его «Sketch-Book», в котором действительно идет речь о поэтических фантазиях об индейцах писателей-романтиков,⁸ но текстуального сходства указанного места в дан-

---

⁶ J. Th. Shaw, Puškin on America: his «John Tanner». В кн.: Orbis Scriptus. Dm. Tschizewskij zum 70 Geburtstag. München, 1966, pp. 739—756.

⁷ Дж. Т. Шоу обратил внимание также на то, что Э. Блосвилль в своем введении уделил внимание трудностям перевода «Записок» Джона Теннера в связи с особенностями американского диалекта английского языка и многими заключающимися в них местными идиоматическими выражениями (p. 745). Упоминание Блосвиллем «американизмов», вероятно, внушило Пушкину мысль воспользоваться одним из них — «янки», о котором он, впрочем, заметил: «Прозвище, данное американцам; смысл его нам неизвестен» (XII, 132). Подпись-псевдоним Пушкина «The Reviewer», стоявшую под статьей о Джоне Теннере, Б. Л. Модзалевский в свое время принял за название журнала, якобы послужившего поэту источником, из которого был почерпнут материал для этой статьи. При описании пушкинского экземпляра книги Теннера в переводе Блосвилля Б. Л. Модзалевский заметил: «О Джоне Теннере и его записках см. пространную статью Пушкина, заимствованную из „The Reviewer“ в „Современнике“ 1836 г.» (Б. Л. Модзалевский, ук. соч., стр. 346, № 1423).

⁸ J. Th. Shaw, Puškin on America: his «John Tanner», p. 745.

ном очерке с интересующей нас цитатой, приведенной Блоссвиллем, не обнаруживается. Действительный источник ее был обнаружен Б. Марьяновым в очерке В. Ирвинга «Поездка в прерии» («A Tour on the Prairie», 1835): «As far as I can judge, the Indian of poetical fiction is like the shepherd of pastoral romance; a mere personification of imaginary attributes». «Как видим, — замечает Б. Марьянов, — Блоссвилль в точности воспроизвел на французском языке это высказывание Ирвинга, очень подходившее для предисловия к „Запискам“ Джона Теннера, Пушкин в вольном переводе перенес его в свою статью, как весьма точно соответствующее ее направленности и духу».⁹ С обнаружением источника цитаты Блоссвилля и Пушкина сами собой отпали все прежние догадки и домыслы, высказывавшиеся по этому поводу. Не лишено интереса и то, что Блоссвилль в указанном месте упоминает два романтических произведения о североамериканских индейцах — «Начезы» Шатобриана и «Последний из могиан» Дж. Ф. Купера; именно эти произведения, вслед за Блоссвиллем, несомненно имеет в виду и Пушкин, когда говорит, что «Шатобриан и Купер оба представили нам индейцев с их поэтической стороны».¹⁰ При этом, как справедливо заметил Дж. Т. Шоу, Пушкин более последователен, чем Блоссвилль, потому что он гораздо энергичнее подчеркивает прикрашенность картины быта, характерную для Шатобриана и Купера, тогда как французский переводчик ссылается на них лишь для доказательства правдивости изображения, даваемого Джоном Теннером.

К введению Блоссвилля, в значительной мере, восходит тот абзац в статье Пушкина, который посвящен положению в Соединенных Штатах американских индейцев и их вероятной, достойной сожаления, будущей судьбе. Пушкин пишет: «Отношения Штатов к индейским племенам, древним владельцам земли, ныне заселенной европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новых наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и бесчеловечие Американского конгресса осуждены с негодованием: так или иначе, чрез меч и огонь, или от рома и ябеды, или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближении цивилизации. Таков неизбежный закон. Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся...» (XII, 104). Блоссвилль же довольно много рассуждает об этом и прямо говорит о медленном вымирании индейцев под действием рома, сопоставляя последствия этого с массовым истреблением огнем и мечом местного населения, начатым испанскими завоевателями: «Mieux vaut mourir lentement par les effets du rhum que d'être exterminé en masse par le fer et le feu la conquête espagnole...» (vol. I, p. XXIV).¹¹

Однако введение Блоссвилля, со своей стороны, обязано первым двум томам той самой книги А. Токвилля «О демократии в Америке» («De la Démocratie en Amérique», vols. I, II. Paris, 1835), которую Пушкин в своей статье назвал «славной книгой» (XII, 105) и которая, может быть, оказалась даже одной из причин его интереса к «Запискам» Джона Теннера.

В библиотеке Пушкина было четвертое издание книги Токвилля 1836 г.¹² Интерес к этой книге возник у поэта несомненно благодаря

⁹ Б. Марьянов. Об одном примечании к статье А. С. Пушкина «Джон Теннер», стр. 64—67.

¹⁰ В известной хрестоматии Н. В. Богословского «Пушкин-критик» (М., 1950, стр. 667) к упоминанию Шатобриана и Купера в статье о Джоне Теннере сделано следующее ошибочное примечание: «Пушкин имеет в виду роман „Атала“ (1801) Шатобриана, написанный им после поездки в Америку, и многочисленные романы североамериканского писателя Ф. Купера из быта индейцев».

¹¹ J. Th. Shaw. Puškin on America: his «John Tanner», p. 746.

¹² Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина, стр. 350, № 1440.

А. И. Тургеневу, который в этом же 1836 г. (21 марта) лично познакомился с Токвиллем в Париже, в салоне г-жи Рекамье, и писал в своей «Хронике русского», напечатанной в первом томе пушкинского «Современника»: «... провел вечер в чтении Токевиля о демократии (в Америке). Талейран называет его книгу умнейшею и примечательнейшею книгою нашего времени...».¹³ Черновик неотправленного письма Пушкина к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г., набросанного по горячим следам чтения книги Токвиля, свидетельствует о том, что она произвела на поэта очень сильное впечатление. «Читали ли Вы Токвиля?.. Я еще под горячим впечатлением от его книги и совсем напуган ею», — пишет он (XVI, 261, 424). В этом письме есть ряд мест, несомненно восходящих непосредственно к этой книге и открывающих любопытные аналогии со статьей о Джоне Теннере.¹⁴

Зарубежные исследователи Пушкина обращали внимание на то, что в библиотеке Пушкина находилась еще одна французская книга, которой он несомненно заинтересовался одновременно с сочинениями Токвиля и Теннера. Это была повесть Гюстава Бомона «Мария, или рабство в Соединенных Штатах. Картина американских нравов».¹⁵ Г. Бомон сопровождал Токвиля в девятимесячной поездке по США в 1831—1832 гг., предпринятой для изучения местного уголовного законодательства и тюремной системы.¹⁶ Результатом полученных впечатлений и была эта повесть Бомона, которую иногда называют предшественницей более знаменитой впоследствии «Хижины дяди Тома» Бичер-Стоу.¹⁷ Отметим, кстати, что Бомон вместе с Токвиллем видел Джона Теннера; об этом (говоря о Токвилле) упомянул и Пушкин в своей статье.

Новейшие исследователи с полным основанием указывают также на то, что в библиотеке Пушкина было еще несколько книг об Америке, французских и английских, изданных в середине 1830-х годов и, вероятно, приобретенных постом приблизительно тогда же, когда он заинтересовался сочинением Токвиля и «Записками» Теннера. Таковы, например, «Дневник Вест-Индского собственника» Мэтью Грегори Льюиса (Пушкину, несом-

---

¹³ А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.). Изд. подготовил М. И. Гиллельсон. М.—Л., 1964, стр. 73, 86. — Отметим, что А. И. Тургенев послал в Россию (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. III. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1824—1836. СПб., 1899, стр. 298—299) именно то двухтомное издание книги Токвиля 1836 г., которое находилось в библиотеке Пушкина. Уже после смерти поэта в очередном письме той же серии «Хроника русского» в «Современнике» (1839, т. XV) он писал: «Наблюдатель Америки и демократизма, Токевиль скоро издает новую книгу»; как догадывается М. И. Гиллельсон, речь, вероятно, идет здесь о полном издании труда «De la Démocratie en Amérique» (А. И. Тургенев, ук. соч., стр. 182, 522).

¹⁴ Подробнее в кн.: J. Th. Shaw. Puškin on America: his «John Tanner», p. 748—751; см. также: D. Boden. Das Amerikabild im russischen Schrifttum bis zum Ende des 19 Jahrhunderts. Hamburg, 1963, SS. 122—123, где Токвилю и восприятию его книги в России посвящена целая глава, в особом отделе которой идет речь о статье Пушкина «Джон Теннер» (SS. 120—124).

¹⁵ Gustave Beaumont. Marie ou l'Esclavage aux Etats-Unis. Tableau de Mœurs Américains. Paris, 1836 (см.: Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина, стр. 155, № 589). — Любопытно, что те же книги Токвиля и Бомона определили интерес к запискам Теннера А. де Виньи (см.: J. Giraud. Toujours les sources de Vigny. «Revue d'Histoire littéraire de la France», 1914, t. XXI, pp. 1—24).

¹⁶ George Wilson Pierson. Tocqueville and Beaumont in America. N. Y., 1938.

¹⁷ D. Boden, ук. соч., S. 122.

ненно, хорошо было известно имя этого автора «готического» романа «Монах»,¹⁸ а также книга полковника Гамильтона «Люди и нравы в Соединенных Штатах Америки».¹⁹ Очень возможно, что эти книги, в особенности последняя, еще более расширили сведения Пушкина о заинтересовавшей его стране и содействовали выработке у него собственного мнения о Соединенных Штатах и их общественном укладе, которое так отчетливо высказано в его статье о Джоне Теннере. Тем не менее вопрос о действительных источниках этой статьи в советском пушкиноведении затронут еще слишком слабо,²⁰ чтобы мы могли отделить в ней свое от чужого, а реальный комментарий к ней в надлежащем виде еще не составлен и является делом будущего. В связи с этой предстоящей задачей отметим еще несколько наблюдений Дж. Т. Шоу и Д. Бодена, заслуживающих упоминаний в будущем комментарии к статье Пушкина и подтверждающих, что ее следует изучать в тесной связи с введением Блоссвилля к французскому переводу «Записок» Теннера, книгой Токвилля и повестью Бомона «Мария, или рабство в Соединенных Штатах».

Известие о том, что Токвилль, будучи в Соединенных Штатах, видел Джона Теннера и «от него самого» купил его книгу (XII, 105), Пушкин заимствовал из первого тома сочинений Токвилля,²¹ но свидетельство поэта, что «ныне Джон Теннер живет между образованными своими соотечественниками», представляет собой его собственный домысел; не оправдалась также и полуироническая надежда Пушкина на то, что Теннер «со временем сделается настоящим уанкее»: Теннер до конца своих дней не стал горожанином.²² Догадкой Пушкина, по-видимому, является также его утверждение, что Теннер будто бы «очень выгодно продал свои любопытные „Записки“» (об этом ничего не говорится в источниках, которыми он пользовался), зато основания для предположения, что Теннер вскоре «будет, вероятно, членом Общества воздержности», Пушкин нашел в читанных им книгах Токвилля и Бомона. Токвилль говорит об «обществах воздержности» («Les sociétés de tempérance») во втором томе своей книги и поясняет, что они представляют собою ассоциации членов, связанных друг с другом обещанием воздерживаться от употребления крепких

---

¹⁸ M.-G. Lewis. Journal of a West-India Proprietor, kept during a Residence in the Island of Jamaica. London, 1834 (см.: Б. Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина, стр. 274, № 1099).

¹⁹ Colonel Hamilton. Les hommes et les mœurs aux Etats-Unis d'Amérique... Paris, 1834 (там же, стр. 245, № 968).

²⁰ Справедливое суждение Б. Марьянова по этому поводу цитировалось выше. Кое-какие попутные замечания о статье Пушкина «Джон Теннер» см. в работах: Н. Н. Степанов. Пушкин и Север. «Вестник Ленинградского университета», 1949, № 6, стр. 38—39 («Записки» Теннера и «Описание земли Камчатки» Крашенинникова); В. К. Соколова. Пушкин и народное творчество. «Советская этнография», 1949, № 3, стр. 10—11 (статья Пушкина — образец использования им этнографических материалов для борьбы против рабства и колониального угнетения); Б. П. Горюндецкий. «Путешествие из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина. Пушкин. Исследования и материалы, т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 226 (характеристика американского общества в русской печати 1830-х годов XIX в.); М. Еремин. Пушкин-публицист. М., 1963, стр. 278, и др. Неисторические разглагоствования В. М. Тамахина в статье «Пушкин о записках Джона Теннера» в «Пушкинском сборнике» (Ставрополь, 1949, стр. 47—51) никакого значения для истолкования пушкинской статьи не имеют.

²¹ «Я сам встретил Теннера в конце Верхнего Озера. Он показался мне более похожим на дикого, чем на культурного человека» (см.: A. T. Shaw. De la Démocratie en Amérique, vol. I, p. 384).

²² J. Th. Shaw. Puškin on America: his «John Tanner», p. 755—756.

напитков».²³ В примечании Пушкина об «Обществе воздержности» также говорится: «Общество, коего цель — истребление пьянства. Члены обязываются не употреблять и не покупать никаких крепких напитков» (XII, 132). «Общество воздержности» (The Temperance Society) упомянуто и в повести Бомона: в него вступает отец невесты героя.

М. П. Алексеев

3. ПУШКИН ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЖУРНАЛЕ 1820-х годов

Судьба творчества Пушкина во Франции уже давно привлекает к себе внимание исследователей.¹ Однако и по сей день многое остается в ней и непонятым, и забытым. Недостаточно изучена даже первая половина 1820-х годов, иными словами, самое начало знакомства читающей Франции с великим русским поэтом. Одному из неучтенных эпизодов этого первоначального знакомства и посвящен настоящий этюд.

15 сентября 1824 г. в Париже начал выходить новый литературный журнал — знаменитый орган доктринеров «Le Globe», которому было суждено сыграть выдающуюся роль в истории французского и европейского романтизма. Задача, которую журнал поставил перед собой с первых дней своего существования, состояла в обновлении общества, литературы и литературной критики; его основной удар был направлен против ультрароялистского лагеря и приверженцев классицизма, с необычайным упорством сопротивлявшихся натиску новых эстетических идей. Одним из путей, ведущих к осуществлению этой задачи, «Le Globe» считал всемерное сближение различных стран и прежде всего — общение их литератур, «ибо литература народа — это его жизнь». С этой целью он систематически помещал на своих страницах очерки о крупнейших иностранных писателях прошлого и настоящего — Шекспире, Кальдероне, Гете, Шиллере, Байроне, В. Скотте, Альфьери; открывался же этот цикл статьёй о Пушкине; она была помещена в первом выпуске журнала.

«Молодой поэт Александр Пушкин, — писал „Le Globe“, — недавно опубликовал произведение, которое, как полагают, своими достоинствами превосходит все то, что было им написано до настоящего времени. Один московский издатель приобрел рукопись этой поэмы, насчитывающей не более шестисот стихотворных строк, за 3000 рублей, что составляет пять рублей (около 20 франков) за стих: в России подобная цена считается чрезвычайно высокой.

Пушкин, утверждает один немецкий журнал («Morgen-Blatt»), это поистине чудесное явление в современной литературе. В тринадцатилетнем возрасте, будучи воспитанником Царскосельского лицея, он создал

²³ А. Тосквилле. De la Démocratie en Amérique, vol. II, p. 147; J. Th. Shaw, ук. соч., p. 755.

¹ См.: Е. Наумант. Pouchkine. Paris, 1911, pp. 221—226; Н. Монауль. Pouchkine en France («Revue de littérature comparée», 1937, № 1, pp. 145—148); F. Baldensperger. Un des premiers traducteurs de Pouchkine en France (ibidem, pp. 227—231); М. П. Алексеев. Пушкин на Западе. В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 3. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 105—108; В. С. Нечаева и Ф. Я. Прийма. Пушкин во французской прессе 1830—40-х годов («Литературное наследство», т. 58. Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 297—332); Ш. Корбе. Из истории русско-французских литературных связей в первой трети XIX в. В кн.: Международные связи русской литературы. М.—Л., 1963, стр. 201—203, 208, 221—222.

свое первое произведение „Прощание с Царским Селом“. Похвалы, которыми его щедро осыпали, едва не погубили этот столь рано созревший талант: видя перед собой лишь поэтический венец, который ему сулили, он начал пренебрегать серьезным трудом, без которого этот венец недостижим. Однако к двадцати пяти годам его муза внушила ему, помимо множества легких стихотворений, три сравнительно большие поэмы, ставшие подлинным украшением русского Парнаса и выделяющиеся в первую очередь своей оригинальностью, достоинством весьма редким для этой по преимуществу подражательной литературы.

Первое из этих сочинений „Руслан и Людмила“ переносит нас в далекое прошлое России, в мир сказок и старинных легенд, в нем изображается славный Владимир, бояре, предающиеся всевозможным наслаждениям, герои и певцы этих давно минувших дней. Поэма состоит из шести песен, в ней рассказывается о похищении княжны Людмилы волшебником Черномором и освобождении ее супругом храбрым витязем Русланом. Несмотря на обилие персонажей и эпизодов, повествование отличается большой стремительностью, а характеры всюду выдержаны.

За „Русланом“ вскоре последовал „Пленник гор“, в котором с поразительной правдивостью нарисованы нравы кавказских разбойников и прихода названного края. Эта поэма получила справедливо высокую оценку в Германии, где стала известна в превосходном переводе г-на Вульфберта, который можно было бы сравнить с подлинником, если бы немецкий язык был столь же богат и звучен, как русский.

Однако в последнем своем произведении „Бахчисарайский фонтан“ Пушкин поднялся несравненно выше, чем во всех остальных. Вот разбор этой поэмы. После одного из набегов крымский хан Гирей привез для своего гарема пленницу — польскую княжну по имени Мария. Прекрасная христианка производит глубокое, чарующее впечатление на сурового воина; он охладевает к Зареме, которая до того была его любимой рабыней. Зарема знает, что Мария отвергает любовь своего похитителя, но, снедаемая ревностью, убивает соперницу. Безутешный Гирей обрекает на смерть рабыню, а в память Марии приказывает соорудить в уединенном месте дворцового сада фонтан, который юные обитательницы края и сегодня еще называют „фонтаном слез“. Столь несложный сюжет облечен в богатейшую поэтическую форму.

Таково суждение немецкого критика о стихотворных сочинениях Пушкина. В заключение он высказывает пожелание, чтобы столь редкостный талант был употреблен для воплощения более важных и серьезных тем, чтобы молодой поэт посвятил несколько лет упорного труда созданию эпической поэмы и воздвиг прочный памятник величию своей страны и собственной славе. Русская история богата возвышенными сюжетами, достойными эпопеи: Владимир Великий, Иоанн — покоритель Казани, Ермак — завоеватель Сибири, и множество героев и больших событий былых времен, так замечательно воссозданных историком Карамзиным, ждут еще поэта, который призван их воспеть.²

Источник статьи был указан французским переводчиком, хотя и не вполне точно: она восходит не к «Morgen-Blatt», а к его литературному прибавлению «Literatur-Blatt» от 13 августа 1824 г., где напечатана под заглавием «Literarische Miscellen».³ Текст французской и немецкой статей в основном совпадает, но французский все же несколько лаконичнее: в нем отсутствуют некоторые подробности, например фамилия издателя «Бахчисарайского фонтана», указание на грузинское происхождение Заремы, описание фонтана и ряд других; снят также эпитет «гениальный» в самом начале статьи («Der geniale junge Dichter Puschkin»), смутивший переводчика, возможно никогда до того не слышавшего этого имени. С другой стороны, вслед за автором немецкой статьи он ошибочно пере-

² «Le Globe», 1824, 15 septembre, p. 3.

³ «Literatur-Blatt», 1824, 13. August (№ 65), SS. 259—260.

дал названия двух пушкинских произведений — «Воспоминание в Царском Селе» и «Кавказский пленник».

Заключительную часть текста, которую французский переводчик лишь изложил, он, по всей вероятности, прочел невнимательно. В противном случае он не стал бы так настойчиво повторять, что автор статьи — немецкий критик: русская история для него — «наша отечественная история», а Карамзин — «наш Карамзин». Принадлежала ли эта статья кому-либо из русских, проживавших в Германии, или сотруднику одной из многочисленных немецких газет, издававшихся в России,⁴ сказать в настоящее время трудно, но ее основной источник не вызывает сомнений. Это обширная рецензия А. Ф. Воейкова, напечатанная в журнале «Новости литературы»,⁵ причем речь может идти не только о сходстве общего тона и отдельных оценок, но и о прямых текстуальных совпадениях. К ним относятся, в частности, суждения о «Руслане и Людмиле» и в особенности заключительные строки обеих статей. «Мы окончим сию статью, — писал Воейков, — патриотическим желанием, чтобы наш славный соотечественник, столь много исполнивший и столь много обещающий, решился посвятить несколько лет на сооружение отечеству и себе вечного памятника: подарил бы России — эпическую поему! Наша история богата предметами, достойными эпоеи. Владимир Великий, Иоанн, покоритель Казани, Ермак, завоеватель Сибири, ожидают песнопевца». Ср.: «... möchte er (Пушкин, — П. З.) einige Jahre ernstern Bemühens daran wenden, durch ein größeres episches Gedicht seinem Vaterlande und sich ein bleibendes Denkmal zu errichten. Unsere vaterländische Geschichte ist reich an erhabenen, einer Epopöe würdigen Gegenständen: Wladimir der Große, Johann der Ueberwinder Kasans, Jermak der Eroberer Sibiriens und so manche Helden der Vorzeit und so manche große Begebenheit die uns unser Karamsin so schön geschildert hat, immer noch erwarten sie einen Sänger der ihr Andenken für die spätere Nachwelt besinge».

14 июня 1825 г. «Le Globe» вновь упомянул Пушкина, на этот раз в связи с проникновением во Францию сведений о поэме «Цыганы», причем автор заметки высказывал пожелание, чтобы французский читатель получил возможность самому судить о том, действительно ли в России появился не только талантливый, но и самобытный поэт, иными словами, призывал обратиться к переводу пушкинской поэзии на французский язык.⁶

Этим «пушкинская» тема в «Le Globe» исчерпывается. Однако ни малочисленность сообщенных фактов, ни традиционность и даже неточность некоторых из приведенных суждений и оценок не дают нам права ими пренебрегать. Без них картина первоначального знакомства читающей Франции с великим русским поэтом неизбежно окажется неполной и, следовательно, в какой-то степени неверной.

П. Р. Заборов

⁴ См.: М. П. Алексеев. Пушкин на Западе, стр. 108.

⁵ «Новости литературы», 1824, ч. VII, № 11, стр. 161—171, № 12, стр. 177—189.

⁶ «Le Globe», 1825, 14 juin, p. 605. — В заметке указывалось, что она основана на известиях, опубликованных в русских журналах (т. е. в «Московском телеграфе», № 8, и прибавлении к нему, № 11, за 1825 г.). Но и в данном случае можно предположить существование промежуточной ступени — по всей вероятности немецкого или же русско-немецкого журнала.

4. ПЕТР II ПЕТРОВИЧ НЕГОШ В ПСКОВЕ

Великий югославский поэт, правитель и митрополит Черногории Петр II Петрович Негош (1813—1851) вскоре после похорон Пушкина побывал в Пскове.¹

Встречались ли Негош и Пушкин во время первого посещения черногорским владыкой Петербурга в 1833 г., остается тайной. Однако мы знаем, что Негош был знаком с поэзией Державина и Пушкина задолго до своего второго визита в Россию в 1837 г. Известно также, что Пушкин проявлял большой интерес к сербскому народному творчеству: он не только имел о нем представление благодаря П. Мериме, но и сам был читателем сборников Вука Стефановича Караджича.² В библиотеке Пушкина был «Српски ријечник»,³ огромный, заключающий в себе около тысячи столбцов, сербско-немецко-латинский словарь (Вена, 1818), в котором русский поэт своею рукою заключил в скобки текст, относящийся к городу Цетинье,⁴ реке Цетинье и цетинцу (жителю Цетинье).

В конце 1836 г. Негош собрался в Россию, чтобы просить помощи для своей страны. Однако из-за происков и интриг австрийских шпионов поездка задержалась. Русские власти долго не давали ему разрешения на въезд в Россию. С 13 ноября 1836 г. по 4 февраля 1837 г. Негош находился главным образом в Вене, ожидая решения этого вопроса.

Наконец разрешение было получено, и Негош через Варшаву направился в Петербург. Однако в Луге его встретил офицер Ф. С. Ракеев и, выполняя указание К. В. Нессельроде, попросил Негоша вернуться в Псков, где он должен был ожидать разрешения продолжать путешествие.⁵ 22 февраля Негош ответил графу Нессельроде, что покоряется его распоряжению и, как только отдохнет от длительного пути, поедет в Псков.⁶ В Псков он прибыл 25 февраля и в своем письме оттуда сообщил Нессельроде, что виновным себя не чувствует, но что против него плетут сеть интриг сторонники Австрии и Турции.

Пока Негош оставался в Пскове, русское Министерство иностранных дел изучало вопрос о возможных связях черногорского владыки с Францией. Однако для подобного обвинения не оказалось никаких оснований, и 12 мая 1837 г. Негошу было разрешено прибыть в Петербург.⁷

---

¹ В октябре 1967 г. я был командирован Институтом русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР в Псков и Пушкинский заповедник. Воспользовавшись случаем, я опубликовал в газете «Псковская правда» статью «Югославский поэт в Пскове» (29 октября 1967 г.), в которой обратилась к почитателям Пушкина и Негоша с призывом углубить исследование вопроса о пребывании Негоша в 1837 г. в Пскове. Посещению Негошем Пскова и могилы поэта я посвятил свое выступление на торжественно-памятном собрании 10 февраля 1968 г. в музее-квартире Пушкина в Ленинграде.

² В библиотеке Пушкина находятся три тома сборника В. С. Караджича «Народне српске пјесме», изданные в Лейпциге в 1823—1824 гг. (см.: Б. Л. Модзалевский и Библиотека А. С. Пушкина. «Пушкин и его современники», вып. IX—X. СПб., 1910, стр. 261, № 1042).

³ Там же, стр. 343, № 1409.

⁴ Цетинье — бывшая столица Черногории.

⁵ Пребывание правителя Черногории владыки Петра Петровича Негоша во Пскове. «Славянские известия», 1911, № 7—8, стр. 678.

⁶ Реконструкция пути следования Негоша в Псков и Петербург осуществлена мною на основе переписки, хранящейся в Государственном музее в Цетинье и опубликованной в 7-м томе сочинений Негоша, изданном в Белграде в 1951 г.

⁷ Пребывание правителя Черногории владыки Петра Петровича Негоша во Пскове, стр. 679.

18 мая 1837 г. он приехал в столицу России, где и находился до 15 июня того же года.⁸

В Пскове Негош оказался вскоре после похорон Пушкина и провел там 80 дней. Правителю Черногории был оказан в Пскове великолепный прием со стороны местной знати. С губернатором Пещуровым он продолжал поддерживать дружеские отношения и после своего возвращения на родину.⁹ Как свидетельствуют факты, ставшие известными в последнее время, беседы Негоша и Пещурова велись в духе, противоречащем официальной политике России. Интересно отметить, что расследование, которым русское Министерство иностранных дел занялось в связи с приездом Негоша, было связано с пребыванием в Цетинье французского гражданина Антида Жома, отличавшегося прогрессивными настроениями, и его жены, которых Негош несколько позднее через Якова Озерецковского направил в Петербург, чтобы избавить от преследований австрийских и французских полицейских агентов. Из письма Негоша к Пещурову видно, что Негош познакомил последнего с политическими обстоятельствами жизни Жома. В этом письме от 21 июня 1839 г., написанном на русском языке, Негош просит Пещурова найти для Жома место учителя в Пскове.¹⁰ Пещуров, вероятно, не смог выполнить эту просьбу, и Жом был отправлен в Киев.¹¹

Пещуров был знакомым Пушкина. Негош же являлся одним из самых страстных почитателей поэта на Балканах. По-видимому, общий интерес к Пушкину особенно сблизил их.

Известно, что перевоз тела Пушкина из Петербурга в Псков происходил в глубокой тайне и под строгим полицейским надзором. Вполне возможно, что Пещуров мог рассказать об этом Негошу. Нет ничего удивительного, если у них возникло желание побывать на могиле поэта, поклониться его тени, отслужить, по обычаям того времени, панихиду, посетить его дом. Негош, имевший духовный сан митрополита, очевидно, сам служил панихиду по Пушкину в сороковой день после его смерти.

В 1845 г. в сборнике народных песен «Српско огледало», вышедшем в свет в Белграде, на первой странице Негош опубликовал стихотворение «Тени Пушкина», которое могло зародиться в его сознании именно тогда, когда он стоял у могилы поэта.

Возвратясь в Черногорию в 1837 г., Негош продолжал читать Пушкина и вдохновляться его творчеством.¹² Над рабочим столом Негоша с 1837 г. и до самой его смерти висели портреты Пушкина и Байрона. Он заказал в России «Сочинения» Пушкина в первом, так называемом посмертном, издании 1838—1841 гг., которое и поныне хранится в его библиотеке в Цетинье. В 1838 г., вместе со своим секретарем Дмитрием Медаковичем, Негош начал издавать литературный ежегодник «Грлица»; первый его выпуск на 1839 г. был напечатан в 1838 г. В нем опубликованы в подлиннике два стихотворения из «Песен западных славян» Пушкина: «Бонапарт и черногорцы» и «Песня о Георгии Черном».

⁸ «С.-Петербургские ведомости», 21 мая 1837 г., стр. 498, и 15 июня того же года, стр. 580.

⁹ Через советника двора А. В. Чевкина в октябре 1841 г. Негош шлет поздравления Пещурову и его семье (см.: Д. Вуксан. Письма Озерецковского и Чевкина владыци Раду. «Споменик Српске Академије наука», Београд, 1935, стр. 15).

¹⁰ ИРЛИ, 25914/СЛXXXVIIб.91. — Мое внимание на это письмо обратил А. И. Хватов.

¹¹ См. письмо Озерецковского к Негошу от 2 июня 1840 г. (Д. Вуксан. Письма Озерецковского и Чевкина владыци Раду, стр. 15).

¹² О значении творчества Пушкина для Негоша писал еще Н. А. Лавров в кн.: Петр II Петрович, владыка черногорский и его литературная деятельность (М., 1887, стр. 270).

Вся жизнь Негоша была проникнута любовью к русскому поэту. Он создал прочную основу высокого уважения, которым имя Пушкина окружено у черногорцев. Любовь к Пушкину превратилась у них в настоящий культ и является свидетельством неразрывных связей великого культурного наследия русского народа и культуры южных славян.

Нико С. Мартинович

5. К БИОГРАФИИ ПОЭТА ПУШКИНСКОГО ОКРУЖЕНИЯ

В тихвинской газете «Трудовая слава» (12 июля 1966 г.) опубликована заметка Б. Плеханова и А. Смелкова «Современник Пушкина» об известном в свое время поэте, «цензоре стихов» Вольного общества любителей российской словесности, адресате посланий Дельвига и Баратынского А. А. Крылове (1789—1829). Основывая свой очерк на печатных материалах («Тихвинский земский календарь». Пгр., 1916; В. Б а з а н о в. Ученая республика. М.—Л., 1964 и др.), авторы в то же время обращают внимание на некоторые обстоятельства биографии Крылова, не учтенные прежними исследователями.¹ Данные эти касаются тихвинского периода жизни Крылова. Поэт переехал в свое имение Кулибино Тихвинского уезда в 1820 или 1821 г.: см. стихотворение П. Теряева «Крылову. На отъезд его в деревню»² и тихвинское стихотворение самого Крылова, датированное 5 февраля 1821 г.³ Известно, однако, что он присутствовал на собрании Вольного общества 28 февраля 1821 г.⁴ и с 1825 г. был почетным смотрителем приходских и уездных училищ в Тихвине. Б. Плеханов и А. Смелков привлекают материал о связи Крылова с кружком тихвинской интеллигенции, группировавшейся вокруг А. П. Римского-Корсакова, отца композитора, масона. Авторы высказывают предположение, что именно этот кружок имел в виду иеромонах Большого монастыря Иероним, донося в 1827 г. правительству о «тихвинских пестелях». Предположение это тем более вероятно, что А. П. Римский-Корсаков подвергся впоследствии административным преследованиям, по-видимому отчасти по политическим соображениям; известно, в частности, что в конце 1827 г. он снабжал деньгами М. И. Муравьева и А. А. Бестужева, ехавших в сибирскую ссылку. Богатый документальный материал об А. П. Римском-Корсакове и его окружении см. в статьях: А. Н. Римский-Корсаков. Тихвинский затворник, его предки и семья. Детские и юношеские годы Н. А. Римского-Корсакова. В кн.: Музыкальная летопись. Статьи и материалы. Изд. «Мысль», Пгр., 1922, стр. 9—35; В. Н. Римский-Корсаков. Из воспоминаний и материалов семейного архива. В кн.: Музыкальное наследство. Римский-Корсаков. Т. II. Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 113—128; в первой из них (на стр. 16) приведено и стихотворение Крылова, записанное в альбом С. В. Римской-Корсаковой.

Сохранившаяся и частью опубликованная переписка А. П. Римского-Корсакова позволяет говорить о довольно прочных литературных интересах кружка. Некролог Крылова, напечатанный Я. И. Берединым⁵ тоже входившим в этот кружок, содержит не только биографические сведения, но и характеристику поэтического наследия Крылова; сам А. П. Римский-

¹ См. библиографическую справку о Крылове в кн.: Барон Дельвиг. Материалы биографические и литературные, собранные Ю. Верховским. Пб., 1922, стр. 104—103.

² «Соревнователь», 1820, № 8, стр. 210.

³ Щукинский сборник, вып. IX. М., 1910, стр. 181.

⁴ В. Б а з а н о в, ук. соч., стр. 229.

⁵ «Северная пчела», 1829, № 92.

Корсаков в письме от 20 августа 1829 г. из Петербурга сообщает Берендинову, что «с удовольствием читал» этот очерк.⁶ К сожалению, до нас дошли единичные письма Римского-Корсакова за этот период; в более поздних письмах 1840-х годов мы находим отзывы о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя и рассуждения о специальных проблемах истории и эстетики литературного языка.⁷ Из них же мы узнаем о пристальном внимании Римских-Корсаковых к поэзии Пушкина, которое затем нашло яркое выражение в творчестве Н. А. Римского-Корсакова. Композитор вспоминал, что отец его читал Пушкина вслух по вечерам.⁸ Интереснейшие сопоставительные характеристики Пушкина и Лермонтова находятся в письмах к А. П. Римскому-Корсакову его старшего сына — Война Андреевича; автор их отдает предпочтение Пушкину, как «гению самобытному, народному, глубокому знатоку человеческого сердца».⁹ В 1959 г. М. Б. Рабинович обнаружила в архиве семьи Римских-Корсаковых в Институте театра, музыки и кинематографии (Ленинград) письмо В. А. Римского-Корсакова от 16 марта 1837 г., содержащее одно из ранних сообщений о стихах Лермонтова «Смерть поэта» и об отправке автора их на Кавказ.¹⁰ Материалы этого архива, лишь частично использованные в упомянутых выше статьях А. Н. и В. Н. Римских-Корсаковых, не были предметом специального внимания пушкинovedов. Между тем они содержат небезыңтересные данные о распространении пушкинской поэзии в русских «культурных гнездах». Представляет интерес упомянутая А. Н. Римским-Корсаковым тетрадь «Отдельные стихотворения Александра Пушкина» (ф. Е, разд. 1, № 17), заполненная рукой А. П. Римского-Корсакова: наряду со стихами, переписанными с печатных изданий («Московского вестника», «Памятника отечественных муз»), сюда вошли и стихи, распространявшиеся в списках, в числе которых оказались «Послание к цензору» («Угрюмый сторож Муз, гонитель давний мой»), «Ф. Н. Глинке», «Орлову» (под названием «Послание к Орлову») и др. Появление этих стихов с яркой общественной окраской в тетради Римского-Корсакова не случайно: среди других списков, сохранившихся в его архиве, мы находим переписанные его рукой два анонимных стихотворения, написанные от имени осужденных декабристов, с характерной тюремной темой: «Ужели я судьбами осужден...» и «К пчеле, притетевшей к решетке окна моего каземата весною 1826 года»; в последнем из них есть, в частности, следующие строки:

Лети, пчела, к стране родной,
Страшись, страшись сих мест опасных,
Где мы под властью роковой
Вздыхаем — множество несчастных. . .

Можно думать, что масонское и мистическое умонстроение А. П. Римского-Корсакова наложило отпечаток на восприятие им поэзии Пушкина, однако — что явствует уже из самого содержания его тетради — не в такой степени, как, например, у его корреспондентов-масонов, которые, по-видимому, не всегда были в курсе его общественно-литературных занятий. Характерным образцом религиозно-мистической трактовки творчества Пуш-

⁶ «Русский архив», 1916, № 5—6, стр. 31.

⁷ Там же, стр. 37—41, 52, 54—58.

⁸ См.: Музыкальное наследство. Римский-Корсаков, т. I. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 147.

⁹ «Русский архив», 1916, № 5—6, стр. 67; ср. также стр. 69, с характеристиками Пушкина, Крылова, Лермонтова, Грибоедова, Державина.

¹⁰ Приведено со ссылкой на разыскания М. Б. Рабинович в кн.: В. А. Мануйлов, М. И. Гиллельсон, В. Э. Вацуро, М. Ю. Лермонтов. Семинарий. Учпедгиз, Л., 1960, стр. 226.

кина в определенных кругах масонства может служить позднее письмо А. Д. Комовского Римскому-Корсакову (11 апреля 1850 г.; ф. Е, разд. 1, № 5, лл. 173 об. — 174), где Комовский выписывает для своего адресата известное псевдопушкинское стихотворение «Я видел: в келии простой», сопровождая его следующим комментарием: «Да не устрашает вас поэзия этого поэта. Хотя вы и не охотник вообще до стихов, предлагаемые мною, право, заслуживают вашего внимания. Это молитва „Отче наш“, переложенная Пушкиным и в полное собрание стихотворений, кажется, не вошедшая. Я многим ее читал, и многим она была новостью. Вы уже знаете переложение его молитвы „Господи! владыко живота моего!“; посмотрите же, как просто и с какою теплотою изложил он „Отче наш“ (следует текст). Заметьте теплоту последних двух стихов: „и сердце чайло отрады“. Это говорит Пушкин, которого признавали за отступника от всего благого. Неизвестно, когда написана им эта молитва. Говорят, что незадолго до кончины. Чудная молитва!». На фоне интерпретаций подобного рода самостоятельность и прогрессивность кружка «тихвинских пестелей» выступает достаточно явственно.

Материалы архива Римских-Корсаковых позволяют, таким образом, расширить общественно-литературный фон, на котором развертывалась деятельность Крылова в последние годы жизни. Они показывают, что поэт до конца жизни не выходил из орбиты пушкинского воздействия. К сожалению, в архиве не сохранилось никаких данных о самом Крылове, за исключением упомянутого выше стихотворения его в альбоме С. В. Римской-Корсаковой (ф. 10, оп. 1, ед. хр. 60), опубликованного А. Н. Римским-Корсаковым не полностью (с выпуском ст. 1—8). Но и вне зависимости от биографии Крылова материалы эти сохраняют свое значение, наглядно демонстрируя проникновение поэзии Пушкина в среду, откуда вышли выдающиеся деятели русской культуры, воспринимавшие и развивавшие пушкинскую традицию.

В. Э. Вацура

6. «СКУПОЙ РЫЦАРЬ» В МЕКСИКЕ

Известный мексиканский режиссер, Франсиско Рохас, побывавший в 1966 г. в Москве, рассказал в редакции газеты «Советская культура», как за двадцать пять лет перед тем студенты Политехнического института в г. Мехико создали свою театральную труппу «Полиартр». «Молодежь поставила перед собой задачу вынести искусство в массы, — вспоминал Ф. Рохас. — Так жители самых бедных районов мексиканской столицы узнали впервые, что на свете существует драматический театр. Узнали также, что существует такая страна — Россия, что в ней жил и творил великий Пушкин и что среди многих других произведений он написал и трагедию „Скупой рыцарь“». На вопрос о том, почему этот театр (ставивший пьесы Мольера, Сервантеса, Гарсия Лорки) из произведений Пушкина избрал для постановки именно «Скупого рыцаря», Рохас ответил: «Только потому, что мы смогли найти в Мексике в то время лишь этот единственный перевод из Пушкина, сделанный, кстати, великолепным мексиканским поэтом Хавьером Вильяуррутия», и добавил, что представления этого самодельного театра «устраивались прямо на базарах — утром, когда туда приходили хозяйки, или поздним вечером на улицах, когда домой возвращались труженики — отцы семейств». Позднее из этой

самодетельной группы вырос настоящий студенческий театр (ТЕА), существующий и поныне.¹

Попытки найти упомянутый Рохасом испанский перевод «Скупого рыцаря» Пушкина, однако, не увенчались успехом. Мексиканский лирик и драматург Х. Вильяуррутия (Х. Villaurrutia, 1903—1950), автор «Autos profanos» (1943), создавший ряд одноактных пьес и комедий, в которых обнаруживается воздействие как испанских писателей (Х. Хименеса, Гарсия Лорки), так и французских (Ж. Кокто и Ж. Жироду), мог, разумеется, знать о Пушкине; но в посмертном издании его сочинений («Poesía y teatro completos», 1953) перевод «Скупого рыцаря» отсутствует; в критической литературе об этом мексиканском поэте, насколько она нам была доступна, также не находится никаких указаний относительно интереса Вильяуррутия к «маленьким трагедиям» Пушкина.

Известный знаток литературы на испанском языке (в том числе и в латиноамериканских странах) Джордж О. Шанцер, профессор Нью-Йоркского университета в Буффало, к которому я обратился за разъяснениями по этому поводу, любезно указал мне на то, что в одном мексиканском журнале 1944 г. действительно был напечатан перевод пушкинского «Скупого рыцаря», но что он принадлежит перу не Вильяуррутия, а другого видного писателя, Энрике Диес-Канедо (Е. Diez-Canedo, 1879—1944). Родившийся в Испании, получивший здесь среднее и высшее образование, долго живший в Мадриде и Барселоне, Диес-Канедо лишь после гражданской войны (1936—1939 гг.) эмигрировал из Испании в Мексику. Творческая деятельность его началась в первом десятилетии XX в. и оказала сильное воздействие на интеллектуальную жизнь Испании первой четверти века. Выступивший первоначально как лирик (ему принадлежит ряд сборников стихотворений, начиная от «Versos de las horas», 1906, и «La visita del sol», 1907), Диес-Канедо заслужил также известность как критик и эссеист. В творчестве Диес-Канедо порою явственно ощутимы воздействия французской поэзии; ему принадлежат также удачные переводы с французского (в частности, произведений П. Верлена и Ф. Жамма). Еще в 1935 г. Диес-Канедо был избран членом Испанской Академии в Мадриде. Именно этому видному поэту принадлежит стихотворный перевод «Скупого рыцаря», напечатанный Диес-Канедо незадолго до его смерти в мексиканском журнале «El hijo pródigo» (1944, № 16, pp. 42—47) под названием «El Barón Avariento. Por Alejandro Pushkin. Traducción por Enrique Diez-Canedo».² Таким образом, как справедливо предположил проф. Джордж О. Шанцер, Ф. Рохас, рассказывая о постановке этой «маленькой трагедии» Пушкина в Мехико, по ошибке памяти, спутал двух переводчиков: либо он упомянул Х. Вильяуррутия вместо Диес-Канедо, либо, что гораздо менее вероятно, «Скупой рыцарь» был переведен также Вильяуррутия, но остался ненапечатанным. Поводом для этого смешения могло явиться то, что в том же самом мексиканском журнале, где появился перевод Диес-Канедо, год спустя (в июле 1945 г.) опубликован был сделанный именно Вильяуррутия перевод пьесы Чехова «Предложение» («Una petición de mano»); кроме того, Вильяуррутия, как уже было указано выше, являлся и редактором журнала «El hijo pródigo».

Перевод Диес-Канедо является полным и довольно удачным, хотя переводчику не удалось передать все оттенки и существенные подробности подлинного текста. О качествах этого перевода можно судить, например,

¹ См. заметку «Встречи в редакции» («Советская культура», 17 марта 1966 г.).

² Журнал «El hijo pródigo» издавался в г. Мехико в 1943—1946 гг. Редактором его в первые годы был Октавио Г. Барреда, а затем упомянутый выше Х. Вильяуррутия. Историки мексиканской литературы считают что этот журнал являлся одним из важнейших в то время литературных органов в стране (см.: J. L. Martínez. Literatura mexicana. Siglo XX. 1910—1949. P. I. México, 1949, p. 88).

по приводимому ниже отрывку из знаменитого монолога барона в начале сцены II пушкинской «маленькой трагедии»:

Что не подвластно мне? Как некий Демон
Отседе править миром я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
В великолепные мои сады
Сбегутся Нимфы резвою толпою;
И Музы дань свою мне принесут,
И вольный Гений мне поработится,
И Добродетель и бессонный Труд
Смиренно будут ждать моей награды. . .

(Акад., VII, 110—111).

В переводе Диес-Канедо:

..¿ quién los mide?
Mi espíritu dirige aquí mi mundo,
Sólo un deseo, y elzase un palacio;
O veo en mis espléndidos jardines
ninfas danzar en voluptuosos juegos.
Danme también las musas pleitesia
y llega el libre genio a ser mi esclavo.
La virtud misma y el trabajo insomne
sumisos ya mi recompensa aguardan.
Sólo un silbido, y a mis pies el crimen
ensangrentado, tímido, sumiso,
mis manos lame, a rastras, y en mis ojos
leer mi voluntad intenta. Todas
las cosas me obedecen, y yo a nadie,
que por encima estoy, de los deseos,
y apuros: yo bien sé cuál es mi fuerza
y ello me basta. . .

С какого языка сделан этот перевод — неизвестно. Только после его тщательного сопоставления с переводами «Скупого рыцаря» на французский и английский языки можно будет установить источники, которыми пользовался Диес-Канедо; тем не менее судьба его, во всяком случае, остается весьма примечательной.

М. П. Алексеев

7. НОВОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПУШКИНА НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Для нового собрания сочинений Пушкина¹ были отобраны все принадлежащие его перу сколько-нибудь значительные произведения и фрагменты, прозаические, драматические и стихотворные. Исключение составляют «Роман в письмах», «Вадим» и «Езерский», поэма «Анджело» и

¹ Alexander Sergejewitsch Puschkin, Gesammelte Werke in sechs Bänden, Hrsg. von H. Raab, Aufbau-Verlag, Berlin—Weimar, 1964—1968. — Помещаемые нами заметки редактора издания, известного немецкого слависта, историка русской литературы профессора Гаральда Рааба, могут быть небезынттересными для каждого, кто следит за распространением творчества Пушкина за пределами нашей страны. Заметки печатаются в переводе с немецкой рукописи, сделанном Р. Ю. Данилевским.

«Сказка о медведихе», а также некоторые наброски.² В количественном отношении издание охватывает примерно половину пушкинских текстов, фактически же в него вошло все, что может представлять интерес для современного немецкого читателя, в том числе литературно-критические статьи, письма и дневниковые записи. Объем издания не позволил включить в него такие работы Пушкина, как «История Пугачева» и конспект «Истории Петра». Исторические труды поэта могли быть представлены только некоторыми образцами, свидетельствующими о его художественном мастерстве.

Произведения Пушкина располагаются в издании в следующем порядке: том первый — стихотворения (1968), том второй — поэмы и сказки (1966), том третий — «Евгений Онегин», драматургия (1964), том четвертый — романы и повести (1964, второе издание — 1966), том пятый — статьи и дневники (1965), том шестой — письма (1965).

Кроме того, «Евгений Онегин» и сказки Пушкина переиздавались в популярной серии издательства «Reclam» в 1965 и 1967 гг. (под №№ 306 и 427).

Редактору издания пришлось критически пересмотреть все немецкие переводы Пушкина, как старые, так и недавно сделанные, основываясь на последних советских изданиях³ и на академическом «Словаре языка Пушкина» (1956—1961). Материалы немецкого собрания сочинений расположены в соответствии с теми же принципами, каких придерживаются советские издатели, т. е. по признакам жанра и внутри него хронологически, в зависимости от времени создания каждого произведения. При редактировании переводов принимались во внимание самые последние достижения пушкинской текстологии.

В каждом отдельном случае редактору немецкого издания приходилось решать вопрос о способе передачи нелитературных выражений, которые по традиции выпускались в печатных текстах Пушкина. Однако некоторые стихи поэта в результате этих пропусков теряют свою «pointe», а между тем следовало бы донести до читателя их сатирический смысл — это относится, например, к известной эпиграмме «На Аракчеева».

Там, где это казалось необходимым, редактор не останавливался перед правкой старых переводов, в целом достаточно верных, но в частностях отходящих от содержания подлинника. Так, переводчица Хиллер фон Герtringен, создавшая в 1934 г. отличный перевод пушкинского «Пламятника», перевела стих «И милость к падшим призывал» как «Und Nachsicht mit den Sündern sang» (т. е. «милость к грешникам»). В немецкой антологии стихотворений Пушкина 1962 г., которая может считаться предшественницей настоящего издания, эта строка была изменена: «Und Nachsicht mit den Opfern sang» (т. е. «милость к жертвам»). В таком виде перевод больше соответствовал мысли Пушкина.

Последняя строка «Пророка» была передана В. Э. Грегером в 1923 г. как божественное повеление: «Die Herzen brenn mit meinem Wort!». Ближе к подлиннику такой вариант: «Die Herzen brenn mit deinem Wort!».⁴

² В издание не был включен фрагмент «Марья Шонинг», хотя он любопытен именно тем, что в нем действие происходит в Нюрнберге XVIII столетия. В этом случае мы можем отослать читателя к переводу Г. Дикля («Sinn und Form», 1964, Н. 4, SS. 620—626), который следовало бы включить в четвертый том данных сочинений Пушкина при их переиздании.

³ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в 10 томах, изд. 3, Изд. АН СССР, М., 1963—1966; А. С. Пушкин, Собр. соч. в 10 томах, Гослитиздат, М., 1959—1962.

⁴ См. перевод В. Нейштадта: A. S. Puschkin. Gedichte, Poeme, «Eugen Onegin». Berlin, 1947.

Неточности встречаются и в текстах пушкинской антологии. В частности, это относится к переводу стихотворения «Мирская власть». Редактируя для антологии текст перевода Ф. Фидлера (1895), И. Герлах по непонятной причине оставил лишь одну Марию. Это привело к тому, что следующая далее параллель «два грозных часовых» потеряла смысл.⁵ Заключительные стихи перевода Фидлера также потребовали редакторского вмешательства. Вместо:

Ward dem «gemeinen Volk» der Eintritt nur verwehrt.
Damit's das «Publikum» nicht beim Flanieren stört —

появился более точный вариант:

Ward dem gemeinen Volk der Eintritt nur verwehrt,
Damit's die feinen Herrn nicht beim Flanieren stört.

В большинстве случаев, однако, возникла необходимость в новых переводах. За исключением «Капитанской дочки» (перевод А. Лютера) и «Египетских ночей» (перевод В. Э. Грегера), вновь была переведена вся пушкинская проза, вошедшая в издание (переводчик М. Пфейфер). Статьи, дневники и письма переведены Ф. Мирау и К. Тойбертом. Многие стихотворения, десятая глава «Евгения Онегина», поэмы «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» и «Домик в Коломне» переданы на немецком языке М. Ремане. Переводчик «Сказки о золотом петушке» — С. Элленберг.⁶

Зачастую произведения Пушкина переводились в данном издании впервые — десятая глава романа в стихах, «Домик в Коломне», шестнадцать стихотворений. Из двухсот переводов, включенных в первый том, переводы, которые сделаны до 1914 г., составляют 25%, переводы последующего тридцатилетия — 21%, наконец, переводы 1946—1968 гг. — 54% (из них переводы М. Ремане — 43%). Как видим, предпочтение отдавалось новым переводам пушкинской лирики, хотя учитывался и вклад переводчиков прошлого.

Несмотря на то что существуют достаточно новые переводы «Евгения Онегина», редактор остановился на переводе, выполненном Т. Коммихау (в обработке К. Шмидга); драмы опубликованы в переводе Х. фон Гейзелера. Оба переводчика работали в эпоху, предшествующую первой мировой войне. Разумеется, такой принцип отбора материала, при котором рядом оказываются переводческие работы разных эпох, таит в себе опасность стилистического разнообразия. Однако это избавляет от необходимости заново переводить все произведения Пушкина.

За почти полутора вековую историю немецких переводов Пушкина⁷ не раз предпринимались попытки издать в Германии собрание сочинений

⁵ См.: A. S. Puschkin. Ein Lesebuch unserer Zeit. 5. Aufl. Weimar, 1962, S. 89.

⁶ Первый немецкий перевод сказки был издан в Советском Союзе в 1937 г. (переводчик А. Плантнер). Недавно, в 1962 г., этот перевод увидел свет в ГДР в прекрасно оформленном издании «Aufbau».

⁷ Первый перевод Пушкина на немецкий язык относится к 1821 г. (см.: D. Gerhardt. Die erste deutsche Übersetzung eines Puškin-Gedichtes. «Die Welt der Slaven», 1966, Bd. II, SS. 1—16). См. также: H. Raab. 1) Die Lyrik Puškins in Deutschland (1820—1870). Berlin, 1964; 2) Wege und Irrwege der deutschen Puškinrezeption im 20. Jh. «Zeitschrift für Slawistik», 1963, Bd. VIII, SS. 309—329; R. Göbner. Theodor Comnichaus deutsche Übersetzung von A. S. Puškins «Евгений Онегин» und ihre Textgeschichte. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock», Gesellschaftliche und sprachwissenschaftliche Reihe, 1966. Bd. XV, SS. 591—611.

поэта. Издания были двух типов. К первому типу, когда все переводы делались единственным человеком, относятся, кроме весьма неудачного двухтомника Р. Липперта (1840), три тома сочинений Пушкина в переводах Ф. Боденштедта (1854—1855), а в нашем столетии — четырехтомное издание Иоганнеса фон Гюнтера (1949).⁸ Другой тип, при котором один переплет объединяет разных переводчиков, представлен двумя томами избранных произведений Пушкина под редакцией А. Лютера (1923) и московским изданием В. Нейштадта в четырех томах (1949).

Нынешний пушкинский шеститомник принадлежит к изданиям этого второго рода, так как в настоящее время только такой тип издания Пушкина позволяет решить сложную проблему лучшего перевода. В нем использованы работы многих переводчиков. Из крупных современных интерпретаторов русской поэзии там отсутствует только И. фон Гюнтер, отказавшийся уступить издательству «Aufbau» право на публикацию своих переводов из Пушкина. В издание внесли свой вклад и советские переводчики С. Элленберг, Р. Жакемыен и Э. Виллер.⁹

Большое внимание уделил редактор комментированию текстов, поскольку опыт показал, что современному читателю пушкинский текст далеко не всегда доступен сразу и во всей полноте смысла. Примечания к каждому тому, так же как и предисловие ко всему изданию, освещающее жизнь и творчество поэта, рассчитаны на то, чтобы удовлетворить интерес немецких читателей во всем, что касается истории восприятия Пушкина в Германии. Помимо этого, каждому произведению, начиная со второго тома, предпослано краткое пояснение. Примечания к третьему, четвертому и пятому томам помогали готовить Э. Ковальски и Р. Гебнер.

Сравнительно небольшой тираж издания очень скоро исчез из книжных магазинов — свидетельство значительного спроса на сочинения Пушкина в немецких читательских кругах.¹⁰ Издательство планирует переиздание отдельных томов сочинений поэта.

Г. Рааб

---

⁸ Издание И. фон Гюнтера повторено в 1952 г. Небольшой томик Пушкина под заглавием «Gesammelte Werke» этот же переводчик напечатал в издательстве «Biederstein» (Мюнхен) в 1966 г.

⁹ Из отзывов на указанное издание Пушкина отметим: «Marginalien. Blätter der Birckheimer Gesellschaft», 1965, Н. 12, SS. 70—72 (E. Kaemmels); «Literatur 66», Н. 9, S. 16 (E. Hexelschneider); «Weimarer Beiträge», 1967, Н. I, SS. 166—171 (G. Dudek); «Die Zeit», Hamburg, 1967, 1. Dezember, S. XI (P. Urban).

¹⁰ Тираж четвертого тома (1964) составил 5000 экз., и, несмотря на это, через два года потребовалось новое издание. К сожалению, следующие тома издавались тиражом только в 2000 экземпляров каждый, что совершенно недостаточно.

III. ХРОНИКА

НОВЫЙ ПАМЯТНИК А. С. ПУШКИНУ В МОСКВЕ

В нашей стране немало школ, носящих имя А. С. Пушкина, но лишь одна из них, 353-я школа г. Москвы, открытая в 1937 г., к столетию со дня гибели великого поэта, названа его именем и потому, что выстроена на месте, где некогда был дом, в котором 26 мая (6 июня) 1799 г. родился Пушкин (б. Немецкая улица, ныне улица Баумана, 10). Об этом гласит надпись на мемориальной доске, украшенной барельефом Пушкина-лицейста.

В 1949 г., когда отмечалось 150-летие со дня рождения Пушкина, в садике перед школой решено было установить памятник. Но прошло долгих восемнадцать лет, прежде чем это намерение осуществилось. Зато открытие нового памятника было приурочено к столь знаменательной дате, как 31 (19 октября) 1967 г., к 150-летию Царскосельского лицея. Автор бронзового бюста юного поэта — народный художник СССР Е. Ф. Белашова.

На торжественном митинге выступил писатель А. И. Гессен, которому довелось в 1900 г. быть и на открытии баховского памятника Пушкину в Царском Селе. Вслед за ним слово было предоставлено С. О. Гутину, одному из ветеранов дивизии народного ополчения Бауманского района Москвы, формировавшейся в июле 1941 г. в здании 353-й школы имени А. С. Пушкина.

Среди «сынов России», сражавшихся в 1941 г. с иноземными захватчиками, был и третий из выступавших — праправнук Пушкина С. Е. Клименко. На открытии памятника присутствовали правнуки поэта — Т. Н. Галина и Г. Г. Пушкин. Празднество завершилось театрализованным парадом пушкинских персонажей — выступлением учащихся школы, в которой ежегодно проводится традиционная «пушкинская эстафета искусств».

И. К. Эткин

ПУШКИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ПСКОВЕ

С 15 по 18 мая 1967 г. в Псковском педагогическом институте им. С. М. Кирова проходила IV Пушкинская конференция, объединенная общей темой «Пушкин в советском литературоведении за 50 лет». В конференции приняли участие литературоведы Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Риги, Пскова, Тарту, Костромы и др. городов.

Одной из центральных проблем конференции стало изучение «Евгения Онегина», которому было посвящено три доклада. Л. Р. Крымская (Саратов) в докладе «Лирические параллели к роману А. С. Пушкина „Евгений

Памятник А. С. Пушкину в Москве. Фотография.

Онегин“» исследовала соотношение романа с лирическим творчеством Пушкина 1828—1830-х годов как сложный процесс притяжения и отталкивания, с постепенной кристаллизацией нового отношения к действительности. Н. Я. Соловей (Рига) прочел доклад «Образ Ленского в свете анализа истории его создания», где предложил интерпретацию образа Ленского как типа романтического сознания, не претерпевшего существенной эволюции в процессе движения общего замысла романа. Отражение этапов духовного развития Пушкина в «Евгении Онегине» составило содержание доклада М. А. Шнеерсон (Ленинград) «Духовный мир автора на страницах романа „Евгений Онегин“».

С докладом «Некоторые вопросы изучения художественной прозы Пушкина» выступил Л. С. Сидяков (Рига). Он подчеркнул, что в большинстве работ проза Пушкина рассматривается как статическая система, в то время как она претерпевала эволюцию в неразрывной связи с эволюцией поэтических жанров; на разных этапах творчества соотношение поэзии и прозы у Пушкина меняется, становясь все более гибким и сложным. Необходимо, заключил докладчик, одновременное изучение Пушкина — прозаика и поэта.

Вопросам поэтики Пушкина были посвящены доклады В. С. Шадури (Тбилиси) «О специфике пушкинской пейзажной лирики» и М. С. Альтмана (Ленинград) «Пушкинские эпитеты и сравнения». В. С. Шадури проанализировал образцы пейзажной лирики Пушкина, выделив особо тему Терека, которая приобретает у Пушкина символический смысл и в том же значении выступает у грузинских классиков (Г. Орбелиани, А. Казбеги, И. Чавчавадзе). М. С. Альтман предложил функциональную классификацию пушкинских эпитетов (аллитерационные, прикрепленные и т. д.), высказав также ряд более частных наблюдений над судьбой отдельных эпитетов у Пушкина и последующих писателей. Анализ «Вольности» с точки зрения поэтики, а также идейного содержания стихотворения дал М. Л. Нольман (Кострома) в докладе «Ода „Вольность“ в советском пушкиноведении». Некоторые аргументы докладчика в пользу А. Шенье как наиболее вероятного адресата строк о «возвышенном галле» вызвали возражения.

Значительную часть конференции заняли проблемы лингвистического и лингвостилистического изучения Пушкина. В. Д. Левин (Москва) в докладе «Пушкин и проблемы русского языка» рассмотрел соотношение книжного и разговорного языка в допушкинскую и пушкинскую эпоху, показав, что при Пушкине повествовательная речь художественного произведения становится высочайшей нормой литературного языка в целом, перестав быть ограниченной чисто художественным заданием. Пушкин не изобрел новой системы литературного языка, но закрепил и упорядочил уже сложившуюся, дав ей наиболее полное художественное выражение и создав, таким образом, новое понимание стилистической структуры. Близкие проблемы — на материале эволюции диалога в прозе Пушкина и его предшественников — затронул В. В. Одинцов (Москва) в докладе «Структура пушкинского диалога»; он показал, что в прозе Пушкина складывается структурный диалог, составляющий кульминационный пункт сюжетного движения. А. Д. Григорьева (Москва) в докладе «Уподобление в поэзии Пушкина» остановилась на истории устойчивых поэтических фразеологизмов, на большом материале проследив эволюцию и вариативность некоторых из них (например, слова-образы «змея»). Большой интерес вызвал опыт лингвистического анализа стихотворения Жуковского «Покойнику (А. С. Пушкину)» с применением метода структуральной поэтики, осуществленный в докладе Ю. М. Лотмана (Тарту).

В нескольких докладах были подвергнуты исследованию связи Пушкина с литературно-общественным движением его времени. Л. И. Вольперт (Псков) в докладе «Книга мадам де Сталь о Французской революции и политические взгляды Пушкина» проследила отражение у Пушкина политических концепций де Сталь, остановившись подробнее на решении ими

моральных проблем, связанных с вопросом о деспотизме, проблемы царевубийства и др. Е. А. Маймин (Псков) в докладе «Пушкин и „Московский вестник“». (К вопросу о постановке этой темы в советском пушкиноведении) указал на необходимость уточнения и даже пересмотра некоторых традиционных точек зрения в изучении темы, рассмотрев ряд особенностей позиции Любомудров, сближавших их с Пушкиным в 1820—1830-е годы. К докладу Е. А. Маймина тематически примыкал доклад М. Т. Ефимовой (Псков) «Тема „Пушкин и славянофилы“ в советском пушкиноведении» (преимущественно об интерпретации творчества Пушкина И. В. Киреевским и Хомяковым).

Пушкинские традиции в творчестве Чехова рассматривались в докладах Э. В. Сливиной (Псков) «Пушкин и Чехов в советском пушкиноведении» и В. В. Самойлова (Луганск) «Пушкин и Чехов». А. А. Ахматовой как исследовательнице Пушкина был посвящен доклад В. Н. Голицыной (Псков); она отметила взаимопроникновение исследовательского и поэтического восприятия Пушкина у Ахматовой. А. И. Голышева (Псков) в критическом обзоре «Пушкин в Англии» рассмотрела различные тенденции в оценке Пушкина современным английским литературоведением. М. Г. Качурин (Ленинград) рассказал о конкретных путях и приемах эстетического воспитания учащихся при помощи комментированного чтения Пушкина (доклад «Наблюдения над пушкинским текстом на уроках литературы»).

В прениях по докладам приняли участие В. Д. Левин, Е. А. Маймин, М. Л. Нольман, С. А. Рейсер, П. С. Рейфман, В. Э. Вацуро и др.

Участники конференции ознакомились с историческими достопримечательностями Пскова, посетили Святогорский монастырь, Михайловское и Тригорское.

В. Э. Вацуро

ГРУППА ПУШКИНОВЕДЕНИЯ ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АН СССР (Ленинград) в 1966—1967 гг.

Основное направление работы Группы пушкиноведения — создание коллективных трудов и сборников, посвященных изучению творчества и биографии Пушкина. В 1966 г. вышла из печати коллективная монография «Пушкин. Итоги и проблемы изучения», уже получившая оценку в нашей и зарубежной печати.¹ В 1967 г. появился сборник статей «Пушкин и русская культура», представляющий собой пятый том серийного издания «Пушкин. Исследования и материалы» и подготовленный сотрудниками Группы пушкиноведения совместно с Институтом театра, музыки и кинематографии. Печатаются две другие работы: «Письма Пушкина последних лет. 1834—1837 гг.», служащие хронологическим продолжением комментированного издания писем Пушкина под ред. Л. Б. и Б. Л. Модза

¹ См. рецензии В. Голицыной («Звезда», 1967, № 6, стр. 220—221); А. Гуревича («Вопросы литературы», 1967, № 4, стр. 113—116); В. А. Тейловой и Г. А. Рязанцева («Учен. зап. Горьковского гос. ун-та», 1966, вып. 78, серия историко-филологическая, стр. 537—544); Н. Фридмана («Известия АН СССР», серия литературы и языка, 1966, т. XXV, вып. 5, стр. 436—438). См. также: «The Slavic and East European journal», 1967, vol. XI, № 4, pp. 473—476 (J. Th. Shaw); «Československá rusistika», 1967, roč. 12, číslo 1, ss. 56—57 (V. Svatoň); «Език и литература», 1967, № 6, стр. 79—84 (Н. Степанов), и др.

левских (которое охватывает письма Пушкина 1815—1833 гг.), и сборник статей «Реализм Пушкина и литература его времени» («Пушкин. Исследования и материалы», т. VI), освещающий роль Пушкина в формировании реалистической литературы конца 1820-х—1830-х годов. Статьи для этого сборника, посвященные как общим вопросам изучения художественной системы Пушкина (Б. С. Мейлаха, И. М. Тойбина), так и развитию отдельных жанров в литературе этого времени в их соотношении с общественно-эстетической эволюцией Пушкина (В. Э. Валуру, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович, Е. А. Маймина и др.), обсуждались на заседаниях Группы пушкиноведения и Сектора новой русской литературы в течение 1966—1967 гг.

Продолжалась работа по подготовке ежегодных Пушкинских конференций, проводимых Институтом русской литературы совместно с Пушкинской комиссией АН СССР. В 1966 г. состоялась XVIII Пушкинская конференция, посвященная двум проблемам: Пушкин и декабристы; Пушкин и русская литература XVIII в.² XIX Пушкинская конференция, состоявшаяся в 1967 г., была посвящена теме «Пушкин и национальные литературы народов СССР».³

На научных заседаниях Группы пушкиноведения, в которых принимают участие не только сотрудники Института русской литературы, но и пушкинисты, преподаватели вузов Ленинграда и других городов, а также любители поэзии Пушкина, обсуждались спорные и нерешенные проблемы пушкиноведения.

Наиболее плодотворными и привлечшими широкий круг участников были заседания, посвященные трагедии Пушкина «Борис Годунов». В докладе М. П. Алексеева «Ремарка Пушкина „Народ безмолвствует“» был поставлен вопрос об источниках и общественно-философском смысле знаменитой пушкинской ремарки. Докладчик осветил роль, которую сыграли в формировании исторической концепции Пушкина труды прогрессивных французских историков, посвященные Великой Французской революции; уточнил цензурную историю пушкинского «Бориса Годунова».⁴

Выступившие в прениях по докладу Б. П. Городецкий, Г. П. Макогоненко, Н. В. Измайлов и Б. С. Мейлах отметили широту охвата материала и глубину теоретических выводов докладчика, а также сделали ряд наблюдений по вопросу о возможных источниках финальной ремарки. В своем заключительном слове М. П. Алексеев остановился на значении исторических трудов Карамзина для понимания финала пушкинской трагедии, подчеркнув при этом, однако, существенное различие Пушкина и Карамзина в трактовке проблемы народа и царя. М. П. Алексеев, кроме того, отметил, что острополитическое содержание финальной реплики «Бориса Годунова» созвучно политическим идеям историков Французской революции.

В докладе «Кто же был цензором „Бориса Годунова“ в 1826 году?» Б. П. Городецкий вернулся к вопросу о предполагаемом авторе цензурских «Замечаний на комедию о царе Борисе и Гришке Отрепьеве». «Принятая точка зрения об авторстве Булгарина, — заявил докладчик, — может быть оспорена». Б. П. Городецкий подробно проанализировал текст «Замечаний» и сопоставил их со статьей Греча «Исторический взгляд на

² Отчет о ней см.: Р. В. Иезуитова. XVIII Пушкинская конференция. «Вестник АН СССР», 1966, № 9, стр. 129—130; Л. А. Шейман. Восемнадцатая Пушкинская. «Русский язык в киргизской школе», Фрунзе, 1966, № 4, стр. 28—33.

³ Р. В. Иезуитова. 1) Пушкинская конференция в Ленинграде. «Вестник АН СССР», 1967, № 8, стр. 122—123; 2) Девятнадцатая Пушкинская конференция. «Известия АН СССР», серия литературы и языка, 1968, т. XXVII, вып. 2, стр. 177—179.

⁴ Подробнее см.: М. П. Алексеев. Ремарка Пушкина «Народ безмолвствует». «Русская литература», 1967, № 2, стр. 36—58.

русский театр», напечатанной в альманахе «Русская Талия»; подробно охарактеризовал облик и репутацию Булгарина в 1826 г. Приведенные материалы позволяют утверждать Б. П. Городецкий, считать автором цензурских замечаний не Булгарина, а Греча.⁵ Возражали докладчику М. П. Алексеев, Б. С. Мейлах, Я. Л. Левкович, подчеркнувшие в то же время своевременность постановки проблемы и отметившие новые и свежие наблюдения, касающиеся цензурной истории «Бориса Годунова».

На заседании Группы пушкиноведения был прочитан доклад А. А. Гозенпуда «„Борис Годунов“ Пушкина и „Дмитрий Самозванец“ Булгарина». Докладчик выдвинул дополнительные аргументы в поддержку точки зрения Г. О. Винокура, считавшего автором цензурных замечаний на пушкинскую трагедию Булгарина. Детальное изучение истории взаимоотношений Пушкина и Видока-Булгарина, начиная от раннего периода их знакомства и в особенности в 1829—1830 гг., в момент наиболее острой полемики между ними, а также стилистический анализ цензурских замечаний привели А. А. Гозенпуда к выводу, что авторство Греча следует отнести. Часть этих материалов вошла в его статью «Из истории общественно-литературной борьбы конца 20-х—начала 30-х годов», публикуемую в сборнике «Реализм Пушкина и литература его времени».

Значительный интерес вызвало совместное заседание Сектора взаимосвязи русской и зарубежной литературы и Группы пушкиноведения, на котором д-р Кларенс Браун (США) сделал доклад «О новейших американских переводах „Евгения Онегина“». Докладчик подробно охарактеризовал принципы работы и художественное своеобразие переводов пушкинского романа, принадлежащих Арендту и Набокову. Сопоставление этих книг с подлинником, их критический анализ позволили К. Брауну признать за переводом Арендта несомненное литературное значение и оценить труд Набокова как не совсем удавшийся литературный эксперимент. Вместе с тем комментарий Набокова к роману, как показал докладчик, содержит интересные наблюдения и является, в известном смысле, самостоятельным литературным произведением Набокова. В прениях по докладу приняли участие А. В. Федоров, Т. Г. Гнедич, М. С. Альтман и другие. В заключительном выступлении М. П. Алексеев остановился на проблеме перевода произведений Пушкина на западноевропейские языки, охарактеризовав наиболее удачные переводы пушкинского романа в стихах на английский язык, М. П. Алексеев коснулся также особенностей перевода «Евгения Онегина», сделанного Набоковым, и комментария к роману. В настоящее время, отметил М. П. Алексеев, мы становимся свидетелями все возрастающего интереса к творчеству великого русского поэта. При этом проблема стихотворного перевода его произведений становится все более острой; новые переводы различно воспринимаются критикой и вызывают споры. Весьма интересно было бы дать подробное обозрение всей появившейся по этому поводу критической литературы.

Для работы Группы пушкиноведения характерно сотрудничество с исследователями, работающими в смежных областях литературоведения, и привлечение к своей работе широкого актива интересующихся Пушкиным. В 1966—1967 гг. были прочитаны следующие доклады, посвященные изучению Пушкина: А. Д. Соймонова (Ленинград) «Замысел Пушкина „Собрание русских народных песен“»;⁶ Н. А. Раевского (Алма-Ата) «Письма Д. Ф. Фикельмон и Е. М. Хитрово к П. А. Вяземскому с упоминаниями о Пушкине»; Л. Г. Фризмана (Харьков) «Пушкин и Баратынский»; Г. М. Кока (Ленинград) «„Полководец“ Пушкина»; М. И. Яшина (Ленин-

⁵ Доклад лег в основу статьи Б. П. Городецкого «Кто же был цензором „Бориса Годунова“ в 1826 году?», опубликованной в журнале «Русская литература» (1967, № 4, стр. 109—119).

⁶ Эти материалы напечатаны в «Литературном наследстве», т. 79. Изд. «Наука». М., 1968.

град) «Об авторе анонимного пасквиля»;⁷ Д. И. Белкина (Горький) «Из новых разысканий о восточных мотивах в творчестве А. С. Пушкина». Следует отметить заседание, посвященное теме «Письма Н. Н. Пушкиной к Пушкину». В своем докладе «О судьбе писем Н. Н. Пушкиной» С. В. Житомирская (Москва) детально рассмотрела и убедительно опровергла версию о похищении из Румянцевского музея писем Н. Н. Пушкиной к мужу, подвергнув критическому анализу основные положения статьи С. Энгель «Где письма Н. Н. Пушкиной?», опубликованной в журнале «Новый мир».⁸

В настоящее время сотрудники Группы пушкиноведения Института русской литературы работают над очередным, седьмым, томом сборника «Пушкин. Исследования и материалы», который будет посвящен творческой истории и идейно-художественной проблематике стихотворений Пушкина 1820—1830-х годов, а также заканчивают работу над «Библиографией литературы о Пушкине за 1918—1936 гг.»

Р. В. Исаушова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА (Москва) в 1967 г.

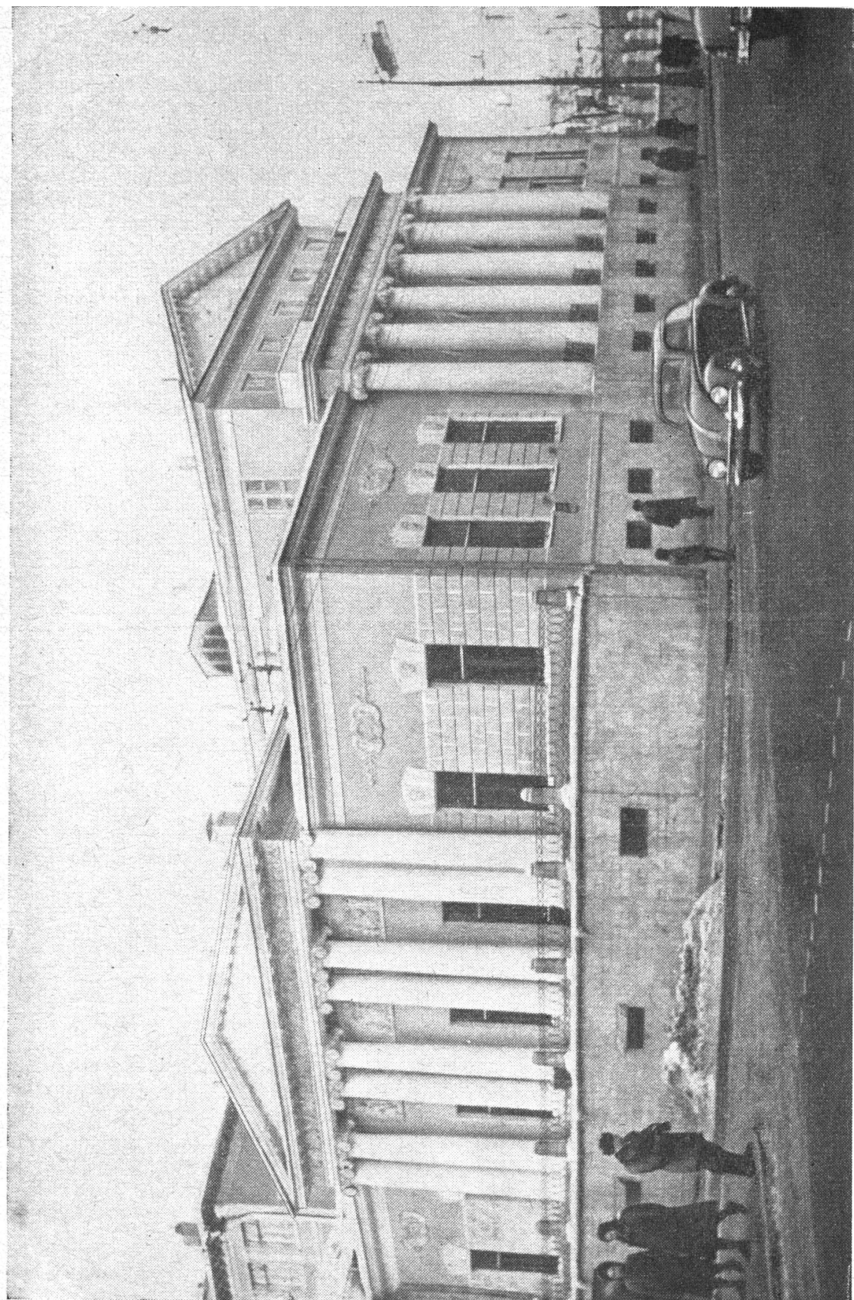
В связи с празднованием 50-летия Великого Октября с докладом, освещающим развитие пушкинской текстологии за 50 лет, выступил в музее С. М. Бонди. Директор Пушкинского заповедника Псковской области С. С. Гейченко рассказал об истории Заповедника и его деятельности за годы Советской власти. Несколько научных заседаний было посвящено выдающимся советским пушкинистам — Г. О. Винокуру, Л. П. Гроссману, М. А. Цявловскому. Состоялось два заседания из начатого в прошлом году цикла «Чтений с комментариями». Читали и комментировали пушкинские произведения С. В. Шервинский («Граф Нулин») и С. М. Громбах («Домик в Коломне»). На открытых научных заседаниях выступили Н. В. Фридман («„Цыганы“ Пушкина как романтическая поэма»), Н. Я. Эйдельман («Пушкин и польское восстание 1830—1831 гг.» и «Открытие и находки: воспоминания П. В. Нащокина»), В. В. Пугачев («Пушкин о Петре I после 1825 г.»), В. С. Непомнящий («Между мечтой и реальностью» — о сказках Пушкина), П. А. Оболенский («Главы из книги Анри Труайя „Пушкин“»), М. И. Гиллельсон («Замечания Пушкина на полях монографии П. А. Вяземского о Фонвизине»). Прошло первое заседание из цикла «Проблема изучения языка и стиля Пушкина» (были прочитаны доклады В. Д. Левина «Пушкин и стилистическая система русского литературного языка» и И. С. Ильинской «Из наблюдений над поэтической речью Пушкина»).

Состоялся ряд вечеров с участием известных чтецов: с творческими отчетами выступили в музее Д. Н. Журавлев, В. А. Токарев, Я. М. Смоленский, Н. А. Голубенцев. Особое внимание общественности привлек вечер, посвященный пьесе М. А. Булгакова о Пушкине «Последние дни», а также вечера мастеров поэтического перевода, вечера из цикла «Дантовские чтения», в частности вечер с докладом Д. Д. Благого «Пушкин и Данте».

В течение 1967 г. фонды музея пополнились многими ценными дарами и приобретениями. Великолепные портреты И. Г. Полетики (работы П. Ф. Соколова), В. А. Жуковского (работы Е. Р. Рейтерна; дар Б. Е. Поповой), А. А. Олениной (дар В. Н. Звегинцова) привезены в музей

⁷ Опубликовано под названием «К портрету духовного лица» («Нева», 1966, № 2, стр. 168—176; № 3, стр. 186—198).

⁸ «Новый мир», 1966. № 11, стр. 172—279.

Государственный музей А. С. Пушкина в Москве. Фотография.

И. С. Зильберштейном из Парижа.¹ Совсем недавно музей стал владельцем большой коллекции фарфора, серебра и мебели первой половины XIX в., оставленной ему в наследство покойной А. С. Головиной. Большое количество вещей пушкинской эпохи подарила музею Л. А. Ямщикова-Дмитриева. Приобретены также в этом году портреты П. В. Нащокина, директора московских и петербургских театров А. М. Геденова, Баркляя де Толли, А. А. Шаховского, П. В. Киреевского, несколько портретов Пушкина работы советских художников (С. Шор, А. Кравченко и др.).

22 октября 1967 г. в музее состоялся вечер с участием артистов театра им. М. Н. Ермоловой, посвященный спектаклю «Пушкин». Бессменный исполнитель роли Пушкина нар. артист РСФСР В. С. Якут преподнес музею в этот день замечательный подарок — миниатюру, изображающую Пушкина-ребенка, ранее хранившуюся в музее как собственность артиста.²

В течение 1967 г. в музее было организовано несколько выставок, в том числе выставка работ Е. А. Кибрика «Иллюстрации к „Борису Годунову“» и выставка «Ленинградские художники — Пушкину».

Событием для музея стал выход в свет альбома-сувенира «Адресаты лирики Пушкина» (изд. «Советская Россия»), получившего широкое признание и вызвавшего многочисленные отклики читателей.

В 1967 г. музей посетило 100 000 человек; было проведено около 2000 экскурсий. В список лекций, проводимых музеем, была введена новая тема «Пушкин и наше время».

Среди посетителей музея в минувшем году было немало иностранцев. Студенты из Франции, группа польских переводчиков, английский поэт и переводчик Уолтер Мэй, подаривший музею свои переводы из Пушкина на английский язык, жена замечательного чешского патриота Густа Фучикова, группа актеров английского Королевского Шекспировского театра, музейные работники Болгарии и Чехословакии — вот далеко не полный перечень людей, побывавших в Московском пушкинском музее.

Н. Г. Винокур

ВСЕСОЮЗНЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА

(Ленинград) в 1967 г.

25 июня 1967 г. в г. Пушкине в одном из флигелей Екатерининского дворца открылась основная монографическая экспозиция Всесоюзного музея А. С. Пушкина, посвященная поэту и его эпохе.¹

Это событие было ознаменовано торжественным митингом на площади перед дворцом, который открыл секретарь Исполкома Ленгорсовета Н. Д. Христофоров.

Первое слово было предоставлено академику М. П. Алексеву. Затем выступали лауреат Ленинской премии скульптор М. К. Анисишин, начальник Управления музеев Министерства культуры РСФСР А. И. Ермолаев, директор Пушкинского заповедника С. С. Гейченко и др.

В 27 залах музея о жизни и творчестве А. С. Пушкина, о его связях с литературным и общественно-политическим движением первой трети XIX в. рассказывают изобразительные и документальные материалы пушкинской поры, мемориальные вещи. Для обозрения представлено более

¹ См. его статью «Из Парижа в Пушкинский музей» в «Московской правде» от 2 февраля 1967 г.

² Н. Баранская. История пушкинской миниатюры. «Наука и жизнь», 1966, № 3, стр. 32—41.

¹ См.: «Комсомольская правда», 15 июня 1967 г.; «Вечерний Ленинград», 26 июня 1967 г.; «Ленинградская правда», 27 июня 1967 г.

полтора тысяч ценнейших экспонатов. Впервые так широко показаны пушкинские рукописи (более 700) с рисунками на полях, раскрывающие творческую лабораторию поэта. Рукописи даны в копиях, выполненных на архивной бумаге прошлого века и в полной мере сохраняющих внешний вид оригиналов.

Новая экспозиция занимает 3 этажа. Экспозиция первого этажа охватывает лицейский и петербургский периоды жизни и творчества Пушкина и завершается южной ссылкой поэта. Экспозиция 2-го этажа рассказывает о 1824—1830 гг. жизни Пушкина. Последний зал этого этажа посвящен «Евгению Онегину». В нем нет иллюстраций, относящихся непосредственно к роману. Посетитель видит портреты молодых людей той поры, пейзажи русской деревни, интерьеры «модных и старинных зал», созданные художниками-современниками Пушкина вне связи с романом, которые являются лучшей иллюстрацией к произведению.

В залах музея можно увидеть восемь прижизненных портретов Пушкина: портрет и эскиз к портрету В. А. Тропинина, литографию Г. Гиппиуса, портрет Ж. Вивьена, лист из альбома П. И. Челищева с изображением поэта, карандашный рисунок В. Ваньковича, гравированный портрет Н. И. Уткина, акварель неизвестного художника.

Впервые экспонируется рисунок поэта «Рылеев и Кюхельбекер на Сенатской площади», недавно полученный музеем в дар.

Никогда еще не была представлена в таком объеме иконография декабристов. Несомненно особое место в ней занимает галерея портретов ссыльных декабристов работы Н. А. Бестужева.

В экспозиции можно увидеть личные вещи поэта и его друзей: жилет Пушкина, два рабочих стола из Михайловского и Болдина. В зале, посвященном Тригорскому, находятся дамское бюро и рукодельный столик, когда-то стоявшие в доме П. А. Осиповой. У последнего не совсем обычная судьба. Увезенный фашистами из России, он в послевоенные годы был случайно обнаружен в Германии. В той же комнате висят две жанровые сцены английского художника Морланда, которые тоже некогда украшали дом в Тригорском.

В 1967 г. значительно пополнились фонды Всесоюзного музея А. С. Пушкина. Более 1000 новых экспонатов обогатило музейную коллекцию.

Среди приобретений необходимо отметить серию фотолитографий-иллюстраций (24 листа) А. Н. Бенуа к «Медному всаднику». Большинство этих листов войдет в экспозицию «Пушкин в культуре XIX и XX вв.», которая будет открыта в здании Лицея как продолжение литературно-монографического музея, размещенного в одном из флигелей Екатерининского дворца.

Иллюстрацией к той же теме «Медный всадник» могут служить также подаренные музею три гравюры конца XVIII в., посвященные истории создания самого памятника: «Вид камня, называемого Гром», «Вид открытия камня» (гравюры Шлея и по рис. Фельтена) и «Открытие монумента Петра I» (гравюра А. И. Мельникова).

Много новых материалов появилось также и в советском разделе коллекции музея. О своеобразном подходе к пушкинскому творчеству говорят присланные в дар произведения художников К. Чеботарева и А. Платуновой, созданные еще в 1930-х годах.

Из работ современных художников, занимавшихся пушкинской темой, музей приобрел иллюстрацию одесского художника И. Шенкера к «Сказке о царе Салтане» и серию цветных автолитографий художника-москвича А. Иткина. Неизменный интерес у посетителей выставок Всесоюзного музея А. С. Пушкина вызывают художественные фотографии В. Скобельцына. В истекшем году музей получил новую серию его фотографий большого формата «Пушкинские места Советского Союза».

Пополнение фондов велось с учетом той экспозиционной работы, которая планируется музеем на ближайшее будущее.

К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции Всесоюзный музей А. С. Пушкина открыл в г. Пушкине в Камероновой галерее выставку «А. С. Пушкин в советской графике 1917—1967 гг.». На ней представлено более 300 работ выдающихся мастеров русской графики XX в.: А. Н. Бенуа, В. А. Фаворского, В. М. Конашевича, Н. В. Кузьмина, Н. П. Ульянова, Л. С. Хижинского и др.

Продолжая добрую традицию чествования памяти великого поэта, существующую уже 46 лет, сотрудники музея-квартиры А. С. Пушкина 10 февраля 1967 г. провели традиционное памятное собрание, посвященное 130-летию со дня его гибели. На нем выступили докт. филол. наук проф. Б. С. Мейлах, докт. филол. наук Е. Г. Эткинд, педагог Н. Г. Долина, поэты, артисты, зарубежные гости.

Памятный вечер с выступлениями сотрудников музея состоялся и в городе юности поэта.

В прошедшем году в музее начат цикл литературно-музыкальных «Вечеров на Мойке».

Сотрудники музея ведут большую культурно-просветительную работу в г. Ленинграде и за его пределами. Прочитано более 100 лекций на предприятных и в клубах города и пригородов. В Тосненском и Гатчинском районах систематически проводились беседы о пушкинских музеях нашей страны, был организован цикл вечеров «Классики русской литературы». Большую помощь музей оказывает школам страны в создании школьных литературных музеев. В двух ленинградских школах читаются факультативные курсы русской и советской поэзии.

М. Н. Петай

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ в 1967 г.

Отличительной чертой деятельности Пушкинского заповедника в 1967 г. была массовость экскурсионной работы: в нем побывало 15 150 экскурсий, насчитывавших в своем составе 366 580 человек со всех концов СССР. Огромный наплыв посетителей вызвал необходимость принятия дополнительных мер по охране природы и мемориальных мест Заповедника. Прежде всего был закрыт въезд автомашин на территорию заповедных парков и рощ. В Михайловском было сокращено количество различных киосков: они были вынесены за пределы парка; было увеличено количество музейных смотрителей и сторожевой охраны. На подступах к паркам продолжалось строительство и благоустройство специальных стоянок для экскурсионных автомашин, производилось оборудование на них павильонов для торговли книгами и сувенирами. При въезде в Михайловское в районе деревни Бугрово построено новое кафе; в одном из микрорайонов поселка Пушкинские Горы начато строительство гостиницы для туристов; разрешен вопрос об организации в Заповеднике с началом нового экскурсионного сезона ведомственной милицейской охраны.

В истекшем году институт «Ленгипрогор» по заданию Совета Министров РСФСР разработал генеральный проект дальнейшего благоустройства Заповедника и поселка Пушкинские Горы. Проект этот предусматривает значительное расширение охранной зоны мемориальных пушкинских мест и зоны застройки района. Большое внимание в проекте уделено улучшению подъездных путей к Заповеднику, санитарным мероприятиям, очистке заболочиваемых заповедных озер и реки Сороти, а также освоению бывших помещичьих имений, находящихся далеко за пределами Заповедника, но могущих быть пригодными для экскурсантов, направляющихся в Заповедник.

Как и в предыдущие годы, продолжались работы по восстановлению садово-парковых и архитектурных памятников Заповедника. По проекту,

разработанному Псковской научно-реставрационной мастерской, начато восстановление дома Ганнибалов в Петровском. Восстановлен каменный крест на Савкином камне. Этот крест XVI в., утраченный много лет тому назад, удалось обнаружить во время археологических раскопок на месте древнего погоста поблизости от деревни Савкино. Во время поисков утраченных памятников, некогда находившихся на территории древнего Ворнича, удалось обнаружить еще несколько памятных камней XV—XVI вв. Среди них так называемый Крюков камень (1504 г.), ложе и крест которого по характеру рисунка и надписи очень близки к камню, находящемуся на Савкиной горке.¹ Как известно, в тревожные годы гражданской войны с могильного холма Святогорского монастыря почти полностью исчезли древние камни и кресты, некогда стоявшие по его склонам, в том числе и крест-«жальник» XVI в., находившийся в нескольких шагах от могилы Пушкина. Произведенные летом 1967 г. раскопки позволили обнаружить в земле несколько весьма интересных каменных славянских надгробий, среди них и крест-«жальник», возможно даже тот самый, который некогда стоял на площадке у обелиска на могиле Пушкина. Этот «жальник» сегодня поставлен на свое место.

Музейный фонд Заповедника пополнился новыми приобретениями. В их числе: серебряный подсвечник, принадлежавший Пушкину (из фондов Государственного Литературного музея в Москве), картина работы неизвестного художника 1-й половины XVIII в. «Петр I с арапчонком», книги с автографами современников Пушкина, предметы усадебной обстановки и быта конца XVIII—первой четверти XIX вв. Последние необходимы Заповеднику для пополнения интерьеров Михайловского, Тригорского и для оборудования будущего музея в доме Ганнибалов в Петровском.

Большое место в научно-музейной деятельности Заповедника заняли выставки на пушкинские темы. Было устроено четыре выставки: «Пушкинские заповедные места» — выездная выставка в г. Грозном и г. Душанбе, выставка работ студентов графического факультета Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, приехавших в Пушкинский заповедник на летнюю творческую практику (это однанадцатая ежегодная выставка Института в Заповеднике), выставка художественных фотографий пушкинских памятников Заповедника (работы М. Величко, М. Семенова, Б. Скобельцына), открытая в Пушкиногорском Доме культуры. Все эти выставки посетило свыше 40 000 человек.

Как и в предыдущие годы, научные сотрудники Заповедника выезжали в экспедиции по районам Псковской области для сбора памятников народного творчества и предметов быта пушкинской эпохи. Во время этих экспедиций читались лекции и доклады о Пушкине и Пушкинском заповеднике. Всего было прочитано и проведено 275 лекций, докладов и бесед.

В апреле 1967 г. постановлением Министерства культуры РСФСР в Плюсском районе Псковской области на территории бывшего имения великого русского композитора Н. А. Римского-Корсакова Вечаше-Любенск, где в 1893—1908 гг. жил и творил композитор, был создан новый музей-усадьба на правах филиала Пушкинского заповедника. Как известно, именно там Римский-Корсаков создал свой знаменитый пушкинский цикл. Хорошо сохранившиеся Вечашский парк и сад в Любенске позволяют в недалеком будущем воссоздать ту обстановку усадьбы, которая существовала при жизни композитора.

Как и в предыдущие годы, Пушкинский заповедник по традиции отметил три памятные пушкинские даты: 130-ю годовщину смерти поэта, 168-ю годовщину дня рождения и 143-ю годовщину приезда в михайловскую ссылку.

¹ См.: А. Савыгин. Памятник старины. «Псковская правда», 6 октября 1967 г.

130-я годовщина со дня смерти Пушкина отмечалась 10—11 февраля. 10 февраля состоялось памятное собрание у могилы Пушкина, на котором выступили представители Ленинграда, Москвы, Пскова и трудящиеся района. 11 февраля в районном Доме культуры состоялся торжественный вечер. С докладом «Элегии Пушкина» выступил зам. директора Института русской литературы АН СССР докт. филол. наук К. Н. Григорьян. С чтением своих стихов, посвященных Пушкину, выступили поэты М. Дудин, Б. Шмидт, А. Титов. Затем состоялся большой концерт силами студентов и преподавателей Ленинградской консерватории и Псковского музыкального училища. Пушкинские вечера и утренники были проведены Заповедником в домах культуры, школах Новоржева и Пскова, совхозах и колхозах района. На этих вечерах присутствовало 3500 человек. Были опубликованы статьи о Пушкинском заповеднике, принадлежащие В. С. Бозыреву и С. С. Гейченко.²

168-я годовщина со дня рождения Пушкина одновременно проводилась и как всесоюзный пушкинский праздник поэзии. Этот праздник происходил 3—4 июня в Пскове и Михайловском в соответствии с решением Секретариата Союза писателей СССР. В нем приняли участие писатели и поэты всех республик Советского Союза (свыше 100 человек). Праздник открыл И. Л. Андроников. Со словами приветствия и чтением своих произведений выступили Н. Рыленков, К. Каладзе, С. Капутикян, Я. Хелемский, Б. Ахмадулина, С. Смирнов, Д. Кугультинов, И. Виноградов, Я. Смеляков, К. Кулиев, Б. Полевой и многие другие. Из зарубежных гостей выступили лауреат Ленинской премии мира Фаиз Ахмад Фаиз (Пакистан) и поэт Христо Радевский (Болгария). В празднике приняло участие более 130 000 человек, приехавших из Ленинграда, Москвы, Пскова, Смоленска, Новгорода и соседних прибалтийских республик. Пушкинский праздник поэзии был широко освещен в прессе.³ Центральное радио, телевидение посвятили ему специальные программы. Ленинградская студия кинохроники выпустила документальный фильм «День поэзии в Михайловском» (в 2-х частях). К празднику вышли в свет сборник «Стихотворения Пушкина, написанные в Михайловском», новый путеводитель по Заповеднику (автор С. С. Гейченко), второе издание путеводителя по Заповеднику В. С. Бозырева.

143-й годовщине со дня приезда Пушкина в михайловскую ссылку были посвящены традиционные «Пушкинские чтения», происходившие в Тригорском 21—22 августа. С докладами и научными сообщениями о деревенских знаках Пушкина выступили научные сотрудники Заповедника. «Чтения» закончились концертом при участии народного артиста РСФСР Д. Н. Журавлева и артистки Московского театра им. Ленинского комсомола Н. Д. Журавлевой.

18 октября 1967 г. Заповедник испытал большое бедствие — на его рощи и парки обрушился ураган, подобного которому в этих местах не наблюдалось за последние полвека. За четыре часа бурей было вырвано

---

² См.: В. С. Бозырев. Дорогие сердцу места (к 130-летию со дня смерти Пушкина). «Пензенская правда», 10 февраля 1967 г.; С. Гейченко. Вечно живой (к 130-летию со дня смерти Пушкина). «Псковская правда», 10 февраля 1967 г.

³ См.: Н. Сергованцев. России сердце не забудет. «Огонек», 1967, № 24; П. Антокольский. День Пушкина. «Комсомольская правда», 4 июня 1967 г.; И. Виноградов. Под сенью михайловских рощ. «Правда», 5 июня 1967 г.; Пушкинский праздник поэзии. «Псковская правда», 6 июня 1967 г.; И. Андроников. Образ родины. «Литературная газета», 7 июня 1967 г.; А. Пистунова. Его день рождения. «Литературная Россия», 9 июня 1967 г.; И. Густов. Там, где шумят михайловские рощи. «Правда», 21 июня 1967 г.; И. Андроников. У Пушкина в год Октября. «Известия», 28 октября 1967 г.

с корнем около 1500 старых деревьев в возрасте от 100 до 200 лет, преимущественно елей и сосен. Вся территория Заповедника была засыпана опавшими сучьями и ветвями. В числе погибших деревьев оказалось пять старых ганнибаловских елей на Еловой аллее Михайловского. К счастью, не слишком пострадали лиственные деревья. Так, уцелели все липы на Аллее Керн, липы и клены Тригорского и Святогорского монастыря. Для быстрейшей ликвидации последствий урагана Министерство культуры РСФСР срочно выделило Заповеднику необходимые ассигнования, а Псковский военный гарнизон, по ходатайству Заповедника, немедленно направил в Михайловское воинское подразделение, которое вместе с лесниками и рабочими Заповедника проделало большую работу по уборке бурелома, вывозке древесины, корчевке пней и пр.

В декабре 1967 г. Оргкомитет всероссийского смотра работы музеев РСФСР, посвященного 50-летию Советской власти, присвоил Пушкинскому заповеднику почетное звание «Лучший музей РСФСР».

С. С. Гейченко

В ШКОЛАХ КИШИНЕВА

В ноябре 1967 г. в средних школах г. Кишинева в течение целого месяца шли конкурсы на лучшее чтение стихов Пушкина. Сотни учащихся выступили на этих конкурсах. 2—3 декабря 1967 г. в городском Доме пионеров лучшие юные чтецы оспаривали звание лауреата. Жюри прослушало 150 молдавских школьников. Пятнадцать лауреатов конкурса были награждены собранием сочинений великого русского поэта и экскурсионными поездками в Ленинград и Одессу.¹

---

¹ См.: «Правда», 4 декабря 1967 г.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Беловой автограф стихотворения Пушкина «Красавица», первая страница. (Стр. 6).
- Е. М. Завадовская. Гравюра А. Шалона (Стр. 6—7).
- Пушкин. Рисунок П. П. Вяземского. (Стр. 31).
- А. Г. Лаваль. Акварель О. Тимашевского. (Стр. 38—39).
- Дача А. Г. Лаваль в Петербурге. Литография. (Стр. 38—39).
- Памятник А. С. Пушкину в Москве. Фотография. (Стр. 70).
- Государственный музей А. С. Пушкина в Москве. Фотография. (Стр. 76).
-

О П Е Ч А Т К А

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Следует читать</i>
82	3 снизу	собранием сочинений великого русского поэта

Временник

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие	3
-----------------------	---

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

О. А. Пини. Новонайденный автограф стихотворений Пушкина «Красавица»	5
Р. Е. Терехенина. Копия «Записок Екатерины II» из архива Пушкина	8
Т. П. Мазур, Н. Н. Малов. Новые данные о Пушкине из архива С. С. Уварова	23
А. В. Корнилова. Пушкин в рисунке П. П. Вяземского	29
А. Л. Вайнштейн, В. П. Павлова. К истории повести Пушкина «Гости съезжались на дачу...»	36

II. ОБЗОРЫ

В. В. Зайцева. Книги о Пушкине 1966—1967 годов	44
Мелкие заметки	49
1. Р. М. Горохова. К тексту «Египетских ночей»	49
2. М. П. Алексеев. К статье Пушкина «Джон Теннер»	50
3. П. Р. Заборов. Пушкин во французском журнале 1820-х годов	56
4. Нико С. Мартинович. Петр II Петрович Негош в Пскове	59
5. В. Э. Вацуро. К биографии поэта пушкинского окружения	61
6. М. П. Алексеев. «Скупой рыцарь» в Мексике	63
7. Г. Рааб. Новое собрание сочинений Пушкина на немецком языке	65

III. ХРОНИКА

Новый памятник А. С. Пушкину в Москве	69
Пушкинская конференция в Пскове	69
Группа пушкиноведения Института русской литературы АН СССР (Ленинград) в 1966—1967 гг.	72
Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1967 г.	75
Всесоюзный музей А. С. Пушкина (Ленинград) в 1967 г.	77
Государственный Пушкинский заповедник Псковской области в 1967 г.	79
В школах Кишинева	82
Список иллюстраций	83